

УДК 340.1
ББК 67.022.14

В. Г. Вишневский
*Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России,
Иркутск, Российская Федерация*

ЮРИДИЧЕСКАЯ ТЕХНИКА НА РАННИХ ЭТАПАХ СВОЕГО РАЗВИТИЯ (ОКОНЧАНИЕ)*

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 7-16. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.7-16
Дата поступления: 23.05.2014

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется вопрос истории развития юридической техники, которая начинается в Древнем Шумере и продолжается в Древнем Вавилоне. В период Античности (мы исследовали лишь право Древнего Рима как наиболее целостную систему) юридическая техника получила широкое развитие в законотворческой деятельности государства и его органов, интерпретационной и правоприменительной практике деятельности римских юристов. По существу, римские юристы и определили последующее направление развития и юриспруденции как науки о праве, и права как системы норм, регулирующих общественные отношения. При этом систематизация римского права, осуществленная императором Юстинианом, не только сохранила достижения римских юристов, но и придала им уникальную форму как источника права для Нового и Новейшего времени.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Юридическая техника; законы XII таблиц; сенатусконсульты; дефиниции; аксиомы; правовая культура; норма права; систематизация; кодификация.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ**

Вишневский В.Г. Юридическая техника на ранних этапах своего развития (окончание) // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 7-16. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.7-16

V. G. Vishnevskiy
*Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation
Irkutsk, the Russian Federation*

LEGISLATIVE TECHNIQUE AT THE EARLY STAGED OF ITS DEVELOPMENT (CONCLUSION)**

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 7-16. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.7-16
Submission date: 23.05.2014

ABSTRACT

The paper researches the history of legislative technique's development that started in Ancient Sumer and continued in Ancient Babylon. In the Antiquity period (we only researched the Ancient Roman law as the most holistic system) legislative technique was widely developed thanks to the lawmaking activities of the state and its bodies as well as the interpretation and law enforcement practice of Roman lawyers. In essence, Roman lawyers determined the future development of both jurisprudence as a science of law

* Начало см.: Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 3. — С. 7-14. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.3.7-14.

** Beginning in: Vishnevskiy V. G. Legislative technique at the early staged of its development (to be concluded). *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 7-14. DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.3.7-14. (In Russian).

KEYWORDS

and the law as a system of norms regulating public relations. At the same time, the systematization of Roman law carried out by Emperor Justinian not only preserved the achievements of Roman lawyers, but also gave them a unique form as a source of law for New and Modern Times.

REFERENCE TO ARTICLE

Legislative technique; the laws of the twelve tables; *senatus consultum*; definitions; axioms; legal culture; legal norm; systematization; codification.

Vishnevskij V. G. Legislative technique at the early staged of its development (conclusion). *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 7–16. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.7-16

Существуют различные определения понятия «юридическая техника», приведем лишь одно из них: «юридическая техника — совокупность правил (приемов), средств подготовки, рассмотрения и обнародования нормативно-правовых, правоприменительных и интерпретационных актов» [9, с. 334]. Из этого следует деление юридической техники на три вида: правотворческую, правоприменительную и интерпретационную. Именно такое проявление элементов юридической техники мы и наблюдаем в римском праве. Правотворческая и правоприменительная юридическая техника возникает на Древнем Востоке, интерпретационная — в период классического римского права.

Римское право — это система правовых норм, а римская юриспруденция — система знаний о праве, разрабатывающая идеи, положения, определения, формирование юридического мировоззрения, правовой культуры римского общества. «Между тем выработанные римскими юристами приемы обработки правового материала, способы формулирования правовых норм, их классификации и систематизации, рациональные методы разрешения споров, дефиниции, понятийный и терминологический аппарат составляют наиболее ценный компонент римской правовой культуры» [13, с. 33].

Римская юриспруденция и римское право уходят своими корнями в глубь тысячелетий. Законы царского периода по своему содержанию имели уже не религиозный, а светский характер, хотя по форме они продолжали сохранять религиозные традиции, обряды и ритуалы, свойственные формализму и торжественности священных законов.

Правотворческую юридическую технику римлян можно разделить по видам законов: священные законы, царские законы, постановления народного собрания, сенатусконсулты, эдикты магистратов и императорские конституции. Юридическая правоприменительная техника римских

юристов проявилась в многообразных формах их практической деятельности.

Священные или сакральные законы (*sacer esto*) «зародились еще в недрах первобытной родовой общины. И вместе с тем именно сакральное право стало той первоначальной базой, на которой строилось все римское цивильное право» [6, с. 54]. Принимавшиеся в царский период законы все еще имели сакральный характер, но их содержание приобретало уже светское значение и светский характер. Они были направлены на решение проблем гражданского общества, гражданской власти, социальных отношений. Эти обстоятельства и приводят к конкуренции божественного и человеческого права.

Законы царского периода не дошли до нас, и поэтому трудно дать характеристику правотворческой юридической технике этого периода. Плутарх и Дионисий Галикарнасский (греческие историки) лишь упоминают о некоторых законах Ромула. Последний из них отмечает, что «...большинство норм Ромула были неписаными, однако, некоторые из них были позднее записаны и вошли как в Папириев сборник, так и в законы XII таблиц» [3, с. 78]. Такое же положение было и с законами Нумы Помпилия, Сервия Туллия и Гая Папирия. «Что касается достоверности традиции о реформах Сервия Туллия, то обычно подвергают сомнению их реализацию в середине VI в. до н. э. Это верно лишь отчасти, ведь следующий царь — Тарквиний Гордый свел на нет большую часть Сервиевых реформ» [6, с. 96]. Дионисий Галикарнасский также сообщает, что законы Нумы Помпилия записывались на деревянных досках, в таком же порядке были записаны и законы XII таблиц.

Достижением юридической техники царского периода было создание новой правовой идеологии, выразившейся в переходе от религиозного мировоззрения к светскому, от божественного права к человеческому: публичному и частному праву. Это осуществлялось путем принятия поста-

новлений народных собраний: куриатных, центуриатных и трибутных комиций.

Ромул, проводя социальные реформы, наделил народные собрания правом принимать законы, которые принимались путем голосования по куриям, каждая курия имела право одного голоса. Однако плебеи не входили в состав куриатных комиций, и поэтому патриции формировали законодательную политику государства в интересах своего сословия (квиритов).

После проведения социальных реформ Сервием Туллеем право принимать законы перешло к центуриатным комициям. Каждая центурия также обладала правом одного голоса. «При абсолютном большинстве в 97 голосов достаточно было единодушного решения первого класса и всадников (98 центурий), чтобы даже не испрашивать мнения остальных центурий» [9, с. 133]. Таким образом, внутренняя и внешняя политика государства не претерпела изменений, и законодательная политика народных собраний осталась на позициях господства класса рабовладельцев.

В период республики трибутные комиции (народные собрания) становятся новым центром политической жизни государства. Наряду с плебеями позднее в них стали принимать участие и патриции. Решения трибутных комиций наделялись высшей юридической силой, назывались плебисцитами, означавшими выражение воли всего народа.

Легенды и традиция неизменно повторяют факт, что после упразднения царской власти (509 г. до н. э.) политическая борьба между плебеями и патрициями усиливается. В 494 г. до н. э. плебеи добиваются учреждения магистратуры народных (плебейских) трибунов, и законодательная деятельность трибутных комиций приобретает демократический характер — это законы Спурия Кассия, Аппия Гордония, трибуна Цицелия, законы XII таблиц, законы Валерия и Горация, принятые в 449 г. до н. э. «Первый закон гласил, что постановления, принятые плебеями на собраниях по трибам (так называемые “плебисциты” — plebiscite), должны быть обязательными для всего народа» [5, с. 88]. Законы Петелия и Папирия 313 г. до н. э. отменили долговую кабалу. В 304 г. до н. э. сын вольноотпущенника Гней Флавий опубликовал календарные дни судебных заседаний и формулы исковых жалоб. «Флавий упорно боролся со знатью, презиравшей его низкое происхождение. Он обнаружил правила гражданского судопроизводства, держав-

шиеся в тайне понтификами, и расставил вокруг форума белые доски с росписью на них судебных дней, чтобы все знали, когда по закону можно хлопотать о делах» [Там же, с. 96]. Закон Марка Валерия (300 г. до н. э.) установил право гражданина апеллировать к народному собранию в случае назначения ему телесного наказания или смертной казни. Наконец в 287 г. до н. э. плебейский диктатор Квинт Гортензий издает закон, подтверждающий законодательную силу плебисцитов для всех граждан.

В результате законодательной деятельности трибутных комиций на протяжении более двухсот лет в Риме установилась республиканская форма правления, в которой законодательная, исполнительная и судебная власти носили самостоятельный характер. Решающую роль в этом процессе сыграла правотворческая юридическая техника, носившая демократический характер и исходившая из признания основных ее положений — свободы и равенства сословий.

К III в. до н. э. плебеи добились уравнения в правах с патрициями мирными средствами, путем законотворческой деятельности народных собраний (трибутных комиций). Однако к концу республики народные собрания теряют свое политическое значение, и постановления сената постепенно подменяют, а затем и заменяют постановления народного собрания.

Сенат как государственный орган в период олигархической республики приобрел значительные полномочия по осуществлению функций государственного управления. До 339 г. до н. э. сенат утверждал постановления народного собрания, а затем стал давать свои заключения (одобрение) на них. Сенат ведал как внутренней, так и внешней политикой государства: принимал послов и отправлял посольства в другие страны; объявлял войну и заключал мир; объявлял набор в армию и распускал ее; устанавливал бюджет армии, назначал триумфы; управлял финансами и определял бюджет государства на 5 лет; устанавливал налоги, руководил чеканкой монеты. Сенаторы были членами постоянных судебных комиссий по особо опасным преступлениям. С начала I в. н. э. постановления сената приобретают постоянный характер, наделяются высшей юридической силой и становятся законами. Сенатусконсульты издавались по всем вопросам государственной жизни Римской империи: законодательной, исполнительной (военной) и судебной сфер.

В период принципата появляется новая форма закона — *constitutiones principum* —

как обобщенный термин актов, принимаемых принципом: декретов, эдиктов, мандатов и рескриптов. По мнению М. Бартошека, «Это были акты различного характера и значения, обязательные для всего населения (*constitutiones generalis*) или только для отдельных категорий лиц, или правовых отношений (*constitutiones specialis*), иногда и в пользу отдельных заслуженных лиц (*constitutiones personales*)» [1, с. 88]. Магистраты также наделялись правом издавать общеобязательные постановления (но только в сфере своей компетенции) — эдикты.

Особую роль в развитии римского права сыграли преторские эдикты и преторские интердикты. Преторы возглавляли систему судопроизводства в Риме. «Вступая в должность, преторы опубликовывали свои эдикты (*edictum praetorium*), в которых указывали те основные правовые нормы, которых они будут придерживаться в области судопроизводства. Преторские эдикты стали одним из важнейших источников права» [5, с. 111]. При помощи других актов — интердиктов, претор осуществлял правосудие не в обычном судебном порядке, а собственными силами своего магистрата в административном порядке, формируя новые нормы административного права.

В правотворческой деятельности как городских, так и иногородних преторов (преторов-пегринов), периода предклассического римского права, не только сформировались системы римского частного права и отдельные их институты, но и начинается слияние этих систем с *jus civile*, в результате чего уже в I в. н. э. римское классическое право объединяет в себе гражданское, естественное и преторское право.

Особенно богатый правовой материал собирали иногородние преторы, по необходимости занимавшиеся изучением правовых систем и юридической практикой других народов. В своих эдиктах преторы старались своевременно реагировать на происходящие изменения общественного развития, успевать за этими процессами, поскольку «...правовое положение людей постоянно и бесконечно изменяется, и нет в нем ничего неизменного» [1, с. 403]. Эти обстоятельства заставляли их тщательно редактировать тексты своих эдиктов: подбирать нужные формулировки, использовать новые правовые приемы, способы, идеи, правовые институты, расширять субъективные права отдельным категориям лиц, например иностранцам, а в период классического римского права даже рабам. «Преторское право — это то, которое

вели преторы для содействия гражданскому праву или для его дополнения или исправления в целях общественной пользы» [4, т. I, с. 87]. Не случайно именно преторы в своей практике стали эффективно использовать метод фикции.

Рим был центром экономики всего Средиземноморья, и поэтому основной массив заключаемых сделок осуществлялся именно здесь. Когда свободные жители империи обращались к претору за защитой своих прав и претор приходил к выводу о необходимости предоставления им такой защиты, он составлял записку судье (так называемую формулу), в которой указывал: считать этого гражданина как бы римским гражданином, и если представленные им факты подтверждались, то судье рекомендовалось удовлетворить иск, если не подтверждались — отказать в иске. Таким образом, через решения судов свободные жители Римской империи были уравнены в правах с римскими гражданами задолго до официального дарования всем свободным жителям империи, приписанным к какой-нибудь общине, права гражданства в 212 г. эдиктом Каракалы.

Особое место в истории развития римского права занимает римская юриспруденция, ставшая результатом многовековой и многогранной деятельности римских юристов. Своей деятельностью юристы смогли выработать основные фундаментальные идеи, положения, принципы в праве, развить логику юридического мышления, юридическую технику и, в целом, создать единое юридическое мировоззрение. В правоприменительной практике римских юристов и шло главным образом развитие юридической техники. Формы их деятельности носили весьма разнообразный характер уже в предклассический период римского права: *respondere* (разъяснение содержания и смысла закона), *cavere* (составление сделки), *agere* (составление исковых формул).

В классический период развития римского права деятельность юристов нашла более широкое поле для применения своих сил: *response epistolae* (сборник консультаций с разъяснениями правовых вопросов), *questiones* (сборник решений юридических казусов, взятых из судебной практики), *libri ad edictum* (комментарии к преторскому эдикту), *ad Sabinum* (комментарии к трудам прежних юристов), *digesta* (сборник толкований гражданского и преторского права), *institutions* (элементарный учебник права для преподавания в юридических школах),

sententiae (суждение судьи (решение суда) или мнение юриста), аксиомы (положения, не требующие доказательств), difinitiones (определения понятий, даваемые римскими юристами) и ius respondendi (право давать ответы по юридическим вопросам от имени императора). Эта многогранная деятельность римских юристов сыграла важную роль в развитии юридической техники как «совокупности правил, средств и приемов, которые используются при подготовке, оформлении, опубликовании и систематизации правовых актов и иных юридических документов» [10, с. 185].

Во всей истории развития юридической техники значительную роль сыграл судебный процесс: легисакционный, формулярный, экстраординарный и инквизиционный.

Формализм, присущий архаическому периоду римского права как прием юридической техники, способствовал выработке точности, краткости и ясности выражения правовой мысли. Данный формализм ярко проявился в первой стадии древнего гражданского процесса (*in iure*) и совершался исковыми формулами (*leges actiones*). «Так как эти формулы были приурочены к словам закона (*ipsarum legum verbis accommodatae errant*), то в них нельзя было изменять ни одного слова, иначе истец проигрывал дело» [2, с. 249]. Второй особенностью *leges actiones* были способы (формы) производства дела, которых было пять. В них строго сохранялись торжественность обрядов и ритуалов, соответствовавших формальному характеру исковых формул. Поэтому и исковые формулы, и способы (формы) ведения процесса назывались *leges actiones*. Древнейшим способом (формой) судопроизводства *leges actiones* являлся способ *leges actio sacramento* (или процесс пари) как совокупность формально обязательных юридических действий и слов, направленных к достижению цели исковой формулы (или требований истца).

Таким образом, современная европейская романо-германская правовая семья получила формальный метод изложения исковых формул (исков) и совокупность совершения обязательных юридических действий, образующих судебный процесс, от древнейшего римского права.

Формулярный процесс выработал не только новую терминологию (*formulas, intentio, demonstratio, adiudicatio, condemnatio, exceptio, praescriptio* и т. д.), но и новые юридические конструкции (*intentio in ius concepta* и *intentio in factum concepta*).

«Формула имела разные составные части, и в ней употреблялись разные обороты речи, смотря по тому, основывался ли иск на личном или вещном праве, принадлежало ли это право (в субъективном смысле) к области *ius civile* или *jus honorarium*, предоставлялась ли судье свобода в решении тяжбы или он был поставлен в тесные рамки и т. д.» [2, с. 332]. Формулярный процесс, создавая новую терминологию, новые юридические конструкции, создал и новые принципы судебного процесса: неформальный характер ведения процесса, публичность процесса, возникновение суда присяжных, равенство сторон в процессе, появление в процессе юрисконсультов (адвокатов). «Формулярный процесс требовал помощи юристов в составлении исковых жалоб, возражений ответчика и, наконец, самой формулы, тогда как старый порядок судопроизводства мог прекрасно обходиться без участия специалистов права» [5, с. 169]. В формулярном процессе сформировались демократические принципы его ведения: самостоятельность и независимость суда, публичный характер ведения процесса, суды присяжных, появление судебных ораторов, а затем и адвокатов.

Экстраординарный процесс также внес в практику судопроизводства новую терминологию (*praefectus urbi* — императорский чиновник, рассматривавший судебные дела; *iudex datus* — судья-чиновник в провинции; *sumptus litis* — судебные издержки; *sportulae* — судебная пошлина; *appellatio* — апелляция и т. д.), новые юридические конструкции, новые правила (порядок) ведения процесса, новые институты (*fideicommissarius* — фидеикомиссы), повлиявшие на развитие юридической правоприменительной техники.

Инквизиционный процесс (*inquisitio*) возникает в период постклассического римского права, когда прекращается творческая деятельность юристов (монографии, юридические сборники и комментарии уже не пишутся, поэтому данный процесс не нашел своего отражения в римской правовой литературе).

Инквизиционный процесс выделился из экстраординарного в IV в. и стал самостоятельным при рассмотрении уголовных дел. Изменился порядок рассмотрения дел, способы и принципы ведения процесса, которые способствовали развитию произвола и насилия, разрушая саму идею правовых отношений, идею справедливого правосудия. «Одно и то же лицо, чиновник, наделенный компетенцией рассмотрения уголовных

дел, выступает одновременно и как следователь (опирающийся на содействие своей канцелярии), и как обвинитель, и как судья, оценивающий доказательства и выносящий приговор [1, с. 153]. Судопроизводство становится тайным от начала и до конца, письменным. Возбуждение дела производилось по инициативе самого судьи, либо по доносам (за которые платили), либо по слухам. В процессе широко использовалась пытка, и собственное признание становится главным доказательством — «царицей доказательств». Пытки применялись и к обвиняемым, и к свидетелям по усмотрению судьи. «Скорее всего, меру допроса (под пыткой) должны определять судьи», — пишет Ульпиан [4, т. VII, ч. 2, с. 155]. Развитие юридической техники в инквизиционном процессе приобрело антиправовой характер. Создаваемая терминология, юридические конструкции, институты, принципы, правила, приемы и средства приобретали крайние формы судебного произвола, направленного на устрашение.

После обнародования судебных дней и исковых формул Гаем Флавием в 304 г. до н. э. деятельность римских юристов получила широкое распространение в формах *respondere, cavere, agere*, когда светские юрисконсульты начинают давать открытые консультации по практическому применению права. В юридической среде стали появляться не простые юристы-практики, а нередко видные деятели государства, обладавшие признанным авторитетом среди населения и глубокими познаниями в праве. Например, Тиберий Корунканий — «консул (280 г. до н. э.), диктатор (246 г. до н. э.), первый плебейский понтифик (ок. 254 г. до н. э.), согласно традиции, первым начал публично давать *response* и обучать частному праву (однако возможно, это делалось и раньше)» [1, с. 333]. Другой яркий пример — «Сципион Назика Коркул, консул (162 и 155 г. до н. э.), цензор (159 г. до н. э.), юрист, которого сенат настолько уважал, что подарил ему дом, построенный на общественных средства у *via Sacra* (на перекрестке улиц), чтобы люди, нуждающиеся в юридической консультации, имели удобный доступ к Сципиону» [Там же, с. 343].

Разъясняя содержание и смысл закона, участвуя в составлении юридических документов и ведении судебного процесса, юрисконсульты вырабатывали новые правила в своей практике, создавали новый понятийный аппарат, юридические конструкции (схемы) и приемы. Одним из достижений юридической техники римских

юристов этого периода является использование метода фикции, развившегося из преторской практики, когда претор использовал принцип права справедливости (*ius aequitas*) и положения системы преторского права (*ius praetorium*) как «совокупность всех новшеств, введенных преторами в правопорядок и объявленных в их эдиктах» [Там же, с. 166]. Благодаря применению данного метода преторы создали систему естественного права — *ius naturale*, вытекавшую из «судебной практики — *pretor peregrinus* в спорах между римлянами и чужеземцами, часто называемое также правом перегринов, или *ius gentium* (право народов)» [Там же, с. 165].

Расцвет деятельности римских юристов пришелся на период римского классического права (конец I в. до н. э. — конец III в. н. э.). В это время стали возникать частные юридические школы. Занятие юридической деятельностью становится самым престижным: «в юристы шли, как правило, лучшие, наиболее образованные и талантливые люди. Повышенный спрос на талант предъявлял, прежде всего, творческий характер юридической профессии» [8, с. 42]. Юридическая деятельность была монополизирована знатно из среды патрициев и разбогатевших плебеев. Такие юрисконсульты отличались своей независимостью, самостоятельностью суждений и решительностью в борьбе с произволом властей, насилием и коррупцией. В этот период появляется обширная юридическая литература, не только имевшая практическое значение, но и теоретически осмысливавшая возникавшие сложные экономические, политические и социальные противоречия общественного развития. Так, уже Муций Сцевола Понтифик (140–82 г. до н. э.) написал монографию о теоретических началах гражданского права, основанного на методе диалектического единства в познании права, «ставшую не только крупнейшим творением республиканского правоведения, но и краеугольным камнем всей западно-европейской науки права» [1, с. 339].

Развитие правовой культуры римлян было тесно связано с их политической культурой, главным достоинством которой стало достижение компромиссов в борьбе между патрициями и плебеями: «Очевидно, что в этих условиях единственным выходом для Рима был компромисс между различными сословиями [13, с. 36]. В юридической практике складывается такая же традиция: римские юристы стремятся достичь соглашения сторон на правовой ос-

нове, поэтому право всегда пользовалось в римском обществе всеобщим признанием и уважением. «Знание права достойно наивысшего уважения, однако деньгами его нельзя ни оценить, ни обесчестить», — говорил Домиций Ульпиан [1, с. 424]. Уже в ранней истории Рима Нуме Помпилию приписывается проведение реформы, по всей вероятности, обычного и жреческого права. Дионисий Галикарнасский, например, пишет, что Нума Помпилий, «изложив на письме все законодательство о божественных установлениях, разделил его на восемь частей в соответствии с разделами священнодействий» [3, с. 130].

Однако первая систематизация римского права официально была проведена лишь в 452–451 г. до н. э. и стала известной под названием «Законы XII таблиц». Это было упорядочение римского права древнейшего периода, включавшее в себя: *mores maiorum* (обычаи предков), *usus* (обычную практику), *commentarii pontificum* (обычаи, сложившиеся в практике жрецов), *comentarii magistratum* (обычаи сложившиеся в практике магистратов), законодательную деятельность царей и народных собраний. Законы XII таблиц подвели итог всему предшествующему периоду развития римского права, и таким образом была проведена граница между старыми и новыми общественными отношениями, между религиозным и светским характером развития римского права, в котором религиозное уступало светскому и в управлении, и в законотворчестве, и в правосудии.

К началу периода классического римского права накопился значительный массив нормативного материала, нуждавшийся в его упорядочении, систематизации. Ибо неупорядоченность действовавшего нормативного материала разрушало саму идею права, его системность и идею науки о праве. Римские юристы, имевшие свои школы и занимавшиеся частной практикой ведения судебных дел, разрабатывали пособия (учебники) для своих учеников и объективно стали проводить в них упорядочение нормативного материала для практических и образовательных целей. Такие пособия (учебники) стали называться институциями. В этих пособиях юристы не только разъясняли своим ученикам цели и задачи права, но и проводили классификацию отдельных его институтов: субъектов права, вещей, исков и систематизацию норм права. Таким образом, институции стали представлять собой элементарный учебник по праву и одновременно являлись первой

попыткой проведения частной систематизации, т. е. институциональной системы римского частного права (о лицах, о вещах, об обязательствах и об исках). Полностью до нас дошла лишь «Институция» римского юриста Гая, отличавшаяся ясностью, простотой и лаконичностью изложения собранного правового материала. Институции явились значительным шагом вперед в развитии юридической техники, пополнив ее арсенал методом классификации отдельных институтов гражданского права (о лицах, вещах и исках), системы римского права и систематизации норм права. Тем не менее потребовалось еще много времени, прежде чем классификация и систематизация как правила, средства и приемы (способы) стали важнейшими инструментами юридической техники.

Значительное место в деятельности юристов занимали также «монографические произведения, посвященные изучению какого-либо одного института права, например, “О понтификальном праве”, “Об обязанностях претора”, “Об узурфрукте” и т. д.» [4, т. I, с. 16]. Монографии становятся источником формирования теории римского права. Одним из плодовитых юристов в области теории гражданского права был Лабейон, который отличался новаторскими идеями в праве. Его труды часто цитировали крупные юристы, но до нас они дошли в виде разрозненных цитат и отрывков. «Лабейон посвятил себя исключительно правоведению: полгода он обучал учеников римскому праву, полгода писал свои труды в деревне. Написал около 400 книг» [1, с. 337].

Следующим важным способом юридической техники являются аксиомы. Римские юристы достигли в этом высокого мастерства, доведя формулирование правовых аксиом до степени искусства: если не будет доказано противное, каждый считается честным (невиновным); нет преступления, не указанного в законе; никого нельзя наказывать без вины; совершенное вопреки праву — недействительно; невозможное не может быть предметом обязательства; никто не может быть сам себе судьей; никого нельзя осуждать на основании одного подозрения; никто не может быть свидетелем в собственном деле и др. [Там же, с. 386–429]. В современном праве мы нередко встречаем эти же аксиомы, но уже в виде принципов права: нет преступления — нет наказания; презумпция невиновности; нет преступления, не указанного в законе; неотвратимость наказания и т. д. Римские юристы

довели до совершенства и отдельные высказывания, изречения, правовые суждения, отличающиеся глубиной правовой мысли, краткостью, ясностью и емкостью своего содержания: общая собственность — мать раздоров; безумный приравнивается к отсутствующему; высшая законность — высшая несправедливость; правовое положение людей постоянно и бесконечно изменяется, и нет в нем ничего неизменного; брак образуется не сожителем, а взаимным согласием [1, с. 386–427].

Наконец, мы подошли к весьма важному элементу юридической техники римской юриспруденции — дефинициям — краткое логическое определение какого-либо понятия, содержащее наиболее существенные его признаки. Причем, римские юристы считали, что любое определение может быть легко «опрокинуто». В. А. Томсинов пишет: «Римские правовые дефиниции — это, с научной точки зрения, не определения, а скорее изречения. И как изречения они действительно блестящи. Их четкость, точность, краткость могут служить образцом» [12, с. 40]. Однако с этим трудно согласиться. Строго говоря, «определение» — это формулировка, раскрывающая сущность чего-либо, характеризующая основные черты чего-либо. В свою очередь, понятие «формулировать» означает: точно выразить что-либо, найти, установить что-либо в результате логического рассуждения, умозаключения. Исходя из смысла и содержания дошедших до нас фрагментов учений римских юристов мы можем предположить, что они понимали отличие правовых аксиом от изречений (как отдельных глубоких суждений, мнений о чем-либо и не более того) и от определений.

Отдельные дефиниции римских юристов, несмотря на то что они избегали давать определения тем или иным правовым явлениям, институтам, положениям, все же имеют место быть. Например, Павел Юлий (конец II — начало III в. н. э.) дает определение понятию обязательства (*obligatio*): «Сущность обязательства состоит не в том, чтобы сделать нашим какой-нибудь телесный предмет или какой-нибудь сервитут, но чтобы связать перед нами другого в том или ином отношении, чтобы он нам что-нибудь дал, сделал или предоставил» [4, т. VI, ч. 2, с. 535], т. е. рассматривает в этом определении сущность самого понятия «обязательство». Первый признак обязательства он определяет путем разделения «право на вещь и право требовать (выполнения) действия» [9, с. 265], отделяя право

вещное от права обязательственного. Далее он раскрывает второй признак обязательства — «связать перед нами другого», но связать не цепями, как это реально осуществлялось в древности, а обещанием (использует здесь метод фикции «как бы цепями») и доверием — *fidei*: «доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей выполнять свое обязательство, в чем бы оно не выразалось. Поэтому *fides* стала опорой всех правоотношений между гражданами и негражданами и одним из основных творческих элементов римского правового мышления» [1, с. 132]. Третий признак — право требовать выполнения обещанного действия. Следовательно, в данном случае логически раскрывается как содержание, так и сущность обязательства, поэтому у нас есть все основания признать за римскими юристами использование дефиниций в качестве одного из способов логического определения понятия, его признаков и содержания.

Следующим достижением юридической техники римских юристов была разработка интерпретационных актов. Начало ее связано с разработкой преторских эдиктов и дававшихся к ним римскими юристами комментариев.

Римский юрист, консул Э. П. Кат (198 г. до н. э.) написал сочинение «*Commenntarii tripertita*» — первое юридическое произведение, содержащее основы права, комментарии к преторским эдиктам и сборник судебных формул [1, с. 330]. В связи с тем, что претор избирался на должность сроком на один год, данное обстоятельство открывало широкое поле для интерпретации юристами ежегодно издаваемых эдиктов: «в период между 125 и 128 гг. известным юристом Сальвием Юлианом, по поручению императора Адриана, была проведена первая после законов XII таблиц крупная кодификация римского права, под названием “*Edictum perpetuum*” (Вечный или постоянный эдикт). После издания этого свода преторского права правотворческая деятельность преторов прекратилась» [7, с. 217]. Однако комментарии писались не только к преторским эдиктам, но и к законам, сенатусконсультам, речам императоров, императорским конституциям, сочинениям юристов. Одним из самых выдающихся произведений римской юриспруденции, толкований (интерпретаций) права считается главный труд Домиция Ульпиана (228 г. н. э.). Он состоит из 83 книг-комментариев к *Ad edictum* (1 книга включала 50 с.) [1, с. 345].

Вершиной правотворческой юридической техники римской юриспруденции является систематизация римского права (периода классического римского права I–III вв. н. э.), проведенная византийским императором Юстинианом в 527–565 гг. «Он сделал латынь официальным языком для сохранения важнейших ценностей римского права, которые иначе затерялись бы и погибли» [1, с. 337]. Ранее уже проводились попытки систематизации императорских конституций: первую попытку осуществил юрист Папирий Юстус в 20 книгах; вторую — Григориан в 14 книгах (конституции излагались в подлинном тексте в хронологическом порядке (методом инкорпорации) от императора Адриана до императора Диоклетиана); третью — юрист Гермогениан в 1 книге.

В 428 г. император Феодосий II сделал попытку проведения систематизации императорских конституций и трактатов римских юристов с тем, чтобы составить единый свод римского права. Однако результаты этой работы остаются неизвестными. В 435 г. он собирает новую комиссию из 16 членов под руководством квестора (министра юстиции) Антиоха, и в 438 г. появляется кодекс императорских конституций из 16 книг, поделенных на титулы. При этом кодексы Григориана и Гермогениана получили официальное признание.

В 527 г. император Юстиниан приступил к осуществлению систематизации римского права классического периода, результатом которой стало создание *corpus juris civilis* (свод римского гражданского права), ставшее высочайшим достижением развития правотворческой юридической техники. Теперь римское классическое право было систематизировано по четырем разделам: кодекс, дигесты, институции и новеллы.

Составление кодекса осуществлялось методами инкорпорации и кодификации. Император Юстиниан в предисловии к дигестам писал: «Мы... обнаружили, что все отрасли законов, созданные от основания города Рима и идущие от Ромуловых времен, находятся в таком смешении, что они распространяются беспределно и не могут быть объяты никакими способностями человеческой природы. Нашей первой заботой было начать с живших прежде священных принципов, исправить их конституции и сделать их ясными; мы их собрали в один кодекс и освободили от излишних повторений и несправедливых противоречий, дабы их искренность давала всем людям быструю помощь» [4, т. I, с. 27].

Таким образом, упорядочение императорских конституций осуществлялось методом инкорпорации в хронологическом порядке и методом кодификации, когда законодатель мог вмешиваться в содержание нормы права, внося в нее изменение или дополнение, или заменяя ее новой нормой. Комиссия расположила все право таким образом, «чтобы древнее право, запутанное на протяжении почти 1 500 лет, было нами расчищено так, чтобы, как бы окруженное стеной, ничего вне его не находилось. Всем авторитетам в области права следует оказывать одинаковое уважение, и никому из них не должно быть дано каких-либо преимуществ, так как никто из них не является лучшим или худшим по сравнению с другими во всех вопросах, но некоторые (лучше или хуже) в определенных вопросах» [4, т. I, с. 29]. Устаревшие нормы составители упраздняли, в некоторые нормы вносили изменения и дополнения, устраняли излишние длиноты, в текстах — ошибки, неправильно написанное, лишнее, несовершенное, противоречивое, непоследовательное, исключали повторы и, наконец, создавали новые нормы права, отвечающие новым развивающимся общественным отношениям.

К неоспоримому достижению римских юристов также относится создание латинского терминологического юридического языка, а несомненной заслугой императора Юстиниана является придание латинскому языку официального характера. В этом смысле жемчужиной Дигест Юстиниана признается титул XVI «О значении слов». Например, римский юрист Гай в своих институциях дает пояснение названию легисакционного процесса (*leges actiones*): «Иски, которые были в употреблении у древних, назывались *leges actiones*, потому ли, что были установлены законами или потому, что были установлены законами или потому, что в исковых формулах воспроизводились слова и выражения закона, и потому считались неизменными, подобно самим законам» [14, с. 339]. Следовательно, если в исковой формуле (в тексте иска) подменялись слова закона, то это автоматически вело к проигрышу дела. «Гай приводит пример проигрыша дела вследствие того, что истец, требовавший деньги за порубку виноградных лоз (*vites*), в исковой формуле говорил именно о лозах, тогда как следовало говорить о деревьях (*arbores*), ибо сам закон XII таблиц говорил вообще *Si furtim arbores*» [2, с. 249]. Из этого примера видно, что значение слов в законе, формуле, а следовательно, и в норме права уже тогда имело глубокий внутренний смысл.

Итак, термины латинского юридического языка римлян формировались на протяжении более тысячи лет, активно воспринимая юридическую культуру многих народов Средиземноморья периода Античности, поэтому юридическая латынь римлян — это достояние многих народов Средиземноморья. Латынь оказалась научным языком правовой культуры, выдержи-

ла испытание временем, была официально признана в Средние века и сохранила свои позиции в Новое и Новейшее время. Благодаря латинской юридической терминологии современный мир получил богатое наследие римской юриспруденции и римского права, позволившее сформировать единство правовой культуры современного общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бартошек М. Римское право. Понятия, термины, определения. — М., 1989. — 448 с.
2. Боголепов Н. П. Учебник истории римского права. — М., 2004. — 568 с.
3. Галикарнасский Д. Римские древности : пер. с греч. : в 3 т. — М., 2005. — Т. I. — 272 с.
4. Дигесты Юстиниана : в 8 т. / отв. ред. Л. Л. Кофанов. — М., 2002–2006. — Т. I. — 2002. — 584 с. ; Т. VI, ч. 2. — 2005. — 664 с. ; Т. VII, ч. 2. — 2005. — 564 с.
5. Ковалев С. И. История Рима. — Л., 1986. — 742 с.
6. Кофанов Л. Л. Lex и Ius: возникновение и развитие римского права в VIII–III вв. до н. э. — М., 2006. — 575 с.
7. Макеев В. В., Головкин А. Г. Частное право Древнего Рима. — Ростов н/Д, 2002. — 256 с.
8. Мэсон В. М. Первые цивилизации. — Л., 1989. — 272 с.
9. Новицкий И. Б., Перетерский И. С. Римское частное право. — М., 1948. — 583 с.
10. Пьянов Н. А. Теория государства и права : учеб. пособие : в 2 ч. — Иркутск, 2011. — Ч. 2 : Теория права. — 391 с.
11. Рассказов Л. П. Теория государства и права : учеб. для вузов. — М., 2008. — 463 с.
12. Томсинов В. А. Юриспруденция в Древнем Риме (классический период) // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 1995. — № 2. — С. 35–45.
13. Томсинов В. А. Юриспруденция в духовной культуре Древнего Рима (древнейший период) // Вестник Московского университета. Сер. 11, Право. — 1995. — № 1. — С. 33–41.
14. Харитонов Е. О. Основы римского частного права. — Ростов н/Д, 1999. — 416 с.

REFERENCES

1. Bartoshek M. *Rimское pravo. Ponyatiya, terminy, opredeleniya* [Roman Law. Concepts, Terminology, Definitions]. Moscow, 1989. 448 p.
2. Bogolepov N. P. *Uchebnik istorii rimskogo prava* [Textbook on the History of Roman Law]. Moscow, 2004. 568 p.
3. Halicarnassus D. *Rimskie drevnosti* [Roman Antiquities]. Moscow, 2005. Vol. I. 272 p.
4. Kofanov L. L. (ed.) *Digesty Yustiniana* [The Digest of Justinian]. Moscow, 2002–2006. 564 p.
5. Kovalev S. I. *Istoriya Rima* [History of Rome]. Leningrad, 1986. 742 p.
6. Kofanov L. L. *Lex i Ius: vzniknovenie i razvitie rimskogo prava v VIII–III vv. do n. e.* [Lex and Ius: the Emergence and Development of Roman Law in the 8th–3rd Centuries BC]. Moscow, 2006. 575 p.
7. Makeev V. V., Golovko A. G. *Chastnoe pravo Drevnego Rima* [Private Law of Ancient Rome]. Rostov-on-Don, 2002. 256 p.
8. Mason V. M. *Pervye civilizacii* [First Civilizations]. Leningrad, 1989. 272 p.
9. Novickij I. B., Pereterskij I. S. *Rimское chastnoe pravo* [Roman Private Law]. Moscow, 1948. 583 p.
10. P'yanov N. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Irkutsk, 2011. 391 p.
11. Rasskazov L. P. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2008. 463 p.
12. Tomsinov V. A. Jurisprudence in Ancient Rome (Classical Period). *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*. 1995, no. 2, pp. 33–45. (In Russian).
13. Tomsinov V. A. Jurisprudence in the Spiritual Culture of Ancient Rome (the most ancient times). *Vestnik Moskovskogo universiteta = Bulletin of Moscow University*. 1995, no. 1, pp. 33–41. (In Russian).
14. Haritonov E. O. *Osnovy rimskogo chastnogo prava* [Basics of Roman Private Law]. Rostov-on-Don, 1999. 416 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вишневикий Владимир Григорьевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Vishnevskiy, Vladimir Grigoryevich (Irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

О ПОНЯТИИ МЕТОДОЛОГИИ ЮРИДИЧЕСКОЙ НАУКИ

- ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ** Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 17-24. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.17-24
Дата поступления: 10.09.2014
- АННОТАЦИЯ** Статья посвящена ключевому вопросу методологии юридической науки — ее пониманию. При этом методология юридической науки — это конкретно-научное учение о ее методе. Метод юридической науки является собирательным понятием, охватывающим своим содержанием философские основания науки, принципы и методы научного познания, процесс познания и его результат. Главными компонентами метода юридической науки, характеризующими ее методологию, являются философские основания юридической науки, принципы и методы научного познания государственно-правовых явлений.
- КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** Методология юридической науки; метод юридической науки; философские основания юридической науки; принципы научного познания государственно-правовых явлений; методы научного познания государственно-правовых явлений.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ** Пьянов Н.А. О понятии методологии юридической науки // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 17-24. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.17-24

N. A. Pyanov
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation,
Irkutsk, the Russian Federation

ON THE CONCEPT OF JURIDICAL SCIENCE'S METHODOLOGY

- PUBLICATION DATA** Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 17-24. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.17-24
Submission date: 10.09.2014
- ABSTRACT** The paper is devoted to the key issue of juridical science's methodology — that of its understanding. The methodology of juridical science is a specific teaching about its methods. A method of juridical science is a collective notion that encompasses the philosophical background of science, the principles and methods of research, the process of cognition and its result. The key components of juridical science's method that characterize its methodology are the philosophical background of juridical science, the principles and methods of researching state legal phenomena.
- KEYWORDS** Juridical science's methodology; a method in juridical science; philosophical background of juridical science; principles of researching state legal phenomena; methods of researching state legal phenomena.
- REFERENCE
TO ARTICLE** Pyanov N.A. On the concept of juridical science's methodology. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 17-24. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.17-24

Проблемы методологии отечественной юридической науки приобрели в настоящее время особую актуальность, несмотря на то, что в недалеком прошлом им итак уделялось достаточно много внимания.

Актуализация проблем современной юридической науки обусловлена, как представляется, двумя основными причинами: во-первых, острым кризисом, разразившимся в вопросах методологии отечественной

юридической науки, и, во-вторых, введением курса «История и методология юридической науки» в высших учебных заведениях России при подготовке магистров по направлению «Юриспруденция». Отход от марксистско-ленинских установок в вопросах методологии науки обострил проблему поиска методологических основ современной отечественной юридической науки, а введение курса «История и методология юридической науки» потребовало от ученых-юристов обратить на эти вопросы самое пристальное внимание.

В рамках одной статьи, разумеется, невозможно рассмотреть многочисленные проблемы методологии современной отечественной юридической науки, поэтому мы остановимся только на одной, пожалуй, самой главной – проблеме понимания методологии юридической науки. Если обратиться к имеющимся по данной проблеме исследованиям, то в них отсутствует единообразное понимание методологии юридической науки. Так, одни исследователи под методологией юридической науки понимают учение о методах познания государственно-правовых явлений [25, с. 28]; другие – учение о методах, способах познания закономерностей права и их использования в практической деятельности [26, с. 14–18]; третьи – совокупность методов познания [4, с. 46]; четвертые – совокупность определенных теоретических принципов, логических приемов и специальных методов (способов) исследования государственно-правовых явлений [9, с. 44; 12, с. 116]; пятые – как учение о методах познания, так и сами методы познания [11, с. 24–25]. Встречаются и прочие взгляды на данный вопрос. По нашему мнению, всю палитру мнений относительно понимания методологии юридической науки можно свести к трем основным позициям. Согласно одной из них под методологией юридической науки понимается учение о методах научного познания государственно-правовых явлений, согласно другой – совокупность методов познания государственно-правовых явлений, согласно третьей – как учение о методах научного познания государственно-правовых явлений, так и сами методы познания этих явлений.

Заметим, в философской литературе тоже отсутствует единообразное понимание и методологии вообще, и методологии науки в частности. Так, М. И. Вишневецкий исходит из того, что методология представляет собой учение о методах, систематизирующее их и устанавливающее их

пригодность для решения тех или иных задач, а также выясняющее особенности знаний, получаемых на основе использования определенных методов [2, с. 391]. По мнению же В. П. Кохановского, методология – это и система определенных правил, принципов и операций, применяемых в той или иной сфере деятельности (в науке, политике, искусстве и т. п.), и учение о данной системе [23, с. 472].

Аналогичные позиции находим и в науковедческой литературе. Так, В. К. Лукашевич подчеркивает, что методология в узком смысле, под которой он имеет в виду методологию науки, – это учение о методах научного познания [10, с. 32], тогда как П. Я. Папковская исходит из двойственного понимания методологии. «С философской точки зрения, – пишет она, – методология – это учение о методах познания и преобразования действительности; применение принципов мировоззрения к процессу познания, духовному творчеству и практике. Для конкретных наук методология познания (исследования) является совокупностью методов и средств, направленных на решение поставленных проблем» [16, с. 11–12].

Думается, что под методологией юридической науки, равно как и под методологией науки в целом, следует понимать учение о методе науки. Причем не учение о методах науки, под которыми обычно подразумеваются методы научного познания, а учение именно о *методе науки*. Метод науки не следует отождествлять с методами научного познания. Методы научного познания, или научные методы, – это конкретные способы, приемы научного исследования тех или иных явлений действительности. Метод науки – понятие более емкое. Оно охватывает своим содержанием не только методы научного познания, но и другие элементы, о которых будет сказано далее.

Что же такое метод вообще и метод науки в частности? В справочной и научной литературе и метод вообще, и метод науки определяются по-разному. Так, в словаре В. И. Даля метод – способ, порядок, основания; принятый путь для хода, достижения чего-либо в виде общих правил [6, стб. 843]. Словарь русского языка С. И. Ожегова под методом понимает способ теоретического исследования или практического осуществления чего-нибудь [15, с. 282]. Во Всемирной энциклопедии по философии по поводу метода говорится следующее: это способ достижения цели, совокупность приемов и операций теоретического или практического освоения действительности, а также

человеческой деятельности, организованной определенным образом. А метод в науке — это также и заданный сопряженной гипотезой путь ученого к постижению предмета изучения [3, с. 633].

Нет единообразного понимания метода вообще и метода науки в философской и науковедческой литературе. В частности, одни определяют метод как совокупность приемов и операций практического или теоретического освоения действительности [5, с. 369]; другие — как совокупность правил, приемов и операций практического и теоретического освоения действительности [22, с. 248]; третьи — как совокупность правил и приемов практического или познавательного освоения действительности [2, с. 391]; четвертые — как систему правил, принципов и приемов в изучении явлений и закономерностей развития природы, общества и мышления или практической преобразующей деятельности человека [7, с. 286]; пятые — как способ, путь познания и практического преобразования реальной действительности, систему приемов и принципов, регулируемую практическую и познавательную деятельность людей [1, с. 17]. Встречаются также и другие определения метода вообще и метода науки.

Не вдаваясь в анализ этих и прочих взглядов на понятие метода вообще и метода науки, отметим, что метод науки — это путь исследования наукой своего предмета (в пер. с греч. «метод» — путь к чему-либо¹), который охватывает своим содержанием философские подходы к познанию явлений действительности, принципы и методы их исследования, процесс научного познания и достигнутый в ходе этого процесса результат. Метод науки является достаточно сложным многоуровневым образованием, в состав которого включаются философские основания и гносеологические идеалы, принципы и нормы исследовательской деятельности, инструменты и способы (приемы) познания, организации и представления знания². Исходя из этого, считаем целесообразным различать метод науки и методы науки, т. е. научные методы, методы исследования. Методы науки — это отдельные способы, приемы научного исследования предмета науки, тогда как метод науки является собирательным понятием, которое охватывает своим содер-

жанием не только методы научного исследования, но также философские подходы к научному исследованию, процесс и результат научного исследования, познания.

Методология науки как учение о методе науки может разрабатываться на разных уровнях: философском, общенаучном, конкретно-научном и даже на уровне методики и техники научного исследования [28, с. 65–69].

Высший уровень методологии науки — философская методология, содержание которой составляют общие принципы познания и категориальный строй науки в целом. При этом методологические функции выполняет вся система философского знания. Философский уровень методологии реально функционирует в качестве системы предпосылок и ориентиров познавательной деятельности, в состав которой входят как содержательные предпосылки (мировоззренческие основы научного мышления, философская «картина мира»), так и формальные, т. е. относящиеся к общим формам научного мышления, к его исторически определенному категориальному строю [28, с. 65]. Говоря о данном уровне методологии, М. И. Вишнеvский отмечает: «Принято особо выделять общеполософскую методологию, характеризующую теоретико-мировоззренческие основания, на которых выстраивается конкретная научно-исследовательская деятельность» [2, с. 391].

Общенаучный уровень методологии, — как считает Э. Г. Юдин, — это уровень общенаучных принципов и форм исследования. Сюда входят как содержательные общенаучные концепции, выполняющие методологические функции и воздействующие на все или, по крайней мере, на некоторую совокупность фундаментальных научных дисциплин одновременно, хотя и не обязательно в одинаковой степени, так и формальные разработки и теории, связанные с решением достаточно широкого круга методологических задач [28, с. 66].

Конкретно-научный уровень методологии — методология конкретной науки. По мнению Э. Г. Юдина, это совокупность методов, приемов исследования и процедур, применяемых в той или иной специальной научной дисциплине [28, с. 67].

Наконец, последний уровень методологии образуют методика и техника научного исследования, т. е. набор процедур, обеспечивающих получение единообразного и достоверного эмпирического материала и его первичную обработку, после которой

¹ URL : http://blog.pravo.ru/blog/Methodology_of_science_and_jurisprudence/5814.html.

² Там же.

он только и может включаться в массив наличного знания [28, с. 68].

Каждый из названных уровней методологии выполняет свои особые, только ему свойственные функции в научном познании. Философский уровень выступает как содержательное основание всякого методологического знания. На этом уровне формируются познавательные установки исследователя, выявляются исторические границы каждой научной теории, каждого метода, осмысливаются переломные ситуации в развитии той или иной научной дисциплины. В рамках этого уровня методологии первостепенное значение имеет также мировоззренческая интерпретация результатов науки. Вместе с тем философско-методологические положения и принципы в современной науке преломляются и конкретизируются сначала на уровне общенаучных принципов и концепций, а затем на уровне специально-научной методологии [Там же, с. 68–69].

Итак, методологию науки при всем разнообразии подходов к ее пониманию представляется возможным определять как учение о методе науки, которое разрабатывается на философском, общенаучном и конкретно-научном уровнях. Вследствие этого методологию юридической науки можно определить как учение о методе юридической науки, которое разрабатывается на конкретно-научном уровне и опирается на философский и общенаучный уровни методологического учения, преломляя и конкретизируя их применительно к предмету юридической науки. Метод юридической науки, будучи собирательным понятием, как представляется, включает в свой состав, прежде всего, философские основания юридической науки, методологические принципы и методы научного познания государственно-правовых явлений.

Любая конкретная наука, в том числе и юридическая, исследуя свой предмет, всегда опирается на те или иные философские положения и исходит из определенного мировоззрения. В этой связи в науковедческой литературе используется такое понятие, как «философские основания науки». Это философские идеи и принципы, на которые опирается данная наука и которые дают самые общие ориентиры для познавательной деятельности [27, с. 92].

В юриспруденции философские основания обычно рассматриваются в качестве методологической основы познания государственно-правовых явлений. Так, в советской юридической литературе всегда

подчеркивалось, что методологической основой познания государства и права является философия диалектического и исторического материализма [19, с. 18]. Для современной российской юридической науки в отличие от ее советской предшественницы характерен, как представляется, плюрализм в выборе философских, идеологических, мировоззренческих подходов при исследовании государственно-правовых явлений, что прямо вытекает из смысла ст. 13 Конституции РФ¹, провозглашающей в стране идеологическое многообразие. Это значит, что каждый исследователь вправе опираться на те философские положения, которые соответствуют его мировоззрению и идеологическим взглядам. Если, скажем, советская юридическая наука должна была опираться строго на идеологию марксизма-ленинизма и марксистско-ленинскую философию, которая обычно именовалась философией диалектического и исторического материализма, то современная российская наука о государстве и праве свободна в выборе мировоззренческих позиций и может опираться, в принципе, на любое философское учение как материалистического, так и идеалистического толка.

Следует полностью согласиться с В. М. Сырых, который пишет: «Соотношению правовой науки и философии присущ *плюралистический характер*. Философия не представляет собой какого-либо общепризнанного учения, подобно правилам арифметических действий, а существует как совокупность многих философских доктрин, учений, поэтому ученые-правоведы философским основанием правовой науки признают разные философские учения: позитивизм, материализм, прагматизм, психологизм, иррационализм, экзистенциализм и др., т. е. ту философскую доктрину, которая, по их мнению, способна наилучшим образом обеспечить наиболее глубокое и объективно-истинное познание ее предмета» [17, с. 68]. В литературе между тем встречаются и другие мнения. Так, одни авторы считают, что основополагающим в современной отечественной науке о государстве и праве должен быть диалектико-материалистический подход [20, с. 17]. Другие же предлагают либо признать некоторые положения марксизма, составлявшего методологическую основу советской юридической науки, состоятельными и для современной

¹ Конституция РФ : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

юридической науки, либо полностью от него отказаться. В. М. Сырых, анализируя обозначившиеся в отечественной литературе мнения по данному вопросу, отмечает три варианта, выражающие отношение современных исследователей к марксизму: компромиссный, реформистский и радикальный. Сторонники компромиссного варианта, признавая необходимость пересмотра марксистского видения права, считают, что ряд его положений сохраняет свое значение и в современных условиях. Реформистский вариант сориентирован на коренной пересмотр отношения к марксистским идеям как не соответствующим современности и переход к одному из немарксистских направлений изучения государства и права. Радикальный вариант объединяет позиции правоведов, считающих марксистское учение изначально научно несостоятельным и видящих свою задачу в создании новой теории права, отвечающей реалиям сегодняшнего дня [18, с. 18–20].

Приведенные суждения свидетельствуют об определенном стремлении вновь сформировать единую философско-мировоззренческую основу для отечественной юридической науки, что едва ли можно считать правильным. Попытки навязать юридической науке монизм, т. е. единый философский, мировоззренческий взгляд на явления государственно-правовой действительности, характерный для методологии советской юридической науки, ведут к ограничению свободы научного творчества и противоречат ст. 13 Конституции РФ¹. В решении методологических проблем современной российской юридической науки задача состоит не в том, чтобы создать для нее какую-то единую философско-мировоззренческую основу, а в том, чтобы перевести юридическую науку на рельсы идеологического и философского плюрализма, что, как представляется, будет способствовать ее дальнейшему развитию и обогатит ее содержание. Если в этом плане провести сравнение с западной юридической наукой, то отсутствие в ней методологического монизма отнюдь не препятствует ее развитию.

С философскими основаниями науки тесно связаны принципы научного познания, поскольку они непосредственно вытекают из соответствующих философских концепций. Вопрос о том, какими принци-

пами познания руководствуется современная наука, не имеет в научной литературе единообразного решения. Так, П. Я. Папковская в качестве основных принципов научного познания, образующих основу метода любой науки, называет такие, как принцип единства теории и практики; принцип определенности; принцип конкретности; принцип познаваемости; принцип объективности; принцип причинности; принцип развития [16, с. 12–13]. О. Г. Данильян и В. М. Тараненко к основным требованиям (принципам) науки относят: объективность исследования, всесторонность рассмотрения, конкретно-исторический подход, раздвоение целого и познание его противоположных сторон, единство количественного и качественного анализа, соединение критического подхода и преемственности в познании, познание от явления к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности [7, с. 290]. По мнению В. М. Сырых, в российской философской и юридической литературе в числе всеобщих принципов научного познания чаще всего называют принципы объективности, познаваемости объективного мира, всесторонности познания, исторического и конкретно-исторического подходов, познания отдельного явления через выделение противоречивых его сторон и др. [17, с. 96].

На наш взгляд, вопрос о принципах научного познания невозможно решить в отрыве от философских оснований науки, поскольку принципы научного познания являются их составной частью. Поэтому если наука при исследовании своего предмета исходит, скажем, из положений диалектико-материалистической философии, ее основу будут составлять одни принципы научного познания, если из положений какой-либо иной философии — то другие принципы. Поскольку современная отечественная юридическая наука опирается преимущественно на положения диалектико-материалистической философии, в качестве наиболее важных принципов современной юридической науки чаще всего называются такие принципы, как принцип плюрализма, принцип познаваемости окружающего мира, принцип объективности, принцип всесторонности и полноты, принцип историзма.

Наконец, еще одним важным компонентом метода юридической науки являются методы научного познания государственно-правовых явлений. Как и любая другая наука, юридическая наука в процессе исследования своего предмета ис-

¹ Конституция РФ : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

пользует самые разнообразные методы познания, что неизбежно предполагает их классификацию. В научной и учебной литературе предлагаются различные варианты классификации методов научного познания государственно-правовых явлений. В частности, одни исследователи выделяют общефилософские, или мировоззренческие, общенаучные и частнонаучные методы [4, с. 39–44; 14, с. 23–27; 21, с. 19–20]. Другие различают всеобщие, общенаучные, частнонаучные и частноправовые методы [13, с. 10–14]. Третьи к методам юридической науки относят общие (универсальные, общенаучные, философские), частные и специальные методы [8, с. 9–11]. Четвертые исходят из того, что методы, используемые наукой, в том числе и юридической, подразделяются на общенаучные, применяемые большинством наук, и частнонаучные, свойственные группе наук [24, с. 31]. Встречаются и другие высказывания.

Не стремясь охватить максимально возможное число взглядов на классификацию методов юридической науки, полагаем, что все методы, которые используются юридической наукой при исследовании государственно-правовых явлений, можно классифицировать по различным основаниям. Однако наиболее предпочтительной является их классификация, основанная на многоуровневой концепции учения о методах науки. В соответствии с этим критерием все методы, которые используются юридической наукой при исследовании государственно-правовых явлений, можно разделить на 4 группы: философско-мировоззренческие, общенаучные, частнонаучные и собственно юридические.

Философско-мировоззренческие методы составляют методологическую основу юридической науки и охватывают все стадии научного познания. К ним относятся различные философские, мировоззренческие подходы, концепции, на которых ученые-правоведы основывают свои научные исследования. Это могут быть те или иные направления материалистической или идеалистической философии: диалектический материализм, позитивизм, феноменология, герменевтика, структурализм и т. д. Как правило, для юридической науки многих стран характерен методологический плюрализм, согласно которому каждый исследователь свободен в выборе философско-мировоззренческих методов, на основе которых он будет проводить свои научные изыскания. Вместе с тем в некоторых странах в науке, особенно

гуманитарной, а значит и юридической, господствует методологический монизм, согласно которому методологическую основу науки должны составлять только строго определенные философско-мировоззренческие методы. Так, например, в советской науке, в том числе юридической, господствовал идеологический и методологический монизм. Каждый ученый в своих исследованиях должен был опираться исключительно на марксистско-ленинскую идеологию и философию. В противном случае его ожидали самые непредсказуемые последствия, вплоть до полного отлучения от науки.

Общенаучные методы — это методы, которые используются практически всеми науками, в том числе и юридическими. В отличие от философско-мировоззренческих методов они охватывают не все, а лишь отдельные стадии научного познания и связаны с решением только определенных познавательных задач. К общенаучным относятся такие методы, как анализ и синтез, индукция и дедукция, моделирование, сравнительный, системный, структурно-функциональный и другие. Некоторые исследователи к общенаучным относят исторический, логический, системный и функциональный методы [14, с. 24–26].

Частнонаучные методы — это методы, которые разрабатываются различными частными, или специальными науками и широко используются юридической наукой при исследовании государственно-правовых явлений. Эти методы имеют в основном прикладное значение. К ним принято относить математические, кибернетические, статистические, конкретно-социологические и некоторые другие методы.

Собственно юридические методы — это методы, которые вырабатываются теорией государства и права и другими юридическими науками. Их нередко включают в состав частнонаучных методов, поскольку юридические науки относятся к частным наукам. Однако в связи с тем, что эти методы вырабатываются самими юридическими науками и используются только в пределах этих наук, их целесообразно выделить в самостоятельную группу. Иногда их называют частными методами. Думается, правильнее и точнее их называть собственно юридическими методами, поскольку частными нередко называют частнонаучные методы. К собственно юридическим следует относить такие методы, как формально-юридический (догматический) метод, метод сравнительного государствоведения,

метод сравнительного правоведения и некоторые другие.

Таким образом, методология юридической науки представляет собой учение о методе юридической науки — понятии, которое характеризует философские основания юридической науки, принципы и

методы научного познания государственно-правовых явлений, процесс и результат их научного исследования. Ядро метода юридической науки составляют философские основания юридической науки, а также принципы и методы научного познания государственно-правовых исследований.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Баскаков А. Я., Туленков Н. В. Методология научного исследования : учеб. пособие. — 2-е изд., исправ. — Киев, 2004. — 216 с.
2. Вишнеvский М. И. Философия : учеб. пособие. — Минск, 2008. — 479 с.
3. Всемирная энциклопедия: Философия / гл. науч. ред. и сост. А. А. Грицанов. — М., 2001. — 1312 с.
4. Головистикова А. Н., Дмитриев Ю. А. Проблемы теории государства и права. — М., 2005. — 832 с.
5. Голубинцев В. О., Данцев А. А., Любченко В. С. Философия науки. — Ростов н/Д, 2007. — 541 с.
6. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка : в 4 т. — 3-е изд., исправ. и знач. доп. — СПб. ; М., 1905. — Т. 2. — 2030 стб.
7. Данильян О. Г., Тараненко В. М. Философия : учеб. — М., 2005. — 512 с.
8. Иванов А. А., Иванов В. П. Теория государства и права. — М., 2007. — 298 с.
9. Казимирчук В. П. Право и методы его изучения. — М., 1965. — 204 с.
10. Лукашевич В. К. Основы методологии научных исследований : учеб. пособие для студентов вузов. — Минск, 2001. — 104 с.
11. Лукич Р. Методология права. — М., 1981. — 304 с.
12. Марксистско-ленинская общая теория государства и права. Основные институты и понятия / С. Н. Братусь, В. Е. Гулиев, А. И. Денисов, В. П. Казимирчук [и др.]. — М., 1970. — 624 с.
13. Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права : учеб. — М., 2004. — 512 с.
14. Морозова Л. А. Теория государства и права : учеб. — 4-е изд. — М., 2010. — 385 с.
15. Ожегов С. И. Словарь русского языка / под ред. Н. Ю. Шведовой. — 19-е изд., испр. — М., 1987. — 750 с.
16. Папковская П. Я. Методология научных исследований : курс лекций. — Минск, 2002. — 176 с.
17. Сырых В. М. История и методология юридической науки : учеб. — М., 2012. — 464 с.
18. Сырых В. М. Логические основания общей теории права : в 2 т. — М., 2000. — Т. 1. Элементный состав. — 528 с.
19. Сырых В. М. Метод правовой науки. Основные элементы, структура. — М., 1980. — 176 с.
20. Теория государства и права : учеб. / под ред. В. К. Бабаева. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2003. — 638 с.
21. Теория юриспруденции : учеб. пособие / Р. В. Шагеева [и др.]. — Калуга, 2007. — 363 с.
22. Философия : учеб. / под общ. ред. Ю. А. Харина. — 8-е изд. — Минск, 2006. — 448 с.
23. Философия : учеб. пособие для высш. учеб. заведений / под ред. В. П. Кохановского. — 6-е изд., перераб. и доп. — Ростов н/Д, 2003. — 576 с.
24. Черданцев А. Ф. Теория государства и права : учеб. — М., 1999. — 432 с.
25. Честнов И. Л. Актуальные проблемы теории государства и права. Эпистемология государства и права. — СПб., 2004. — 63 с.
26. Шабалин В. А. Методологические вопросы правоведения. — Саратов, 1972. — 226 с.
27. Штанько В. И. Философия и методология науки : учеб. пособие. — Харьков, 2002. — 292 с.
28. Юдин Э. Г. Методология науки. Системность. Деятельность. — М., 1997. — 445 с.

REFERENCES

1. Baskakov A. Ya., Tulenkov N. V. *Metodologiya nauchnogo issledovaniya* [Methodology of Research]. Kiev, 2004. 216 p.
2. Vishnevskij M. I. *Philosophiya* [Philosophy]. Minsk, 2008. 479 p.
3. Gritsanov A. A. (ed.) *Vsemirnaya entsiklopediya: Philosophiya* [Universal Encyclopedia: Philosophy]. Moscow, 2001. 1312 p.
4. Golovistikova A. N., Dmitriev Yu. A. *Problemy teorii gosudarstva i prava* [Issues of the Theory of State and Law]. Moscow, 2005. 832 p.
5. Golubintsev V. O., Dantsev A. A., Lyubchenko V. S. *Philosophiya nauki* [Philosophy of Science]. Rostov-on-Don, 2007. 541 p.
6. Dal' V. I. *Tolkovyy slovar' zhivogo velikoruskogo yazyka : v 4 t.* [Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language: in 4 vol.]. Saint-Petersburg; Moscow, 1905. Vol. 2. 2030 stb.
7. Danil'yan O. G., Taranenko V. M. *Philosophiya* [Philosophy]. Moscow, 2005. 512 p.
8. Ivanov A. A., Ivanov V. P. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2007. 298 p.
9. Kazimirchuk V. P. *Pravo i metody ego izucheniya* [Law and the Methods of Researching it]. Moscow, 1965. 204 p.

10. Lukashevich V. K. *Osnovy metodologii nauchnykh issledovaniy* [Basics of Research Methodology]. Minsk, 2001. 104 p.
11. Lukich R. *Metodologiya prava* [Methodology of Law]. Moscow, 1981. 304 p.
12. Bratus' S. N., Guliev V. E. *Marksistsko-leninskaya obshchaya teoriya gosudarstva i prava. Osnovnye instituty i ponyatiya* [Marx and Lenin's General Theory of State and Law. Basic Institutions and Concepts]. Moscow, 1970. 624 p.
13. Matuzov N. I., Mal'ko A. V. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2004. 512 p.
14. Morozova L. A. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2010. 385 p.
15. Ozhegov S. I. *Slovar' russkogo yazyka* [Dictionary of the Russian Language]. Moscow, 1987. 750 p.
16. Papkovskaya P. Ya. *Metodologiya nauchnykh issledovaniy : kurs lektsij* [Methodology of Research : Lectures]. Minsk, 2002. 176 p.
17. Syrykh V. M. *Istoriya i metodologiya yuridicheskoy nauki* [History and Methodology of Juridical Science]. Moscow, 2012. 464 p.
18. Syrykh V. M. *Logicheskie osnovaniya obshchej teorii prava : v 2 t.* [Logical Background of the General Theory of Law : in 2 vol.]. Moscow, 2000. Vol. 1. 528 p.
19. Syrykh V. M. *Metod pravovoj nauki. Osnovnye elementy, struktura* [The Method of Juridical Science. General Elements, Structure]. Moscow, 1980. 176 p.
20. Babaeva V. K. (ed.) *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 2003. 638 p.
21. Shagieva R. V. *Teoriya yurisprudentsii* [Theory of Jurisprudence]. Kaluga, 2007. 363 p.
22. Kharin Yu. A. (ed.) *Philosophiya* [Philosophy]. Minsk, 2006. 448 p.
23. Kokhanovskii V. P. (ed.) *Philosophiya* [Philosophy]. Rostov-on-Don, 2003. 576 p.
24. Cherdantsev A. Ph. *Teoriya gosudarstva i prava* [Theory of State and Law]. Moscow, 1999. 432 p.
25. Chestnov I. L. *Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava. Epistemologiya gosudarstva i prava* [Topical Issues of the Theory of State and Law. Epistemology of State and Law]. Saint-Petersburg, 2004. 63 p.
26. Shabalin V. A. *Metodologicheskie voprosy pravovedeniya* [Methodological Issues of Legal Research]. Saratov, 1972. 226 p.
27. Shtan'ko V. I. *Philosophiya i metodologiya nauki* [Philosophy and Methodology of Research]. Kharkov, 2002. 292 p.
28. Yudin E. G. *Metodologiya nauki. Sistemnost'. Deyatel'nost'* [Methodology of Science. Systemacy. Activity]. Moscow, 1997. 445 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пьянов Николай Андреевич (Иркутск) — кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры теории и истории государства и права. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: Pianovna@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Ryanov, Nikolay Andreyevich (Irkutsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Chair of Theory and History of State and Law. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: Pianovna@mail.ru)

ИНКВИЗИЦИЯ (САМОСУД) РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 25–31. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.25-31
Дата поступления: 28.07.2014

АННОТАЦИЯ

Дается характеристика самосуда и инквизиции, реализуемых представителями Русской православной церкви в истории России в отношении лиц, не желающих принимать православную веру, оппозиционно к ней настроенных или ведущих образ жизни, не соответствующий православному религиозному учению. Служители православного культа имеют богатый опыт «осаждения» и «очернения» действий граждан, занимающих активную жизненную позицию и способных противостоять непопулярным действиям власти. Особое внимание уделяется практике самочинных расправ различного рода экстремистски настроенных реальных и псевдорелигиозных фанатиков над гражданами, живущими, по их субъективному убеждению, не по-православному, с молчаливого согласия (одобрения) представителей Русской православной церкви. Делается вывод, что подобное попустительство со стороны служителей православного культа угрожает внутренней национальной безопасности России.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Самосуд; инквизиция; религиозный экстремизм; религиозная вера; религиозная организация; Русская православная церковь; клирикализация; оскорбление чувств верующих.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Смирнов А. М. Инквизиция (самосуд) русской православной церкви // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 25–31. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.25-31.

А. М. Smirnov
*Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service,
Moscow, the Russian Federation*

INQUISITION (EXTRAJUDICIAL EXECUTION) OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 25–31. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.25-31
Submission date: 28.07.2014

ABSTRACT

The author characterizes extrajudicial executions and inquisition by representatives of the Russian Orthodox Church in the history of Russia; its targets were people unwilling to adopt Russian Orthodox beliefs, opposing them or living a lifestyle that contradicted the Russian Orthodox religious doctrine. Orthodox priests have a rich experience of «reining in» and «blackening» the actions of those with an active attitude to life and capable of resisting unpopular actions of the authorities. The author pays special attention to the practice of extrajudicial reprisals of different real and pseudo-religious extremist fanatics over those people who, according to their subjective judgment, live in anti-Orthodox ways; this is silently agreed to (approved) by the representatives of Russian Orthodox Church. The author concludes that such negligence of Orthodox priests is a threat to Russian internal national security.

KEYWORDS

Extrajudicial inquiry; inquisition; religious extremism; religious belief; religious organization; Russian Orthodox Church; clericalization; insulting the feelings of believers.

REFERENCE TO ARTICLE

Smirnov A.M. Inquisition (extrajudicial execution) of the Russian Orthodox Church. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 25–31. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.25-31.

Процесс насаждения в России православия и активной борьбы Русской православной церкви (РПЦ) за влияние на сознание русских людей и сращивание с государством не отличался гуманностью и характеризовался различного рода инквизиционными процессами, которые были по своей сути самосудными расправами над лицами, не желающими принимать православную веру, оппозиционно к ней настроенных или ведущих образ жизни, не соответствующий православному религиозному учению.

Инквизиция представителей РПЦ практически ничем не отличалась от практики подобных расправ над инаковерующими, учиняемой их европейскими религиозными коллегами. Не смотря на то, что открыто данная инквизиция в России просуществовала относительно небольшой промежуток времени и не была так ярко выражена, как в Европе, в ходе ее было ущемлено в правах, загублено и уничтожено большое количество людей [9, с. 98–99; 11, с. 72–73].

Попытки дореволюционных исследователей познакомить общество с православной инквизицией в России обычно не увенчивались успехом, так как все их работы, отражающие и характеризующие подобное явление, подвергались жесточайшей цензуре и запрещались к публикации. Так, например, в 1898 г. статья В. Г. Короленко «Об инквизиции», повествующая о деятельности православных инквизиторов в царской России, была запрещена цензурой к изданию. В целом же было принято, особенно среди церковных историков, всячески облагораживать деятельность РПЦ и умалчивать о ее антигуманных действиях. В частности, М. И. Горчаков писал, что в древних литературных источниках нет якобы сведений об особом трибунале, занимавшемся преследованием и осуждением еретиков [2, с. 491–504], т. е. инквизиционной практике.

Прямо говорить и знакомить общество с православной инквизицией стало возможно только в советский период развития российской государственности, когда роль церкви в духовном развитии народа была

занижена партийной властью. В это время появляется труд Е. Ф. Грекулова «Православная инквизиция в России», обстоятельно доказывающий, что инквизиционные методы расправы с прогрессивной мыслью, передовым общественным движением, людьми, выступавшими против религии и церкви, действительно существовали в повседневной деятельности православной церкви [3].

Благодаря утверждению Конституцией РФ¹ свободы слова мы можем открыто дискутировать об инквизиции и самосуде РПЦ, но все же с определенной осторожностью, в силу практически полной клирикации российских государственных структур, несмотря на конституционно узаконенный светский характер РФ.

Открыто затрагивать вопросы антигуманной деятельности РПЦ и желания доносить доказательства подобной деятельности до общества нам позволяет понимание разницы между такими понятиями, как «религиозная вера» и «религиозная организация». Под первым из них мы понимаем убежденность в существовании некой высшей нематериальной силы, духовно связанной с миром людей, под вторым, — некое социальное негосударственное образование, совокупность людей, сплотившихся для достижения определенной цели и выполнения поставленных задач, обусловленных созданным ими самими религиозного учения. При этом данные цели и задачи могут иметь как гуманный, так и антигуманный характер. Поэтому, с религиозной точки зрения, можно быть глубоко верующим человеком, но не относить себя к конкретному религиозному учению и, тем более, служить правилам, установленным той или иной религиозной организацией.

Православная инквизиция на Руси начала свою деятельность с борьбы над ведьмами и различного рода дьяволопоклонниками. Дискуссию вызывает то об-

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. — 1993. — 25 дек.

стоятельство, насколько интенсивным и каким по характеру было подобное истребление. Здесь исследователи расходятся во мнениях.

Одни (например, Н. И. Барсов [1], О. Христофорова [13]) утверждают, что выступления против «врагов» церкви с ее стороны носили случайный и непоследовательный характер, поскольку православные священники были осторожны в своих нападках на ведьм и колдунов, стремясь препятствовать народным самосудам над ними. Другие (в частности, Е. Ф. Грекулов [3], А. С. Пругавин [6]) отстаивают точку зрения о том, что различного рода ведовские процессы над «служителями дьявола», учиняемые на Руси православными церковниками, были несколько не гуманнее подобных процессов, проводимых их католическими коллегами в Европе во времена Святой инквизиции. Те и другие служители религиозного культа использовали, фактически, одни и те же средства и методы выявления дьяволопоклонников и жестокой расправы над ними. Следует отметить, что особо активную деятельность по учинению самосудных расправ над ведьмами и колдунами РПЦ начала с конца XIV в. в рамках борьбы с различного рода ересями.

Но как бы не спорили ученые и специалисты в вопросе отношения РПЦ к колдунам и ведьмам, очевидно одно — спокойно относиться к существованию подобных дьяволопоклонников среди своих мирян она никак не могла. «Служители дьявола» выступали идеальными «врагами» новой религии, активное выявление, разоблачение и уничтожение которых являлось эффективным способом манипулирования обывательским мировоззрением и увеличением своей паствы. Вследствие чего представители РПЦ предпринимали все усилия, чтобы подобных «врагов» было как можно больше, а их истребление пафосней. Опоенные властью, которую сулила им новая вера, они позволяли себе причислять к ее «врагам» практически любого славянина по любому поводу. Делать это было весьма не сложно, поскольку поводов для обвинений в богоотступничестве в этнокультурных обычаях и традициях славян на Руси существовало более чем достаточно. Особо «фанатичные» церковники находили их даже в обычном врачевании. Безусловно, много «служителей дьявола» было найдено ими среди людей, увлеченных изучением естественной природы окружающего мира и различных

наук. Помощь в возмездии над ведьмами и колдунами служителям православного культа оказывали обычные воцерковленные граждане, фанатично принявшие новую религию.

В Древней Руси ведовские процессы возникли уже в XI в. Расследованием этих дел занимались церковные власти. В древнейшем юридическом памятнике «Уставе князя Владимира о церковных судах» ведовство, чародейство и волхование отнесено к числу дел, которые разбирала и судила православная церковь. В памятнике XII в. «Слово о злых дусех», составленном митрополитом Кириллом, также говорится о необходимости наказания ведьм и колдунов церковным судом.

По примеру своих католических соратников православная инквизиция разработала в XIII в. методы распознавания ведьм и чародеев огнем, холодной водой, путем взвешивания, протыкания бородавок и т. п.

Для разоблачения в дьяволопоклонстве представителям православной церкви необходимо было укреплять среди славян веру в дьявола, поэтому они объявляли еретичеством всякое сомнение в его реальности, преследуя не только лиц, обвиненных в отношениях с нечистой силой, но также и тех, кто высказывал сомнение в ее существовании.

Православные священники, стремясь проявить себя перед представителями церковной верхушки, соревновались в своей жестокости по отношению к иноверцам и служителям «нечистой силы». Так, например, этнографические источники свидетельствуют об особом зверстве новгородского архиерея Луки Жидяты, жившего в XI в. Как отмечает летописец «сей мучитель резал головы и бороды, выжигал глаза, урезал язык, иных распинал и подвергал мучениям». И еще примеры. В 1411 г. киевский митрополит Фотий разработал систему мероприятий борьбы с ведьмами. В своем послании духовенству он предлагал отлучить от церкви всех, кто будет прибегать к помощи ведьм и чародеев. В том же году по наущению духовенства в Пскове сожгли 12 колдуний за якобы насланный на город мор. В 1444 г. по обвинению в чародействе в Можайске всенародно был сожжен боярин А. Дмитрович с женой [3]. Как свидетельствуют этноисточники, служители православного культа в 1648 г. обвинили некую Марфицу в том, что она якобы «портила людей своим волшебством». Несчастную трижды пытали, «трижды к огню привожена и клещами жжена». Кроме нее пыта-

ли еще восьмерых (из них семь женщины, причем пять беременные). В то же время был показательный суд над М. Салаутиным, обвиненным в «волшебстве и порче»: «Митька Салаутин пытан накрепко клещами жжен, а с пытки на себя ничего и никакова не говорил» [7].

Кроме самочинного истребления ведьм, колдунов и иных дьяволопоклонников, начиная с XIV в. православная церковь стала разворачивать борьбу с еретичеством, которое на Руси олицетворяло инакомыслие и инаковерие, подрывало веру в истинности православного религиозного учения, формировало негативное отношение к деятельности РПЦ, т. е. было чрезвычайно опасно для служителей православного культа. Отметим, что в России первые еретики появились в XIV в. в Пскове и Новгороде, которые были главными центрами еретического движения на Руси до середины XVI в., поскольку северная Русь имела наиболее тесные контакты с Европой и лучший уровень экономического развития. Новгородско-московская ересь, возникшая в конце XV в., была очень похожа на еретические движения в Европе и представляла собой первую попытку образованных людей вырваться за предписанные церковью средневековые правила поведения.

На основании изложенного победа над еретиками была для РПЦ жизненной необходимостью. Находясь в растерянности, православные иерархи обратились к европейскому опыту. По приказу новгородского архиепископа Геннадия в 1490 г. против ряда видных еретиков применили типично инквизиторскую казнь, в результате которой некоторые из наказанных сошли с ума и умерли. Геннадий же был причислен к лику святых. В 1504 г. организовали показательный процесс — на льду Москвы-реки в деревянной клетке были сожжены главные представители московского еретического кружка, остальных разослали по монастырям.

Разговоры еретиков о «свободе воли» противоречили стремлению формирующейся государственной власти укреплять свои позиции в области контролирования жизнедеятельности своих граждан. В частности, еретическое движение разнилось со стремлением Ивана III и его преемников сделать из подданных безмолвное и послушное «стадо», с которым делать можно было все, что угодно великому князю. Здесь помочь им могло только православие, которое нетерпимо относилось к любому выражению индивидуальности.

Вследствие чего, по свидетельству некоторых исследователей, царь Иван III и церковники заключили сделку, суть которой заключалась в том, что царь отрекался от еретиков и давал с ними самостоятельно расправиться. Взамен церковные иерархи брали на себя обязательство во всем поддерживать царскую власть. Таким образом, государство получило мощный аппарат идеологического контроля, который находился на службе у российских властителей вплоть до начала XX в. К сожалению, массовой опоры у еретиков среди простых людей не было. Свободомыслие и инакомыслие тогда было сомнительной привилегией очень немногих прогрессивных людей [4; 5; 8].

Общеизвестно, что православная церковь в Древней Руси была крупнейшим феодалом. Любая борьба народных масс против феодального церковного гнета тут же объявлялась ересью и была обречена на уничтожение в порядке взаимозачета с помощью государства, которое прибегало к услугам церковников для сохранения своей феодальной власти над крестьянами. Как верно отметил в этой связи Ф. Энгельс, «еретики были столь же опасными врагами монархии в государстве, как и папства, и церкви».

XVII в. в России характеризуется переходом сращивания государства и церкви в вопросах борьбы с инаковерцами и противниками православной веры на более высокий уровень. Свидетельством тому является узаконение борьбы с данными лицами в нормативных источниках. Так, например, анализ положений Царского судебника 1649 г., получившего более широкую известность как Соборное уложение, свидетельствует о доминировании в его содержании религиозного начала. Это объясняется тем, что указанный Судебник был подготовлен при содействии представителей церкви и по их благословлению. Преступления против церкви и религии занимали в нем первое место, что доказывает повышенную значимость защиты церковных устоев для государства. В частности, в данном судебнике говорится «Будет кто иноверцы, какия ни буди веры, или и русской человек возложит хулу на... Иисуса Христа, или на рождшую его... богородицу и приснодеву Марию, или на честный крест, или на святых его угодников: и про то сысковати всякими сыски накрепко. Да будет сыщется про то допряма, и того богохульника обличив казнити, зжечь» [12].

По свидетельствам историков, инквизиция РПЦ существовала не только в Древней Руси, но и в начале XVIII в. при Петре I, а также и после его царствования. «Петр I, — писал один историк в журнале “Русский вестник” в 1891 г., — создал у нас инквизицию и инквизиторов, и нет возможности отрицать, что все гражданское и церковное управление при нем и долгое время после него было проникнуто инквизиционным настроением».

Православная церковь посылала на костры еретиков и ослушников собственной властью, светская же власть была лишь исполнительницей ее требований и приговоров. Один из основателей православной инквизиции И. Волоцкий провозгласил, что царь, не желавший бороться против ересей, не слуга божий, а дьявол. Свою инквизиторскую деятельность православная церковь осуществляла через судебные органы, находившиеся в распоряжении епархиальных архиереев, через патриарший суд и церковные соборы. Она располагала и специальными органами, созданными для расследования дел против религии и церкви — Приказом духовных дел, Приказом инквизиторских дел, Раскольнической и Новокрещенской конторами и др.

В Приказе духовных дел рассматривались дела о богохульстве, еретичестве, волшебстве, святотатстве. Приказ инквизиторских дел вел следствие по делам «интересным» и «безгласным». Он имел большой штат инквизиторов как в Москве, так и на местах; возглавлял его протоинквизитор, архимандрит московского Данилова монастыря Пафнутий. Настоящим инквизиторским застенком являлась и Раскольническая контора, существовавшая до 1764 г. С организацией духовных консисторий (1744) дела о религиозных преступлениях перешли в их ведение. Консистории производили розыск по делам против веры и церкви, сажали в свои тюрьмы обвиняемых, чинили над ними суд и расправу. Наиболее важные дела вел непосредственно Синод. Он применял такие же инквизиционные методы воздействия, как и другие церковные организации. Монастырские власти вели следствие над неугодными правительству и церкви людьми, держали их в тюремном заключении.

По настоянию церкви в дореволюционной России делами о преступлениях против церкви и религии занимались и светские следственные органы — Сыскай приказ, Тайная канцелярия, Преображенский приказ и др. Сюда поступали дела

от церковных властей в тех случаях, когда в «изъяснение подлинной правды» требовалось подвергнуть обвиняемых пыткам. И здесь духовное ведомство продолжало наблюдать за ведением следствия, получало допросные листы и «экстракты». Оно ревниво оберегало свои судебные права, не допуская их умаления со стороны светских властей. Если светский суд не проявлял достаточной оперативности или отказывался пытать обвиняемых, посланных церковниками, те жаловались на ослушников светским властям [3].

В советский период развития российской государственности с инквизицией РПЦ было покончено в силу отрицания самой религии коммунистической идеологией. Государство полностью отделилось от церкви, признав пагубность влияния какого-либо религиозного учения на прогрессивное развитие советского человека.

Оправившись от советского гнета, РПЦ в современной России стала вновь постепенно укреплять свои позиции, проводя грамотную и эффективную кампанию по крикилизации российской власти. Индугенции, которые она получила, и, скорее всего, еще будет получать от представителей федеральной власти и местного самоуправления, более чем впечатляют: это и предоставление полной свободы в культивировании религиозного мировосприятия российских граждан; и неформальное повышение статуса Патриарха всея Руси во властных структурах; и освобождение церковного бизнеса от налогообложения; и строительство церковных сооружений, поражающих своей роскошью, за счет федерального и местных бюджетов под видом благотворительности, не спрашивая на то согласия у обычных граждан-налогоплательщиков и т. д. Апофеозом подобных уступок для РПЦ со стороны российской власти стало установление в июне 2013 г. уголовной ответственности за оскорбление чувств верующих, общественная опасность которого соизмеряется с лишением жизни человека¹. Данную норму, которая в силу своей неконкретности позволяет свое широкое толкование и правоприменение, вполне обосновано можно назвать легальным «оружием» в реанимации инквизиции РПЦ.

¹ О внесении изменений в статью 148 Уголовного кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях противодействия оскорблению религиозных убеждений и чувств граждан : федер. закон от 29 июня 2013 г. № 136-ФЗ // Российская газета. — 2013. — 2 июля.

Потребность современной российской власти в сращивании с РПЦ можно понять, проведя исторические параллели в их взаимоотношениях.

Государственной власти Российской Федерации, как и зарождающемуся и укрепляющему свои позиции самодержавию царской России, требуется крепкая идеологическая поддержка, которую как никто другой могут оказать представители РПЦ. Политикам современной России необходимо идеологическое оправдание некоторых своих непрофессиональных и некомпетентных действий. В свою очередь служители православного культа имеют богатый опыт «осаждения» и «очернения» действий граждан, занимающих активную жизненную позицию и способных противостоять непопулярным действиям власти.

О реанимации в современной России инквизиции РПЦ так же свидетельствуют всевозможные самосудные расправы, учиняемые экстремистски настроенными религиозными и псевдорелигиозными фанатиками над гражданами, живущими, по их субъективному убеждению, не по православному. К ним они относят инаколюбящих, инаковерующих и прочих,

по их мнению, «инаковых» [10, с. 39]. Основанием для подобных суждений служит молчаливое согласие (одобрение) представителей РПЦ с поступками данных лиц, оправдывающих свои самосудные действия православным учением. А это, по нашему мнению, является соисполнительством со стороны служителей православного культа.

Мы считаем, что в современной России инквизиционная деятельность РПЦ на этапе своего возрождения носит пока еще неявный, завуалированный характер. Но есть все основания полагать, что совсем скоро она приобретет открытые, ничем не ограниченные формы, если государство и общество будут пассивно реагировать на бесконтрольное укрепление РПЦ своих позиций в российском обществе, усиление церковниками манипулированием сознанием граждан и т. п. В конечном итоге это может стать потенциальной угрозой для национальной безопасности России, начиная с разрушения в ней формирующихся толерантных основ социального порядка до ликвидации основополагающих принципов функционирования светского, правового государства и гражданского общества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Барсов Н. И. Существовала ли в России инквизиция? // Исторический вестник. — 1892. — Т. 47, № 1. — С. 481–498.
2. Горчаков М. И. Инквизиция в восточной церкви // Юридическая летопись. — 1891. — № 12. — С. 491–504.
3. Грекулов Е. Ф. Православная инквизиция в России. — М., 1964. — 171 с.
4. Клибанов А. И. Реформационные движения в России. — М., 1960. 409 с.
5. Лурье Я. С. Русские современники Возрождения: Книгописец Ефросин. Дьяк Федор Курицын. — Л., 1988. — 159 с.
6. Пругавин А. С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектанством : (К вопросу о веротерпимости) : [С крит. замеч. духов. цензора]. — М., 1905. — 132 с.
7. Сегал А. С. Инквизиция на Руси // Безбожник. — 1939. — 21 авг.
8. Скрынников Р. Г. Государство и церковь на Руси XIV–XVI вв. — Новосибирск, 1991. — 393 с.
9. Смирнов А. М. Народное правосудие в России. — М., 2014. — 400 с.
10. Смирнов А. М. Самосуд в России. — М., 2013. — 384 с.
11. Смирнов А. М. Самосуд в России как социально-правовой феномен: криминологический анализ и меры профилактики // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. — 2012. — № 1. — С. 39–43.
12. Томсинов В. А. Соборное уложение 1649 года как памятник русской юриспруденции // Соборное уложение 1649 года: Законодательство царя Алексея Михайловича / сост., автор предисл. и вступ. ст. В. А. Томсинов. — М., 2011. — С. 1–51.
13. Христофорова О. Молот ведьм // Вокруг света. — 2004. — № 10. — С. 106–118.

REFERENCES

1. Barsov N. I. Was there an Inquisition in Russia? *Istoricheskij vestnik = Historical Bulletin*. 1892, vol. 47, no. 1, pp. 481–498. (In Russian).
2. Gorchakov M. I. Inquisition in Eastern Church. *Yuridicheskaya letopis' = Juridical Chronicles*. 1891, no. 12, pp. 491–504. (In Russian).
3. Grekulov E. Ph. *Pravoslavnaya inkvizitsiya v Rossii* [Orthodox Inquisition in Russia]. Moscow, 1964. 171 p.
4. Klibanov A. I. *Rephormatsionnye dvizheniya v Rossii* [Reformation Movement in Russia]. Moscow, 1960. 409 p.

5. Lur'e Ya. S. *Russkie sovremenniki Vozrozhdeniya: Knigopisets Ephrosin. D'yak Phedor Kuritsyn* [Russian Contemporaries of the Renaissance: Monk Efrosin. Clerk Fyodor Kuritsin]. Leningrad, 1988. 159 p.
6. Prugavin A. S. *Monastyrskie tyur'my v bor'be s sektantstvom : (K voprosu o veroterpimosti)* [Monastic Prisons in Fighting Sectarianism : (to the Issue of Religious Tolerance)]. Moscow, 1905. 132 p.
7. Segal A. S. Inquisition in Russia. *Bezbozhnik = Ungodly Person*. Aug. 21, 1939. (In Russian).
8. Skrynnikov R. G. *Gosudarstvo i tserkov' na Rusi XIV-XVI vv.* [The State and the Church in Russia in 14-16th centuries]. Novosibirsk, 1991. 393 p.
9. Smirnov A. M. *Narodnoe pravosudie v Rossii* [Folk Justice in Russia]. Moscow, 2014. 400 p.
10. Smirnov A. M. *Samosud v Rossii* [Mob Law in Russia]. Moscow, 2013. 384 p.
11. Smirnov A. M. Extrajudicial Execution in Russia as a Socio-Legal Phenomenon: Criminological Analysis and Prevention. *Kriminologicheskij zhurnal Bajkal'skogo gosudarstvennogo universiteta ekonomiki i prava = Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2012, no. 1, pp. 39-43. (In Russian).
12. Tomsinov V. A. Conciliar Code of 1649 as a Monument of Russian Jurisprudence. *Sobornoe ulozhenie 1649 goda: Zakonodatel'stvo tsarya Alekseya Mikhajlovicha = Conciliar Code of 1649: Legislation of Tsar Aleksey Mikhailovich*. Moscow, 2011, pp 1-51. (In Russian).
13. Khristophorova O. *Malleus Maleficarum. Vokrug sveta = Round the World*. 2004, no. 10, pp. 106-118. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Смирнов Александр Михайлович (Москва) — кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник. Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России (125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, e-mail: vipnauka@list.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Smirnov, Aleksandr Mikhailovich (Moscow) — Ph. D. in Law, Ass. Professor, Leading Researcher. Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Narvskaya st., 15a, Moscow, 125130, e-mail: vipnauka@list.ru)

УДК 343.131.8
ББК 67.410.201

С. Д. Шестакова
*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

Е. А. Маркова
*Санкт-Петербургский университет МВД России,
Санкт-Петербург, Российская Федерация*

АНОНИМНОСТЬ СВИДЕТЕЛЕЙ В РОССИЙСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 32–36. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.32-36
Дата поступления: 24.10.2014

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена вопросу значимости теоретических и прикладных исследований проблемы допустимости показаний анонимных свидетелей. Обосновывается, что наиболее перспективным направлением в данной сфере выступает совместимость использования показаний анонимных свидетелей с гарантированным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод правом обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения. Засекречивание свидетелей, т. е. сохранение в тайне от обвиняемого и защитника данных об их личности, предусмотрено действующим уголовно-процессуальным законодательством РФ в качестве меры их безопасности. Наиболее существенной проблемой правового характера, возникшей в связи с введением данной меры, является то, что использование показаний анонимных свидетелей существенно ограничивает право обвиняемого на защиту. Поэтому закономерно, что анонимность свидетелей и допустимость их показаний должны быть обусловлены дополнительными критериями по сравнению с допустимостью обычных свидетельских показаний. В статье анализируются решения Европейского Суда по правам человека, в которых такие критерии определены, и обосновывается необходимость приведения в соответствие с ними норм Уголовно-процессуального кодекса РФ.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Анонимные свидетели; допустимость показаний; меры безопасности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Шестакова С.Д., Маркова Е.А. Анонимность свидетелей в российском уголовном процессе // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 32–36. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.32-36.

S. D. Shestakova
*Saint-Petersburg University of Russian Ministry of Internal Affairs,
Saint-Petersburg, the Russian Federation*

Ye. A. Markova
*Saint-Petersburg University of Russian Ministry of Internal Affairs,
Saint-Petersburg, the Russian Federation*

WITNESS ANONYMITY IN RUSSIAN CRIMINAL PROCEDURE

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 32–36. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.32-36
Submission date: 24.10.2014

ABSTRACT

The paper is devoted to the value of theoretical and practical research of the admission of anonymous testimony. The authors prove that the most perspective approach is to combine anonymous testimony with the right of the accused to be confronted with witnesses for the prosecution as guaranteed by the European Convention on the Protection of Human Rights and

Fundamental Freedoms. Keeping witnesses secret, i.e. keeping the information on their personalities secret from the accused and the counsel, is possible under the effective criminal procedure legislation of the Russian Federation as a measure of ensuring their safety. The biggest legal problem associated with the introduction of this measure is that the use of anonymous testimony considerably erodes the rights of the accused for defense. That is why it is only reasonable that witness anonymity and the admission of such testimony should be dependent on extra criteria in comparison with ordinary testimony. The authors analyze the decisions of the European Court of Human Rights that determine such criteria and prove the necessity of bringing the norms of Russian Criminal Procedure Code in accordance with them.

Anonymous witnesses; admissibility of testimony; safety measures.

KEYWORDS**REFERENCE TO ARTICLE**

Shestakova S.D., Markova E.A. Witness anonymity in Russian criminal procedure. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 32–36. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.32-36.

В отечественном уголовном процессе использование показаний анонимных свидетелей в качестве доказательств было впервые узаконено Уголовно-процессуальным кодексом РФ (УПК РФ) 2001 г. В соответствии с ч. 3 ст. 11 и ч. 9 ст. 166 УПК РФ при необходимости обеспечить безопасность потерпевшего, его представителя, свидетеля, их близких родственников, родственников, близких лиц следователь вправе в протоколе следственного действия, в котором участвуют указанные субъекты, не приводить данные об их личности. В специальном постановлении следователя анонимному свидетелю присваивается псевдоним и приводится образец его подписи, которые он будет использовать в протоколах следственных действий, произведенных с его участием. Ч. 3 ст. 11 и ч. 5 ст. 278 УПК РФ предусмотрен допрос в условиях, исключающих визуальное наблюдение свидетеля другими участниками судебного разбирательства, без оглашения подлинных данных о его личности.

Нормы УПК РФ, допускающие засекречивание свидетелей, сразу же стали применяться на практике. Так, по данным выборочного изучения уголовных дел, рассмотренных федеральными районными судами г. Санкт-Петербурга в 2004–2005 гг., в 4 из 100 уголовных дел использовались показания анонимных свидетелей, в 2006–2007 гг. — в 19 из 200. И это неудивительно. В настоящее время весьма остро стоит проблема обеспечения безопасности лиц, содействующих правосудию. Оказание давления на лиц, содействующих уголовному судопроизводству, является одним из наиболее распространенных и результативных средств подрыва системы уголовного правосудия. Как следствие, эффективность участия свидетеля в предварительном расследовании и судебном разбирательстве

напрямую зависит от обеспечения его личной безопасности.

В последнее время четко прослеживается тенденция к увеличению наиболее опасных способов воздействия на лиц, содействующих уголовному судопроизводству, и уменьшению сопротивляемости последних. В результате возросли случаи лжесвидетельства и отказа свидетелей от данных ими показаний. На сегодняшний день необходимость защиты участников судебных процессов достигла критической точки. По статистике Всероссийского научно-исследовательского института Министерства внутренних дел РФ, в настоящее время в качестве свидетелей по уголовным делам проходят 10 млн чел., половина из них нуждаются в защите. Это означает, что им и их семьям угрожают, требуя изменить показания или вообще от них отказаться¹. Очевидно, что успех расследования дел во многом зависит от умелого применения исчерпывающих мер безопасности и защиты в отношении свидетелей обвинения.

Согласно данным Министерства внутренних дел РФ ежегодно примерно четверть из общего количества человек, выступающих в качестве свидетелей, подвергаются угрозам и насилию, в связи с чем меняют свои показания [3, с. 25]. Свидетели, дающие изобличающие обвиняемых показания, часто испытывают чувство страха от предстоящего с ними общения на следствии и в суде. Не меньший страх вызывают также и контракты с родственниками и «друзьями» обвиняемых.

Обеспечение безопасности свидетелей является обязанностью государства. Охрана прав и свобод человека и граждани-

¹ Человек без лица // Российская газета. — 2009. — 23 июня.

на признана в качестве одного из важных принципов уголовного судопроизводства. Важнейшим фактором, влияющим на эффективность работы следствия и достоверность показаний, является государственная гарантия неприкосновенности личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство.

Человек, его права и свободы провозглашены на конституционном уровне высшей ценностью. Государство обязано в полной мере реализовывать гарантии неприкосновенности личности и собственности, защищать жизнь, здоровье и достоинство граждан в строгом соответствии с Конституцией РФ. Применительно к защите свидетелей по уголовному делу данное положение находит свое воплощение в Федеральном законе «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» от 20 августа 2004 г., установившем понятие государственной защиты, мер государственной защиты и оснований их применения, а также круг органов, обеспечивающих реализацию государственной защиты участников уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальное законодательство в качестве основной меры обеспечения безопасности свидетелей предусматривает засекречивание свидетелей и допустимость их показаний в качестве доказательств.

Наиболее существенной проблемой правового характера, возникшей в связи с введением данной меры, является то, что использование показаний анонимных свидетелей существенно ограничивает право обвиняемого на защиту. Поэтому закономерно, что допустимость показаний анонимных свидетелей должна быть обусловлена дополнительными критериями по сравнению с допустимостью обычных свидетельских показаний. Как известно, допустимость является одним из неотъемлемых свойств любого доказательства. Это вытекает, прежде всего, из ч. 2 ст. 50 Конституции РФ, запрещающей использование доказательств, полученных с нарушением федерального закона, т. е. недопустимых доказательств. Допустимость доказательств, в первую очередь, необходимо рассматривать как право человека на использование при осуществлении правосудия доказательств, полученных в соответствии с федеральным законом и как конституционную гарантию осуществления других его прав.

Как уже упоминалось, согласно ч. 3 ст. 11 УПК РФ засекречивание свидетелей допускается в случае достаточных оснований полагать, что им, либо их родственникам

или близким лицам угрожают убийством, применением насилия, уничтожением или повреждением имущества, либо иными опасными противоправными деяниями. Главная цель данной меры защиты — исключить давление на свидетелей во время производства по делу, а также их защита по окончании процесса.

Засекречивание данных о личности свидетеля порождает проблему анонимных свидетелей [2]. В связи с тем, что сведения о личности свидетелей недоступны для стороны защиты, последняя лишается возможности в полной мере проверить, оценить и подвергнуть сомнению достоверность их показаний. Не идентифицировав дающее показания лицо, едва ли возможно выявить его заинтересованность в исходе дела, а равно его неспособность объективно воспринимать события окружающей действительности, поэтому использование показаний анонимных свидетелей может повлечь нарушение ряда принципов уголовного судопроизводства: состязательности сторон, обеспечения права подозреваемого и обвиняемого на защиту, свободы оценки доказательств. При допуске таких показаний в качестве доказательств возникает проблема и с реализацией положения ч. 3 ст. 17 Конституции РФ, согласно которому осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц. Кроме того, необходимо обеспечить возможность реализации права обвиняемого самому задавать вопросы показывающим против него свидетелям или право на то, чтобы эти свидетели были допрошены другими лицами.

В соответствии с п. «d» ч. 3 ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод и п. «e» ч. 3 ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах «каждый имеет право на допрос свидетелей обвинения, а также выступление и допрос свидетелей в пользу обвиняемого на тех же условиях, что и свидетелей обвинения».

Европейским судом по правам человека рассмотрено значительное число жалоб на осуждение на основании показаний анонимных свидетелей в государствах-участниках Конвенции. В ст. 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод содержится право на надлежащую процедуру. Одним из элементов этого права является право на очную ставку свидетеля с обвиняемым, которое относится к наименее изученной отечественной процессуальной теорией проблеме. С одной стороны, использование показаний анонимного свидетеля ограни-

чивает право обвиняемого на очную ставку, с другой, сам институт засекречивания свидетелей направлен на их защиту от неправомерных действий обвиняемых.

Как следует из практики Страсбургского суда, достижению баланса между указанными конкурирующими правами способствует соответствующее закрепление в национальном законодательстве оснований и условий допустимости показаний анонимных свидетелей, категорий преступлений, по которым разрешается их использование, а также так называемой «уравновешивающей процедуры», минимизирующей ограничения возможностей стороны защиты проверить надежность свидетеля и надежность его показаний.

В ряде своих решений (В. Мехелен и другие против Нидерландов, Доорсон против Нидерландов, Костовски против Нидерландов, Виндиш против Австрии, Люди против Швейцарии, Дельта против Франции) Европейский Суд сформулировал следующие критерии, при соблюдении которых использование показаний анонимных свидетелей не образует нарушения Конвенции, т. е. такие показания являются допустимыми:

1. Единственной целью засекречивания свидетелей должно выступать обеспечение безопасности их жизни и здоровья или жизни и здоровья их близких.

2. Приговор не должен основываться исключительно либо в значительной мере на показаниях анонимных свидетелей.

3. Ограничения прав защиты, обусловленные засекречиванием свидетеля, должны быть минимально необходимыми, т. е. применяться только в том случае, если обеспечить безопасность свидетелей иным, менее радикальным способом, невозможно.

По сути, речь идет о диапазоне мер обеспечения безопасности свидетелей. Например, в уголовном процессе Нидерландов в соответствии с рекомендациями Комитета Министров Совета Европы, данными в связи с решением Европейского Суда по делу Костовски, была предусмотрена возможность использования грима и маски вместо того, чтобы вообще исключить визуальное наблюдение свидетеля стороной защиты во время допроса.

4. Применение уравновешивающей ограничения прав защиты процедуры, позволяющей проверить надежность свидетеля и надежность его показаний. В понимании Европейского Суда уравновешивающая процедура связана с возможностью «ограниченного участия» стороны защиты в допросе засекреченного свидетеля. Урав-

новешивающая процедура предполагает возможность стороны защиты ставить допрашиваемому вопросы, слышать происходящее в комнате допроса и таким образом в ограниченных формах «наблюдать» за поведением свидетеля и т. п.

Рассмотрим нормы УПК РФ с точки зрения соответствия данным критериям:

1. В ч. 3 ст. 11 УПК РФ цели (или основания) засекречивания свидетелей определены шире, чем цели, считающиеся приемлемыми Европейским Судом. Указанная норма допускает сокрытие данных о личности свидетеля от стороны защиты для предотвращения реализации угрозы не только его жизни и здоровью, но и уничтожения или повреждения его имущества либо совершения в отношении него иных противоправных деяний. Такое широкое определение целей сохранения анонимности свидетелей, включение в их число защиты весьма разнопорядковых ценностей, судя по приведенным решениям Европейского Суда, может быть расценено им как нарушение Конвенции.

2. УПК РФ не содержит никаких особых правил относительно места или роли показаний анонимных свидетелей в системе доказательств обвинения. Следовательно, в российском уголовном процессе применительно к показаниям анонимных свидетелей действует общий принцип, в соответствии с которым никакие доказательства не имеют заранее установленной силы. Таким образом, с учетом того, что приговор должен быть основан на совокупности доказательств (т. е. как минимум на двух доказательствах), УПК РФ не исключает ситуации, когда обвинительный приговор будет вынесен исключительно на основании показаний двух анонимных свидетелей.

3. На предварительном расследовании УПК РФ не предусматривает каких-либо форм обеспечения безопасности свидетелей, альтернативных исключаящим визуальный и звуковой контакт стороны защиты с ними. Ситуация усугубляется за счет того, что современному российскому уголовному судопроизводству неизвестна процессуальная фигура, аналогичная следственному судье, выполняющему на предварительном следствии функцию юстиции. Допрос осуществляется следователем — органом уголовного преследования, носителем функции обвинения.

4. На стадии предварительного расследования УПК РФ не предусматривает никакой процедуры, которая бы уравновешивала ограничения прав защиты, вызванные

засекречиванием свидетелей. Несколько иначе обстоит дело со стадией судебного разбирательства. Как уже отмечалось, в соответствии с ч. 5 ст. 278 УПК РФ суд вправе без оглашения подлинных данных о личности свидетеля провести его допрос в условиях, исключающих его визуальное наблюдение другими участниками судебного разбирательства. Следовательно, суду разрешается исключить лишь визуальное наблюдение свидетеля, однако при этом все остальные правила судебного допроса, в том числе право сторон задавать допрашиваемому вопросы, должны соблюдаться. Между тем, показания анонимных свидетелей, данные на предварительном расследовании могут быть оглашены в судебном разбирательстве, как и обычные свидетельские показания, независимо от согласия стороны защиты в случаях, предусмотренных ч. 2 ст. 281 УПК РФ, и положены в основу приговора.

Как справедливо отмечает Л. В. Брусницын, целесообразно на уровне постановлений Пленума Верховного Суда РФ, которые бы основывались на решениях Европейского Суда по правам человека, разъяснить условия и критерии допустимости показаний анонимных свидетелей [1, с. 48].

Немаловажное значение имеют и Рекомендации по вопросу запугивания свидетелей и обеспечения прав защиты, которые были приняты Комитетом министров Совета Европы 10 сентября 1997 г.

Допустимость показаний анонимных свидетелей — сложная и неоднозначная проблема. С одной стороны, засекречивание свидетелей обеспечивает его безопасность и обуславливает эффективность его сотрудничества с правоохранительными органами. С другой стороны, отсутствие у стороны защиты данных о свидетеле, участвующем в процессе под псевдонимом, исключает для нее возможность отслеживать его реакцию на вопросы и с помощью этого уличить его в случае дачи ложных показаний.

Таким образом, изложенное свидетельствует о значимости теоретических и прикладных исследований проблемы допустимости показаний анонимных свидетелей. При этом представляется, что наиболее перспективным направлением в этой сфере выступает совместимость использования показаний анонимных свидетелей с гарантированным Европейской конвенцией о защите прав человека и основных свобод правом обвиняемого на очную ставку со свидетелями обвинения.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Брусницын Л. В. Обеспечение безопасности участников процесса: возможности и перспективы развития УПК // Российская юстиция. — 2003. — № 5. — С. 48–50.
2. Григорьев Ф. Г. Проблема анонимных свидетелей // Уголовный процесс. — 2006. — № 1. — С. 51–55.
3. Никитин С. Ю., Новикова М. В., Сергеев А. Б. Защита прав свидетелей в уголовном судопроизводстве. — Челябинск, 2006. — 142 с.

REFERENCES

1. Brusnicyn L. V. Ensuring the Safety of Process Participants: Opportunities and Prospects for Developing the Criminal Procedure Code. *Rossijskaya yusticiya = Russian Justice*. 2003, no. 5, pp. 48–50. (In Russian).
2. Grigor'ev F. G. The Issue of Anonymous Witnesses. *Ugolovnyj process = Criminal Process*. 2006, no. 1, pp. 51–55. (In Russian).
3. Nikitin S. Yu., Novikova M. V., Sergeev A. B. *Zaschita prav svidetelej v ugolovnom sudoproizvodstve* [Protecting the Rights of Witnesses in Criminal Legal Procedures]. Chelyabinsk, 2006. 142 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Шестакова Софья Дмитриевна (Санкт-Петербург) — доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса. ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилытова, 1, e-mail: shestakova_sofia@mail.ru)

Маркова Екатерина Александровна (Санкт-Петербург) — адъюнкт. ФГКОУ ВПО «Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации» (198206, г. Санкт-Петербург, ул. Летчика Пилытова, 1, e-mail: katja.mm@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Shestakova, Sofya Dmitriyevna (Saint-Petersburg) — Doctor of Law, Professor, Chair of Criminal Process. Saint-Petersburg University of Russian Ministry of Internal Affairs. (Lyotchika Pilyutova st., 1, Saint-Petersburg, 198206, e-mail: shestakova_sofia@mail.ru)

Markova, Yekaterina Aleksandrovna (Saint-Petersburg) — Adjunct. Saint-Petersburg University of Russian Ministry of Internal Affairs. (Lyotchika Pilyutova st., 1, Saint-Petersburg, 198206, e-mail: katja.mm@mail.ru)

УДК 343.8
ББК 67.409

П. В. Тепляшин
*Сибирский юридический институт ФСКН России,
Красноярск, Российская Федерация*

МНОГОКРИТЕРИАЛЬНЫЙ ПОДХОД ПРИ КОНКУРСНОМ ОТБОРЕ ОСУЖДЕННЫХ К УСЛОВНО-ДОСРОЧНОМУ ОСВОБОЖДЕНИЮ

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 37–44. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.37-44
Дата поступления: 29.08.2014

АННОТАЦИЯ

В статье излагается методика конкурсной оценки результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к условно-досрочному освобождению. Критикуется балльная шкала оценки исправления осужденного, в связи с чем предлагается построить иерархию распределения заявлений осужденных по приоритетам, влияющим на их отбор в соответствии с целями уголовно-исполнительного законодательства. На основе использования психофизического закона Вебера–Фехнера показывается алгоритм расчета весов критериев исправления и схема появления суждения в процессе проведения конкурсного сравнения осужденных. Отмечается целесообразность использования метода анализа иерархий в целях выбора шкалы сравнения критериев исправления и мультипликативного метода анализа иерархий — для выбора шкалы сравнения заявлений осужденных. Приводится пример смоделированной ситуации рассмотрения заявлений осужденных по выбранным критериям. Делается вывод о том, что разработанная методика вносит свой вклад в систематизацию института исправления осужденного.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Векторная оптимизация; лишение свободы; меры поощрения; отношение к труду; параметры поведения; приоритет заявления осужденного; режим содержания; эксперт.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ**

Тепляшин П.В. Многокритериальный подход при конкурсном отборе осужденных к условно-досрочному освобождению // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 37–44. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.37-44.

P. V. Teplyashin
*Siberian Law Institute, Russian Federal Service for Drug Control,
Krasnoyarsk, the Russian Federation*

MULTI-CRITERIA APPROACH IN THE COMPETITIVE SELECTION OF INMATES FOR PAROLE

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 37–44. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.37-44
Submission date: 29.08.2014

ABSTRACT

The paper presents a methodology of competitive evaluation of inmates' behavior that helps decide if a person is eligible for parole. The author criticizes the points system of evaluating an inmate's correction and suggests building a hierarchy for distributing inmates' applications based on the priorities that influence their selection according to the goals of criminal law enforcement. The psychophysical law of Weber-Fechner is

used to build an algorithm of calculating the weights of correction criteria and a scheme of decision-making during the competitive comparison of inmates. The author stresses the expediency of using the hierarchies' analysis method to select the comparison scale for correction criteria and the multiplication method of hierarchies' analysis to select the comparison scale for the inmates' applications. The paper includes a simulated situation of examining inmates' applications according to the selected criteria. The author concludes that this methodology is a contribution to the systematization of the institute of convicted persons' correction.

KEYWORDS

Vector optimization; imprisonment; incentives; attitude to labor; parameters of behavior; priority of a convicted person's application; custodial control; expert.

REFERENCE TO ARTICLE

Тепляшин П.В. Multi-criteria approach in the competitive selection of inmates for parole. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 37–44. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.37-44.

Особое место в процессе исполнения уголовного наказания в виде лишения свободы должно отводиться возможности предоставления условно-досрочного освобождения осужденному, поскольку именно в этом случае, по сути, констатируется досрочное достижение целей уголовного наказания — исправление осужденного. Однако постоянные нарекания по процедуре и, как результат, зачастую формальное отношение к констатации исправления осужденного приводят к необходимости разработки научно обоснованной методики оценки результатов поведения осужденного, дающей возможность представления его к условно-досрочному освобождению. Как представляется, для объективности оценки исправления осужденного и с учетом системного анализа социальных явлений и процессов необходимо отказаться от оценки каждого осужденного в отдельности и прибегнуть к конкурсной процедуре отбора кандидатов на условно-досрочное освобождение (далее — конкурс). Преимущества конкурсного выбора кандидатуры осужденного на основании системы критериев оценки и сравнения заявлений по сравнению с рассмотрением заявления осужденного безотносительно к остальной массе осужденных очевидно, поскольку в этом случае учитываются общие для всех осужденных конкретного исправительного учреждения возможности реализации их субъективных прав и законных интересов. С позиции системных исследований под конкурсом следует понимать систему, связывающую, с одной стороны, представителей государства в лице соответствующих сотрудников исправительного учреждения, и, с другой, осужденных.

Важное значение в конкурсе должно отводиться критериям оценки исправления осужденных (при соблюдении общих

формально-нормативных условий отбытия минимально необходимого срока лишения свободы). В целом под критерием следует понимать оценку степени достижения отдельной цели. При многокритериальном подходе рассчитываются веса критериев, которые могут быть заданы в виде коэффициентов значимости или соответствия цели отбывания лишения свободы. Вес качественного критерия должен иметь такую величину, чтобы результаты сравнения заявлений осужденных по качественному критерию оказывали существенное влияние на результаты проведения конкурса. Набор предлагаемых критериев носит приблизительный характер, но в правоприменительной деятельности данные критерии вместе с методикой конкурсной оценки результатов поведения осужденного, дающей возможность представления его к условно-досрочному освобождению, должны быть зафиксированы в соответствующем приказе ФСИН России, либо даже (с учетом мультиплицированного характера программы) в приказе Минюста России и отвечать как общим, так и функционально-содержательным требованиям.

Необходимо соблюдать следующие общие требования к критериям:

- соответствие цели исправления;
- чувствительность к изменению индивидуальных параметров исполнения уголовного наказания в отношении конкретного осужденного;
- наличие ясной и однозначно воспринимаемой трактовки;
- достаточно легкая оценка реализации позиций, заложенных в конкретном критерии.

Следует также придерживаться и функционально-содержательных требований, предъявляемых к критериям:

– полнота набора критериев (набор критериев должен полностью охватывать цель отбывания лишения свободы);

– противоречивость критериев между собой (любой отдельно взятый критерий из перечня не должен перекрывать остальные критерии).

Таким образом, с позиции теории систем конкурс соответствует цели исполнения уголовного наказания и полностью обеспечивает выбор оптимальной альтернативы по критериям оценки исправления осужденных, при этом формулировки должны быть однозначно определены, прозрачны и не допускать двусмысленного толкования. Тогда осужденный, выигравший конкурс, будет оптимально соответствовать требованиям, предъявляемым к его условно-досрочному освобождению с учетом конкретного вида исправительного учреждения (в том числе по видам режима), социально-демографическим, уголовно-правовым, психофизиологическим, криминологическим и иным особенностям контингента. Как представляется, только таким способом достигается обратная связь между результатами конкурса и осужденными, вследствие чего возникает причинно-следственная связь между фактическим поведением осужденного и повышением качества исправительного воздействия.

Методика конкурсной оценки результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к условно-досрочному освобождению, основывается на многокритериальном подходе, который обладает рядом следующих преимуществ по сравнению с однокритериальным подходом: обеспечивает объективность анализа и оценок; дает возможность количественной оценки качественных различий в сравниваемых вариантах оптимизируемой системы; позволяет косвенно оценить труднооцениваемые и второстепенные факторы; результаты расчетов даются в удобном аналитическом виде. В процессе оценки заявлений не следует игнорировать качественные различия в параметрах поведения осужденного, которые могут быть учтены только с помощью многокритериальной оптимизации. При этом под многокритериальной (векторной) оптимизацией следует понимать совокупность методов, направленных на нахождение эффективных значений переменных в условиях, когда заранее неизвестна глобальная целевая функция (преимущества конкретного осужденного), а поведение системы определяется сложной по структуре целью (исправление осужденного), которая

распадается на существенные подцели, описываемые числовыми функциями.

Многокритериальный подход позволяет построить модель сравнения заявлений осужденных по нескольким критериям. Научное обоснование выбора метода сравнения критериев и метода оценки и сопоставления заявлений осужденных приводит к необходимости построения иерархии распределения заявлений по приоритетам, влияющим на их отбор в соответствии с целями, закрепленными уголовно-исполнительным законодательством в ч. 1 ст. 1 УИК РФ¹. Причем под иерархией следует понимать систему из нескольких уровней (уровня критериев и уровня сравниваемых заявлений). При построении указанной иерархии сначала группируются элементы (в рамках конкретных критериев), влияющие на выбор заявления, на основе информации о свойствах этих элементов. При этом свойства групп рассматриваются в качестве следующего уровня системы до тех пор, пока не будет достигнут верхний элемент, который является целью выбора заявления победителя на конкурсе.

Приблизительные критерии исправления осужденных, по которым производится оценка его исправления (в пп. 1; 4-7; 9 приведены также элементы этих критериев):

Соблюдение установленного режима содержания:

– выполнение требований администрации исправительного учреждения (4 б.);

– успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ (4 б.).

Отсутствие дисциплинарных взысканий (10 б.).

Наличие мер поощрения (10 б.).

Отношение к труду:

– добросовестность (5 б.);

– инициативность (5 б.).

5. Отношение к обучению и повышению своего образовательного уровня:

– добросовестность (5 б.);

– инициативность (5 б.).

6. Поведение в коллективе:

– толерантное отношение к другим осужденным (4 б.);

– оказание помощи администрации в налаживании дисциплины (4 б.).

7. Нравственные качества:

– осознание своей вины (8 б.);

– закрепление имеющихся положительных нравственных качеств (4 б.);

¹ Уголовно-исполнительный кодекс РФ : федер. закон от 8 янв. 1997 г. № 1-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

– формирование нравственных привычек и убеждений (3 б.).

8. Добровольное досрочное погашение материального ущерба либо гражданского иска (10 б.).

9. Социально-полезные связи:

– стремление заблаговременно решить вопросы о трудоустройстве и бытовом устройстве после освобождения (6 б.);

– забота о родителях, семье и детях (6 б.).

10. Участие в общественной жизни и творческих мероприятиях (7 б.).

Итоговую (общую) оценку кандидатуры осужденного O можно высчитать по формуле

$$O = \sum_{i=1}^N o_i k_i,$$

где o_i – оценка, установленная в соответствии с критериями (показателями) № 1–10, б.; k_i – вес (значимость) критерия (показателя).

Однако используемая шкала сравнения (при ее построении) является балльной шкалой и поэтому не отражает сущностную степень превосходства одного сравниваемого осужденного над другим при проведении конкурса. Это обстоятельство с позиций системного исследования не позволяет устанавливать обратную связь с осужденными и давать рекомендации (понятные для самого осужденного) по дальнейшей корректировке их поведения.

Как представляется, оценить относительную важность одного критерия (включая элементы по некоторым критериям) по сравнению с другим можно с помощью психофизического закона Вебера–Фехнера. Так, известный немецкий психофизиолог XIX в. Э. Г. Вебер аргументировал постоянство относительной величины приращения раздражителя, вызывающего ощущение едва заметного различия, и ввел постулат о том, что едва заметный прирост ощущения является величиной постоянной и его можно применять (использовать) как единицу измерения ощущения (чтобы два сигнала можно было отличить друг от друга, разница между ними (величина дифференциального порога) должна быть пропорциональна величине меньшего сигнала) [5, с. 45]. Иными словами, Э. Г. Вебер обосновал, что в рядах ощущений, отличающихся друг от друга по интенсивности, разностный порог возрастает с большим или меньшим приближением пропорционально раздражению, поэтому и разностная чувствительность является относительно постоянной. В свою очередь другой немецкий психофизиолог XIX в.

Г. Т. Фехнер доказал возрастание порядкового числа ощущений пропорционально логарифму измерительного числа соответствующего раздражения, т. е. тезис о том, что возрастание силы раздражения в геометрической прогрессии соответствует росту ощущения в арифметической прогрессии. Он вывел формулу, показывающую логарифмическую зависимость ощущения от величины воздействующего сигнала (стимула). При этом был введен в научный оборот постулат о том, что едва заметный прирост ощущения является величиной постоянной и его можно использовать в качестве единицы измерения ощущения [1, с. 31–33].

Думается возможным воспользоваться логической схемой появления суждения в процессе проведения конкурсного сравнения осужденных. При этом будем базироваться на тезисе Фехнера о том, что материальное и идеальное представляют собой две стороны единого целого, а граница между материальным и идеальным проходит там, где начинается ощущение, т. е. возникает первый психический процесс: процесс создания психического образа (раздражение (физика) → возбуждение (физиология) → ощущение (психология) → суждение (логика)) [2, с. 60].

Для перевода процесса использования закон Вебера–Фехнера в числовое измерение (математический вид) в целях выбора шкалы сравнения критериев можно использовать метод анализа иерархий Т. Саати, а в целях выбора шкалы сравнения заявлений осужденных – мультипликативный метод анализа иерархий Ф. А. Лутсмой [6, с. 88–99, 101–106]. Итак, согласно методу анализа иерархий (англ. АНР – analytical hierarchy process) в первую очередь необходимо осуществить переход от вербальных сравнений к числам, что задается соответствующей шкалой с прогрессией в 2 шага [3, с. 22–25] (табл. 1).

Таблица 1

**Шкала выявления
относительной важности критериев
исправления осужденных
(для парного сравнения критериев)**

Количественное выражение	Выражение относительной важности
8	Абсолютное превосходство
6	Значительное превосходство
4	Сильное превосходство
2	Умеренное превосходство
0	Равная важность
-2	Умеренная подчиненность
-4	Сильная подчиненность
-6	Значительная подчиненность
-8	Абсолютная подчиненность

После того, как эксперты (соответствующие должностные лица, участвующие в общей процедуре рассмотрения заявления осужденного о предоставлении ему условно-досрочного освобождения) проведут процедуру сравнения по анкетам, отражающим шкалу выявления относительной важности по всем критериям исправления осужденных, необходимо осуществить перевод результатов в количественный вид с помощью геометрической шкалы, когда сопоставляются заявления a и b по некоторому критерию k . При проведении данного сравнения можно определить минимальное R_{\min} и максимальное R_{\max} значения диапазона соблюдения режима. Деление этого диапазона на M равных интервалов с порядковыми номерами j ($j = 0, 1, 2, \dots, M$), определяющих существенные для эксперта различия в соблюдении осужденными установленного режима содержания, показано в следующей формуле:

$$R_j - R_{j-1} = rR_{j-1},$$

где R_j, R_{j-1} — субъективные восприятия экспертом различных диапазонов соблюдения установленного режима содержания; r — некоторая постоянная величина.

Затем необходимо осуществить ряд последующих мероприятий (математический анализ основан на соответствующих положениях работы Ю. П. Чуковой [4, с. 102-106]):

- перейти от матрицы парных сравнений, выполненной с использованием геометрической шкалы, к матрице относительной важности заявлений;

- определить баллы, отражающие сравнительные оценки важности заявления a по сравнению с альтернативой b (из N оцениваемых заявлений);

- найти коэффициенты важности заявлений осужденных ω_i ($i = 1, 2, \dots, N$) — для чего сначала определяется среднее геометрическое значений в каждой строке матрицы субъективной важности заявлений, потом полученные значения нормируются посредством равенства

$$\sum_{i=1}^N \omega_i = 1;$$

- обнаружить ценность каждого заявления с помощью мультипликативной формулы

$$p_i = \sum_{k=1}^K \omega_{ik}^{z_k},$$

где p_i — приоритет i -го заявления, показывающий образный вклад конкретного заявления в достижение общей исправитель-

ной цели; $k = 1, 2, \dots, K$ — порядковый номер критерия; z_k — вес k -го критерия.

Методика сравнения и выбора заявлений осужденных по всем критериям включает ряд следующих фаз:

1. Распределение заявлений в соответствии с их приоритетами (преимуществами) по каждому критерию.

2. Определение весов критериев z_k ($k = 1, 2, \dots, K$) и вычисление приоритетов (преимуществ) заявлений осужденных на основании мультипликативного метода анализа иерархий. При этом для каждой из полученных матриц парных сравнений заявлений рассчитывается значение f , отражающее степень превосходства одного критерия (в рамках заявления одного осужденного) над другим (в рамках заявления другого осужденного) в соответствии со шкалой сравнения заявлений.

3. Вычисление коэффициентов важности заявлений осужденных ω_{ik} по критерию k (коэффициенты важности заявлений, отражающие вклад i -го заявления в образное достижение исправительной цели).

4. Взвешивание по весам критериев, полученных в результате решения коэффициентов важности заявлений.

5. Определение окончательных приоритетов заявлений в соответствии с построенной логистической иерархией.

Таким образом, изложенная методика выбора приоритетного заявления при конкурсной оценке результатов поведения осужденного, дающая возможность представления его к условно-досрочному освобождению, разработана на основе многокритериального подхода к анализу сложных проблем с использованием психофизического закона Вебера-Фехнера, метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий. Разработанная методика позволяет осуществлять выбор приоритетного заявления осужденного путем экспертной оценки превосходства одного критерия иерархии над другим и перехода от вербальных сравнений к числовым измерениям на основе критериально расположенных предположений о поведении человека. В целях обеспечения скорости расчетов и получения возможности графического отображения результатов применения метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий можно использовать несколько экспертно-аналитических систем для персональных компьютеров — Expert Decide, MPRIORITY 1.0 и Expert Solution 1.0, а также (с учетом самостоятельного ввода

соответствующих формул) процессор электронных таблиц Microsoft Excel.

Для демонстрации многокритериального подхода «в действии» целесообразно изложить пример его использования применительно к смоделированной ситуации рассмотрения заявлений осужденных С., П. и И. Доступность восприятия и наглядность применения многокритериального подхода приводят к целесообразности оценки поведения осужденных только по четырем критериям, в рамках которых эксперту предлагается заполнить анкеты по каждому из претендентов (рис. 1). В рамках данной анкеты эксперт отвечает на вопрос «Насколько один рассматриваемый крите-

рий является более важным по сравнению с другим?»

Результаты анкеты уточняются в процессе составления матрицы парных сравнений критериев с использованием геометрической шкалы, которые показывают степень образного влияния соответствующих критериев на исправление осужденных (табл. 2). При этом сложные математические вычисления на основе многокритериального подхода с использованием метода анализа иерархий и мультипликативного метода анализа иерархий следует осуществить с помощью одной из указанных ранее экспертно-аналитических компьютерных систем (программ).

Код анкеты:		Эксперт:				Осужденный:				Дата заполнения:
Критерии	Превосходство критерия, записанного слева, над критерием, записанным справа				Равная важность критериев	Превосходство критерия, записанного справа, над критерием, записанным слева				Критерии
	Абсолютное	Значительное	Сильное	Умеренное		Умеренное	Сильное	Значительное	Абсолютное	
Успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ				V						Отсутствие дисциплинарных взысканий
						V				Наличие мер поощрения
							V			Добросовестное отношение к труду
Отсутствие дисциплинарных взысканий						V				Наличие мер поощрения
								V		Добросовестное отношение к труду
Наличие мер поощрения						V				Добросовестное отношение к труду

Рис. 1. Анкета выявления относительной важности критериев исправления осужденных

Таблица 2

Матрица парных сравнений критериев исправления осужденных

Критерий, превосходство которого выявляется	Критерий, по отношению к которому проводятся сравнения			
	Успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ	Отсутствие дисциплинарных взысканий	Наличие мер поощрения	Добросовестное отношение к труду
Успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ	1	3	1/3	1/5
Отсутствие дисциплинарных взысканий	1/3	1	1/3	1/7
Наличие мер поощрения	3	3	1	1/3
Добросовестное отношение к труду	5	7	3	1

Отношение согласованности (индекса) матрицы экспертных суждений равняется 3,71 %, которое используется для расчета весов критериев (рис. 2). При этом важно учитывать, что если данное отношение превышает 10 %, то это быстрее всего свидетельствует о несогласованности суждений экспертов и высокой вероятности их работы «наугад». В рамках данной анкеты эксперт отвечает на вопрос: «Насколько один осужденный превосходит другого по критерию добросовестного отношения к труду?», поскольку матрица парных сравнений критериев исправления осужденных показала очевидное преимущество именно этого критерия.

Результаты анкеты уточняются в процессе составления матрицы парных сравнений заявлений осужденных (табл. 3).

Далее рассчитываются как степени превосходства одного сравниваемого заявления над другим, так и полученные приоритеты заявлений по критерию добросовестного отношения к труду (табл. 4). В случае, если дополнительный интерес вызывают степень превосходства и приоритеты по другим критериям, то по ним осуществляются аналогичные расчеты.

Вычисленные значения приоритетов критериев приобрели следующие веса: успешное прохождение антинаркотических и иных лечебных либо реабилитационных программ – 12,07 %; отсутствие дисциплинарных взысканий – 6,41 %; наличие мер поощрения – 23,75 %; добросовестное отношение к труду – 57,77 %. В результате, на рис. 3 продемонстрированы численные значения приоритетов альтернатив относительно критериев оценки для принятия решения о рекомендации к условно-досрочному освобождению конкретного осужденного.

Проведенный анализ и вычисления демонстрируют наибольший приоритет заявления осужденного С., поэтому применительно к смоделированной ситуации рекомендуется выбрать именно его кандидатуру для ходатайства перед судом о предоставлении ему условно-досрочного освобождения. При этом остальные осужденные могут быть проинформированы о том, какие на определенный момент времени критерии и заявления имеют приоритеты. В случае, если экспертами выступает несколько человек (что и рекомендуется для повышения объективности оценки),

Код анкеты:		Эксперт:			Дата заполнения:			
Заявление осужденного, превосходство которого выявляется	Превосходство заявления, указанного слева, над заявлением, указанным справа			Равенство заявлений	Превосходство заявления, указанного справа, над заявлением, указанным слева			Заявление осужденного, по отношению к которому проводятся сравнения
	Значительное	Сильное	Умеренное		Значительное	Сильное	Умеренное	
С.			V					П.
С.		V						И.
П.			V					И.

Рис. 2. Анкета для выявления степени превосходства заявлений по критерию добросовестного отношения к труду

Таблица 3

Матрица парных сравнений степени превосходства заявлений по критерию добросовестного отношения к труду

Заявление осужденного, приоритет которого определяется	Заявление осужденного, по отношению к которому проводятся сравнения		
	С.	П.	И.
С.	0	2	4
П.	-2	0	2
И.	-4	-2	0

Таблица 4

Расчет приоритетов заявлений по критерию добросовестного отношения к труду

Заявление осужденного, приоритет которого определяется	Заявление осужденного, по отношению к которому проводятся сравнения			Приоритеты
	С.	П.	И.	
С.	$f_{11} = e^0$	$f_{12} = e^2$	$f_{13} = e^4$	0,867
П.	$f_{21} = e^{-2}$	$f_{22} = e^0$	$f_{23} = e^2$	0,117
И.	$f_{31} = e^{-4}$	$f_{32} = e^{-2}$	$f_{33} = e^0$	0,016

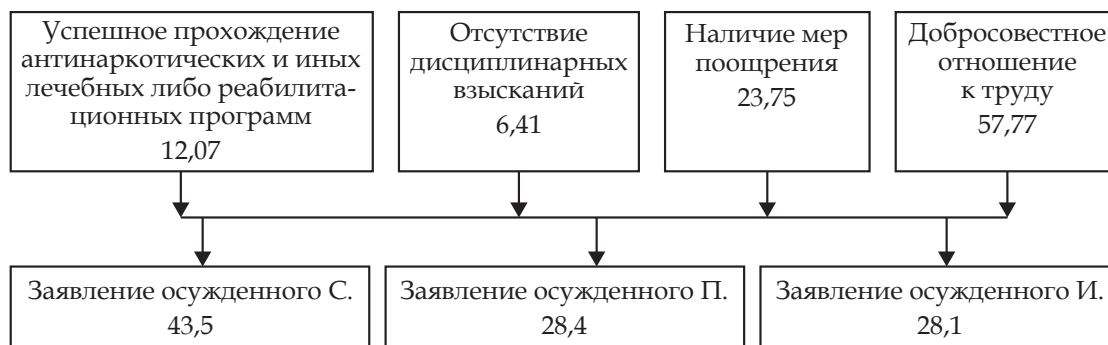

Рис. 3. Веса критериев и приоритеты заявлений осужденных, %

то окончательный расчет по каждому отдельно взятому осужденному (в нашем случае — С., П., И.) выполняется с помощью простого математического усреднения заключительных данных, полученных соответствующим экспертом.

Таким образом, разработанная методика отбора приоритетного заявления осужденного основана на сочетании традиционного и мультипликативного методов анализа иерархий и позволяет оценивать заявления по соответствующим критериям, количество которых может меняться.

Иерархия распределения заявлений по приоритетам формируется на основании группировки критериев, влияющих на выбор заявления, в соответствии с целями уголовно-исполнительного законодательства. Разработанная методика вносит свой вклад в систематизацию института исправления осужденного, отражая алгоритм многосторонней оценки, позволяющий выявить заявление осужденного, поведение которого наиболее полно отвечает требованиям к условно-досрочному освобождению.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Липпс Г. Ф. Основы психофизики : пер. с нем. — 2-е изд. — М., 2012. — 112 с.
2. Психология : учеб. / В. М. Алахвердов, С. И. Богданова [и др.] ; отв. ред. А. А. Крылов. — 2-е изд., перераб. и доп. — М., 2012. — 752 с.
3. Саати Т. Принятие решений. Метод анализа иерархий. — М., 1993. — 278 с.
4. Чукова Ю. П. Закон Вебера-Фехнера (К 150-летию издания книги Г. Т. Фехнера «Элементы психофизики»). — М., 2009. — 144 с.
5. Чукова Ю. П. О судьбе закона // Знание — сила. — 2011. — № 6. — С. 45–51.
6. Lootsma F. A. Scale Sensitivity in the Multiplicative AHP and SMART // Journal of Multi-Criteria Decision Analysis. — 1993. — Vol. 2. — P. 87–110.

REFERENCES

1. Lipps G. Ph. *Osnovy psikhophiziki* [Basics of Psychophysics]. Moscow, 2012. 112 p.
2. A. A. Krylov (ed.) *Psikhologiya* [Psychology]. Moscow, 2012. 752 p.
3. Saati T. *Prinyatie reshenij. Metod analiza ierarkhij* [Decision Making. Hierarchy Analysis Method]. Moscow, 1993. 278 p.
4. Chukova Yu. P. *Zakon Vebera-Phekhnera (K 150-letiyu izdaniya knigi G. T. Phekhnera «Elementy psikhophiziki»)* [Weber-Fechner Law (to 150th anniversary of publishing «Elements of Psychophysics» by G. Th. Fechner)]. Moscow, 2009. 144 p.
5. Chukova Yu. P. The Destiny of Law. *Znanie — sila = Knowledge is Power*. 2011, no. 6, pp. 45-51.
6. Lootsma F. A. Scale Sensitivity in the Multiplicative AHP and SMART. *Journal of Multi-Criteria Decision Analysis*. 1993, Vol. 2, pp. 87–110.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Тепляшин Павел Владимирович (Красноярск) — кандидат юридических наук, доцент, начальник организационно-научного и редакционно-издательского отдела. Сибирский юридический институт ФСКН России (660131, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, 20, e-mail: pavlushat@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Teplyashin, Pavel Vladimirovich (Krasnoyarsk) — Ph.D. in Law, Ass. Professor, Head, Department of Research Organization and Publishing. Siberian Law Institute, Russian Federal Service for Drug Control (Rokossovskiy st., 20, Krasnoyarsk, 660131, e-mail: pavlushat@mail.ru)

УДК 343.9+340.1
ББК 67.51+67.0

В. В. Лунеев
*Институт государства и права Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация*

СООТНОШЕНИЕ КРИМИНАЛЬНЫХ РЕАЛИЙ С ТЕОРИЕЙ ПРАВА В РОССИИ

**ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ**

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 45–52. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.45-52
Дата поступления: 02.11.2014

АННОТАЦИЯ

В статье рассмотрены некоторые связи криминальных реалий и теории права, а также существующие между ними противоречия. Обосновывается вывод о том, что теоретические исследования права и модели законов должны опираться в своей разработке на анализ существующей в обществе реальной ситуации, которая складывается в современный период. Часто разрыв между правовой регламентацией определенных общественных отношений и реальной криминальной ситуацией, отсутствие его оценки не позволяет эффективно регулировать данные общественные отношения. Логическое мышление, которое доминирует в юридической науке, не может дать знание эмпирического мира, а абстрактное философствование вне фундаментального анализа реалий сводит теорию права к науке слов, а не к науке познания реального права.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Преступность; теория права; социология уголовного права; криминология; уголовный закон.

**БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ**

Лунеев В.В. Соотношение криминальных реалий с теорией права в России // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 45–52. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.45-52.

V. V. Luneyev
*Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences,
Moscow, the Russian Federation*

CORRELATION BETWEEN CRIMINAL PHENOMENA AND THE THEORY OF LAW IN RUSSIA

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 45–52. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.45-52
Submission date: 02.11.2014

ABSTRACT

The paper analyses some connections of criminal phenomena with the theory of law as well as the contradictions between them. The author proves that theoretical research of law and the development of legal models should be based on the analysis of actual situation in the society at the present time. It often happens that the gap between the legal regulation of certain public relations and the actual criminal situation, as well as the lack of its evaluation, prevents the efficient regulation of such public relations. Logical thinking that dominates juridical science cannot produce knowledge of the empirical world, whereas abstract philosophy without the fundamental analysis of actual phenomena reduces the theory of law to the science of words rather than the science of understanding real law.

KEYWORDS

Crime; theory of law; sociology of criminal law; criminology; criminal code.

**REFERENCE
TO ARTICLE**

Luneyev V.V. Correlation between criminal phenomena and the theory of law in Russia. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 45–52. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.45-52.

Высокая ценность истории и теории права связана с тем, насколько они объективно отражают жизненные реалии и разрабатывают важнейшие юридические проблемы прошлого, настоящего и прогнозируемого будущего. Криминология и социология уголовного права — науки земные. Их относительно легко можно «пощупать» и измерить, они дают возможность более или менее объективно оценить связь разрабатываемых теорий и норм права с реальной жизнью.

Возникновение социологии права, включая социологию уголовного права и криминологию, произошло в России в XVIII в., и до сих пор между теорией уголовного права и системным изучением закономерностей криминальных реалий или криминологией, к сожалению, не возникло тесного научно-практического сотрудничества. Разработанный в Институте государства и права РАН академиком В. С. Нерсесяцем либертарно-юридический подход имеет ввиду нормативное выражение принципа формального равенства. Составные элементы его раскрываются как единство трех основных компонентов правовой формы: абстрактного равенства, свободы и справедливости. Либертарный юридический подход формально, а не фактически содержательный. Он не смешивает правовую форму и фактическое (не правовое) содержание [6, с. 785–791; 7, с. 17–31]. В итоге, юридическое, нормативистское представление практически почти не имеет отношения к реальности. Законы разрабатываются не на основе фундаментального анализа и прогноза реалий, и научно не исследуется и не прогнозируется их возможная фактическая эффективность действия. Данное обстоятельство становится особенно очевидным при обращении к фактам жизни и деятельности системы правоохраны.

В уголовном праве и криминологии такие противоречия еще более упрощаются. Догматики уголовного права стойко охраняют границы своей независимости. Академик В. Н. Кудрявцев, коснувшийся этих проблем, юмористически заметил: теоретики уголовного права, развивая свою науку на собственных юридических принципах и догмах, считают криминологов не юристами, а какими-то самодельными социологами, а криминологи, опираясь на криминальные реалии, считают таких теоретиков уголовного права не учеными, а догматиками. Как бы это не было наивно и

смешно, но это факт. В действительности же уголовное право и криминология — единая наука о противодействии преступности. Подобные противоречия в той или иной степени существуют и в других отраслях права. А есть отрасли, которые развиваются на основе только собственной логики и различных мнений. На этой основе и родилось выражение «у двух юристов три мнения» — а ведь с древних времен на Руси говорили «семь раз измерь, а потом отрежь».

Известный нобелевский лауреат немецкий физик и философ М. Планк, именем которого названо научное общество в ФРГ (прототип РАН в России), убеждал, что существует лишь то, что можно измерить. Именно поэтому считается, что любая реальная наука начинается с измерения. Все в жизни абсолютно или относительно поддается измерению. Измеряются и ранжируются даже страны, их отрасли деятельности и другие формы нашего существования. Нет измерения, нет и объективных знаний, но могут быть гениальные догадки, нередко красивые или досужие, предположительные и важные суждения. Самый главный научный аргумент в этом случае бывает «я так думаю...». Еще Галилей в XVII в. писал: «Бич человека воображаемое знание. Книжная ученость, а не реалии жизни».

Будучи когда-то директором российско-американского исследовательского центра на организуемых конференциях я пытался выяснить, какую функцию по предупреждению преступлений могут нести в себе различные отрасли права. Обращаюсь к очень известному цивилисту с просьбой выступить с докладом на эту тему.

Он категорически ответил:

— Это не наше дело.

В принципе вроде бы так, но я спрашиваю:

— В 1998 г. закон о банкротстве Вы разрабатывали?

— Да.

— Но его нормы спровоцировали массовое (несколько сот и даже тысяч) рейдерство (наглый захват доходного бизнеса с помощью закона о банкротстве, судов, правоохранительных органов и судебных приставов).

Соглашается.

— Вы это сотворили?

— Тогда не все ясно было. Первый вариант закона о банкротстве появился в 1998 г., второй вариант — в 2002 г. Изменения и дополнения вносились десятки

раз вплоть до 2013 г., но рейдерство только возрастает.

Такие примеры можно привести по всем отраслям права от конституционного до дорожно-транспортного. Не измеренное, не изученное, не прогнозируемое — не может быть законом. Но даже при наличии закона, его содержание реально искажается. И искажается даже на самом верху. В этом году мы переживаем великое историческое событие — 20-летие Конституции РФ, в которой записано: «носителем суверенитета и единственным источником власти в РФ является ее многонациональный народ. Высшим непосредственным выражением власти народа является референдум и свободные выборы» (ст. 3). Президент РФ В. В. Путин, которого я глубоко уважаю и голосовал за него, перед днем 20-летия Конституции РФ говорил: «Власть должна быть ближе к народу». Элементарное толкование: как она должна быть ближе к народу, если «единственным источником власти в стране является сам народ». Есть серьезные факты, когда 60–80 % народа голосовали за возвращение, например, смертной казни к безжалостным и многократным убийцам детей и женщин, но реальная власть это игнорирует. Конечно, хотя у нас и не совсем легитимная отмена смертной казни, но это гуманно. Однако как быть с мнением народа о безнаказанных убийцах и сотне тысяч потерпевших от них [5, с. 17; 7, с. 17].

Обратимся к более глубоким проблемам. Два главных лица в России — юристы. Они иницируют, санкционируют и подписывают законы и подзаконные акты. Один из них говорит о свободе: «Несколько лет тому назад я высказал, казалось бы, очевидную мысль: свобода лучше, чем несвобода... А противопоставление свободы и порядка, свободы и материального благополучия, свободы и справедливости в высшей степени неверно»¹. Это странное либероидное умозрительное высказывание из уст правящего лица. Оно крайне сомнительно. Из произведений Ф. Энгельса известна непоколебленная истина «свобода есть познанная необходимость». Свобода — не вольница. Ее нельзя противопоставлять или отделять от законного конституционного порядка, материального благополучия, уровня социального равенства и социальной справедливости, как это делает высокопоставленный чиновник. Они составляют сущность свобо-

ды, без анализа которых нельзя оценить ее реалии. Иначе она превращается в пустоту. В. А. Жуковский наставлял будущего Александра II: «Люби свободу... Свобода и порядок — одно и то же». Председатель Конституционного Суда РФ в своей книге «Правовой путь России» пишет: «Правовая свобода — это свобода, урегулированная правовым законом... Свобода как единство прав и ответственности» [3, с. 83].

В нашем современном капиталистическом обществе социальное равенство и социальная несправедливость совершенно не достижимы. У нас 1 % сверх богатых россиян владеют 71 % всех активов. Достижимо лишь правовое равенство, но и его у нас в реальности пока нет. Я, как криминолог, мог бы привести тысячи отдельных и статистически выверенных данных [4, с. 169–295]. В. В. Путин был вынужден признать: «В свое время многим нашим сегодняшним олигархам достались много миллиардные состояния в результате несправедливой и нечестной приватизации. Это абсолютно точно, это факт... Однако если сейчас начать отъем этой собственности, это может привести к худшим последствиям, чем сама нечестная приватизация... Поэтому задачей государства являются не разговоры о национализации..., а разговор о том, чтобы *поставить в стойло этих людей*, заставить их работать по закону и платить налоги...» (курсив наш. — В. Л.)². Я тоже не сторонник нового передела собственности (хотя он в России и никогда не прекращался). Я не сторонник и «казни» этих ловкачей или иного тяжкого наказания, но законно «повесить им на шею» условную табличку «Я вор», было бы справедливо. И такая практика в мире есть. Ответственность объективная должна же быть. И вновь обращаюсь к высказыванию В. В. Путина. На одном из мероприятий он сказал, что «любителей так называемых откатов и распилов надо бить не просто по рукам, по морде надо бить, да так, чтобы желания не было разевать рот на народные деньги»³. Какие нужные простые, хотя и не очень этичные, но верные слова. Пока это только громкие восклицания, и если выразаться по-путински, то «где “посадки?”».

Со времени разграбления СССР прошло почти 20 лет, а никакого правового решения не имеется, хотя у властей была возможность принять его во время своего

² Российская газета. — 2011. — 16 дек.

³ Аргументы недели. — 2011. — 30 нояб.

¹ Российская газета. — 2012. — 26 апр.

пребывания у руля государства. Можно прогнозировать, что такого решения и не будет. Скорее всего, это был вынужденный ложный ответ возмущенному народу или фигура речи. Но как быть с разрушительным и массовым общественным мнением, когда абсолютная часть россиян чувствуют себя ограбленными (читайте мнение народа в Интернете), а небольшая часть «успешных» бизнесменов в безвластное время — ограбившими. Через это очень трудно будет просто перешагнуть. Для этого надо создание человеческих условий жизни народа и много времени. У страны нет ни того ни другого. А это серьезная основа для социального взрыва.

Способ преодоления аналогичного раскола, как пишет известный экономист М. Делягин, был применен в Великобритании после тэтчеровской приватизации — компенсационный налог, возвращающий в госсобственность разницу между ценой приватизации и реальной стоимостью активов на ее момент. Чтобы не подорвать работу предприятий, считает автор, этот компенсационный налог лучше взимать не деньгами, а пакетами акций и этим раз и навсегда закрыть все дискуссии о национализации [2].

Тысячи лет известно, что правовое неравенство в форме безнаказанности — самая серьезная причина преступности, значимый показатель беспомощности общества. Речь идет не о строгости наказания, а о его неотвратимости. Прав Ш. Монтескье: «Закон должен быть похож на смерть, которая никого не пощадит». У нас же исторически неотвратимость наказания выборочна: «правомерно» (чиновная неприкосновенность), политически (семейственность и сетевое организованное преступное объединение сообщников во власти) и организационно (неспособность и продажность системы уголовной юстиции).

Если правовая необходимость народом и властями не совсем познана, не измерена, не учитываема и реально не решается, то мы продолжаем жить в «свободе дикой природы», где каждая земная тварь «абсолютно свободна», но лишь до тех пор, пока другая тоже «абсолютно свободная», но более сильная тварь, не проглотит ее. То же вершится и на международной арене. Обратимся к самой передовой насильственно-диктаторской стране мира, к США. Насилие над аборигенами и их последовательное уничтожение, война с Мексикой, Филиппинами, агрессия против Гренады, Вьетнама, а в последние годы — Афгани-

стан, Сербия, Ирак, Ливия, Сирия и другие страны, познавшие американскую беспощадную и беспричинную кровавую агрессию. Мотивация США элементарна: «Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать». В прошлые века не было ни одной значимой страны, где бы «победно» не побывал солдатский ботинок англосакса, а ныне ботинок янки. Об этом знает весь мир, но американцы это в своей стране замалчивают. Форм обмана и замалчивания много. Одну из них в сентябре 2014 г. «виртуозно» продемонстрировала ничего вроде не знающая официальный представитель Госдепа Д. Псаки. Над ее «непрофессионализмом» смеется весь мир. Но это скорее кукла прикрытия. Тогда как политическое руководство страны высоко профессионально и ориентируется неизменно выразением О. Бисмарка «Macht geht vor Recht» (сила выше права).

Возвращаясь к реальному праву народа, следует осознавать, что познанная необходимость в праве — это научно выверенные законы, принятые демократическим путем. А если законы пишутся чиновниками и приближенными к власти людьми в интересах властей и элитарных групп и появляются в Думе, по выражению одного из депутатов, как «черти из табакерки», не согласованные с реально действующим законодательством, не обоснованные социологически и криминологически¹, то мы живем в порочной необходимости. Какая, например, правовая, социологическая и криминологическая необходимость заставила власти во время разграбления страны исключить из УК РФ конфискацию имущества в декабре 2003 г. Она известна со времен средневековья во всех странах мира, в том числе в России, СССР и новой России. Она прописана в международных документах, которые мы ратифицировали, но почему-то не имплементировали. Под напором научной общественности конфискацию вынужде-

¹ Вот и сейчас во многих учреждениях, включая Общественную палату, «на коленке» без необходимых и глубоких научных исследований судорожно готовят проекты нового УК РФ. С этим согласна и Дума. Совет от профильного комитета Думы, разработанный под руководством П. Крашенинникова, лишь один: следует получить «одобрение на самом высоком уровне». О крайне необходимом и глубоком научном обосновании будущих норм УК РФ, которое нельзя заменить спорной дискуссионной демагогией и мнением высокого начальства, ни слова (см.: Коммерсант. — 2014. — 2 окт.).

ны были вернуть в УК РФ, но в деформированном виде. За бытовые преступления конфискация имущества у виновного возможна, а за экономические преступления, где пропадают триллионы [4, с. 175–206], нет. А тут еще появился властный крик: «Не надо кошмарить предпринимателей» (а всех остальных, выходит, можно?). Правительство идет дальше. Совсем недавно оно одобрило законопроект о компенсациях богатейшим россиянам потерь от решений иностранных судов или, как окрестила пресса, «законе о виллах Роттенберга». Это законотворческое издевательство над простым и беднеющим народом¹.

Забота о миллиардерах проявляется серьезная. Страна уверенно делится на страды (классы) правящих и подчиненных. Об этом четко высказался Г. Греф в г. Санкт-Петербурге на организованном им обсуждении. Его высказывание было расценено как попытка легализовать идею отказа от ориентиров на демократические ценности и возврата к четко закрепленной иерархической системе государства². Во времена президентства Д. А. Медведева было ликвидировано Главное управление по борьбе с организованной преступностью³. Видимо, оно дошло до слишком высокого уровня. В социальной сети даже устоялось грубое, но требующее анализа высказывание: «Убрали из УК все, что мешает казнокрадам»⁴.

Ч. Беккариа доказательно считал «что законы... почти всегда служат только орудием страстей незначительного меньшинства или же порождаются случайной и мимолетной необходимостью. Нигде еще законы не написаны бесстрастным исследователем человеческой природы, который направил бы деятельность людской массы к единой цели для возможно большего счастья для возможного большего числа людей...» [1, с. 88]. Как по научному надо разрабатывать такие уголовные законы было

¹ URL : <http://www.gazeta.ru/politica/2014/10/8/>.

² URL : <http://www.1rr.ru/news/doc/20417>.

³ Сейчас поднимается вопрос о воссоздании такого управления. Потеряно много лет, а собранная Главным управлением важнейшая информация в стране об организованной преступности попала в ее же руки.

⁴ Великий немецкий реформатор Л. Эрхард, поднявший Германию после войны из руин, полагал, что предприниматель должен быть свободен от государственной указки, но ему противопоставлено вмешиваться в политику государства (см.: [8, с. 133–135]).

исследовано и доказано А. Н. Радищевым еще в 1802 г. Методика его не устарела, но мы игнорируем достижения и зарубежных, и отечественных ученых.

В России ежегодно заявляется около 25–26 млн преступлений и правонарушений, а по данным 2013 г. — 28,35 млн. Конечно, далеко не все заявления реально содержат состав преступления. Но по данным репрезентативных исследований ВНИИ МВД и ВНИИ Генпрокуратуры в 2011 г. в России доказано, что и реально совершается около 23–24 млн преступлений. В 2013 г., например, было возбуждено 1 761 545 уголовных дел — это всего лишь 6,2 % от общего числа заявлений и сообщений; осуждено — 735 605 чел. Если исходить из научных исследований латентности, то осуждается около 41,8 % преступников от количества возбужденных уголовных дел или около 3 % от научно расчетного числа совершаемых преступлений, а остальные избежали уголовной ответственности по разным причинам (не нашли, не установили виновных, не получили согласия властей и т. д.). В эти данные не включены несовершеннолетние, опущены и многие другие уголовно-правовые особенности.

Обратимся к самым опасным деяниям — убийствам. За 10 лет (2001–2010) официально зарегистрировано 263 889 убийств — примем это число за 100 %; выявлено виновных лиц — 86,3 %, а осуждено только — 67,5 %. За это же десятилетие в стране пропало без вести 1,2 млн чел., не разысканными осталось 38,2 %, но зато выявлено почти миллион (974 672) неопознанных трупов, значительная часть которых была, как правило, убита и профессионально спрятана, поэтому в статистику убийств они не попали. Если все это грубо сложить, даже исключая многие частные события регистрации, квалификации и учета, и то получается, что в России ежегодно в среднем уходило в «страну неопознанных трупов» до 90–100 тыс. «хитро» убитых. Вот печальная действительная реальность. Ее нельзя понять и осознать путем теоретических рассуждений, и она должна приниматься такой, как она есть.

В последние годы в России дали клич «снизить число “сидельцев” в местах лишения свободы» — стало заключенных меньше, чем в США. Какой путь был избран? Не объективное снижение уровня преступности, хотя и так с 2006 г. зарегистрированная преступность снизилась на 42,7 %, и такого «успеха» не имеет ни одна страна мира. Пути снижения явилась не минимизация

причин преступности, не эффективность борьбы, не воспитание людей, а новая декриминализация уголовного законодательства (то, что было преступным, стало не преступным).

Главная трагедийность положения ныне в том, что мы точно не знаем реального обобщенного объема преступности и ее отдельных устоявшихся видов; мы не знаем ее полных социальных и экономических последствий; мы не знаем действительной эффективности борьбы с преступностью; мы не знаем, как дорого она в целом обходится нашему народу; мы не имеем сколько-нибудь адекватного прогноза ее возможного развития на основе интенсивных изменений в мире и в стране. Более того, мы глубинно научно не изучаем эти проблемы. Мы привыкли ко всему этому «незнанию» как к стихии.

Развитие права в недалеком прошлом, да и в современном мире осуществляется в основе своей на условном уровне в форме науки слов, а не науки реалий. Институт государства и права РАН никогда не имел и не имеет никакой системной реалистичной, фактической или экспериментальной базы. Мы системно не владеем никакой статистической и социологической информацией наших реалий. Мы не имеем возможности самим в необходимых условиях получать и собирать репрезентативные сведения о правовых реалиях в стране. Философия и теория права благодаря некоторым отраслевым наукам развиваются в плане абстрактных либертарных суждений, не опираясь на какие-либо реалии. Логическое мышление, которое доминирует в юридической науке, не может дать знания эмпирического мира, а абстрактное философствование вне фундаментального анализа реалий сводит теорию права к науке слов, а не к науке познания реального права.

Ректор Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова академик В. Садовничий в Ассоциации юристов России прямо сказал, что на юридических факультетах стоило бы преподавать курс общей математики, философию математики и логику, назвав это ключевым. Не пора ли вам подумать, советовал он, над математической моделью Гражданского кодекса, Уголовного кодекса? Потому что сегодня соотношение разных норм, например Уголовного кодекса, с его точки зрения, начисто лишено логики и здравого смысла. В Уголовный кодекс РФ (1996) внесено более 2 000 нередко противоречивых, сомнительных и даже порочных изме-

нений и дополнений на 300 с лишним статей кодекса. Эти изменения и дополнения не успевают усваивать даже специалисты, а Уголовный кодекс предназначен всем гражданам. На базе юрфака В. Садовничий предлагает создать экспериментальную лабораторию и попробовать просчитать какую-то отрасль права, вывести ее алгоритм и построить математическую модель. Нобелевский лауреат Ж. Алферов тоже этим озабочен: беда нашей науки в том, что на нее нет спроса.

Для криминологической науки эта беда многократно больше.

Во-первых, эта наука, даже на уровне современных знаний, очень далека пока от совершенства. Если нет потребности, наука не развивается.

Во-вторых, в стране нет достаточного числа криминологов, владеющих современными методами криминологического, социологического, статистического и математического анализа и прогноза, поскольку на них нет спроса.

В-третьих, мы не имеем сколько-нибудь полных и надежных и конкретных данных о криминологической обстановке в мире, стране, регионе и т. д. Между реальными криминологическими данными и регистрируемой преступностью существует давняя системная пропасть, обусловленная политическими, экономическими, социальными, организационными, правовыми, идеологическими и психологическими проблемами страны и ее вождей. Это конфликт между массовой преступной реальностью и ограниченными возможностями общества и государства, между беспощадным криминалом и властью, желающей слышать лишь о гуманизме и либерализме своих действий. Криминология и социология уголовного права практически не нужны нашей власти, хотя они чрезвычайно нужны нашему обществу и нашему народу. Только при научном подходе можно минимизировать преступность в нашей стране, особенно экономическую. К бездействию в отношении криминала со времен «семибоярщины» власть активно толкают активные либероидные формирования, а проще — пятая колонна.

Мне приходилось обо всем этом писать и выступать неоднократно, но реальных сдвигов нет. Гибель людей тысячами, причиняемый материальный и иной ущерб триллионами долларов, расходы на противодействие преступности, расследование и наказание какой-то части преступников и неправомерное прощение

многомиллиардных расхищений властного люда составляют более половины государственного бюджета. Это также цена нашего антианалитического догматического политизированного либероидного подхода.

Научный подход к этим проблемам помог бы существенно уменьшить эти расходы. Вместо этого мы пытаемся пополнять бюджет копейками с пенсий, пособий, материнского капитала на фоне беспардонного обогащения элитарных кругов и чиновников, что привело к небывалому и неоправданному расслоению общества, которое является социально опасными. Это не пройдет бесследно для психологии обворованного народа.

Обнародовано, что ежегодный оборот итальянской мафии превышает выручку Евросоюза (200 млрд евро против 140). Мы не знаем наших реалий. Они не меньше, но соотношение в 1,5 раза названных сопоставляемых сумм может быть вполне возможным. На кого же работает наше государство, его законодатели и его Уголовный кодекс? Государство прилагает максимум усилий по экономии расходов, увеличению налогов и других сборов, даже заговорили о повышении пенсионного возраста и т. д. Но у нас (единственной стране в мире) нет конфискации имущества у экономических преступников; нет ответственности за незаконное обогащение; нет не только экономического и социального равенства, которые недостижимы, но могут быть минимизированы; нет

даже возможного и остро необходимого *правового равенства*. Мы собираем сотую долю наложенных штрафов и т. д. По данным Института социологии РАН, около 30 млн людей не имеют сколько-нибудь достойного жилья, люди экономят на еде. Социально-экономическое расслоение общества достигло максимум возможного и максимум социально опасного, а преступники жируют, число миллиардеров с криминальным прошлым с каждым годом растет, и они практически не принимают на себя обета помощи бедным, как это делают сотни американских миллиардеров. Президент Альфа-Банка П. Авен в одном из интервью сказал: «Борьба с бедностью — не дело частного бизнеса. Если ты здоров и беден — это стыдно, а богатство — отметина бога»¹. Его отметиной бога была, видимо, работа в правительстве, где в те годы многие стали крупными собственниками. Страна живет по давно известному принципу: «Если ты украл булку хлеба, пойдешь в тюрьму, а если железную дорогу, будешь сенатором». Я не знаю, как это все можно уложить в научный правотеоретический подход, а в чистой теории права у нас все хорошо. Но дальше так вести научную работу невозможно и ненужно. Тем более впереди у нас много неясного. Многие аналитики, близкие к властным структурам, прогнозируют серьезные глобальные трудности в России.

¹ URL : www.aif.ru/onlint/aif/1250/08_01.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Беккария Ч. О преступлениях и наказаниях / сост. и предисл. В. С. Овчинского. — М., 2004. — 184 с.
2. Делягин М. Нам нужны не хорошие вожди, а честное государство. — URL : <http://delyagin.ru/position/?dyear=2011>.
3. Зорькин В. Д. Правовой путь России. — М., 2014. — 192 с.
4. Лунев В. В. Истоки и пороки российского уголовного законодательства. — М., 2014. — 320 с.
5. Лунев В. В. Свобода лучше, чем несвобода? // Криминология: вчера, сегодня, завтра. — 2012. — № 4. — С. 12–22.
6. Нерсесянц В. С. Право // Юридическая энциклопедия / отв. ред. Б. Н. Топорнин. — М., 2001. — С. 785–791.
7. Нерсесянц В. С. Философия права : учеб. для вузов. — М., 1997. — 652 с.
8. Эрхард Л. Благосостояние для всех ; пер. с нем. — М., 1991. — 336 с.

REFERENCES

1. Beccaria C. *On crimes and punishments* [On Crimes and Punishments]. Moscow, 2004. 184 p.
2. Delyagin M. *Nam nuzhny ne horoshie vozhdı, a chestnoe gosudarstvo* [We do not Need Good Leaders, we Need a Fair State]. Available at: <http://delyagin.ru/position/?dyear=2011>.
3. Zor'kin V. D. *Pravovoj put' Rossii* [Legal Path of Russia]. Moscow, 2014. 192 p.
4. Luneyev V. V. *Istoki i poroki rossijskogo ugolovnogogo zakonotvorchestva* [Sources and Prophets of Russian Criminal Lawmaking]. Moscow, 2014. 320 p.

5. Luneyev V. V. Is Freedom Better than Unfreedom? *Kriminologiya: vchera, segodnya, zavtra = Criminology: Yesterday, Today, Tomorrow*. 2012, no. 4, pp. 12–22. (In Russian).
6. Nersesyanc V. S. *Pravo. Yuridicheskaya `enciklopediya* [Law. Juridical Encyclopedia]. Moscow, 2001. Pp. 785–791.
7. Nersesyanc V. S. *Filosofiya prava : ucheb. dlya vuzov* [Philosophy of Law: a Textbook for Universities]. Moscow, 1997. 652 p.
8. Erhard L. *Blagosostoyanie dlya vseh* [Prosperity for all]. Moscow, 1991. 336 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Лунеев Виктор Васильевич (Москва) – доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник, лауреат Государственной премии РФ, заслуженный деятель науки РФ. ФГБУН «Институт государства и права Российской академии наук» (119019, г. Москва, ул. Знаменка, 10, e-mail: igpran@igpran.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Luneyev, Viktor Vasilyevich (Moscow) – Doctor of Law, Professor, Laureate of the State Prize of the Russian Federation, Honored Researcher of the Russian Federation, Chief Researcher. Institute of State and Law of Russian Academy of Sciences (Znamenka st., 10, Moscow, 119991, e-mail: igpran@igpran.ru)

ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, СОВЕРШАЮЩИХ КОРРУПЦИОННЫЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ (НА ПРИМЕРЕ ДАЛЬНЕГО ВОСТОКА РФ)

- ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ** Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 53–57. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.53-57
Дата поступления: 28.06.2014
- АННОТАЦИЯ** Статья посвящена описанию особенностей личности военнослужащих, совершивших коррупционные преступления, выявленных автором в результате проведенного криминологического исследования в военных судах Дальнего Востока РФ. Рассматриваются социально-демографические признаки таких лиц; служебное положение (прохождение военной службы по призыву или по контракту, составы военнослужащих); уголовно-правовые признаки; определен нравственно-психологический тип и мотивационная обусловленность совершения коррупционных преступлений.
- КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** Коррупция; Вооруженные Силы РФ; военнослужащие; личность преступника.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ** Волков А. А. Характеристика личности военнослужащих, совершающих коррупционные преступления (на примере Дальнего Востока РФ) // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 4. — С. 53–57. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.53-57.

А. А. Волков
Vladivostok Garrison Military Court,
Vladivostok, the Russian Federation

PERSONAL CHARACTERISTICS OF MILITARY PERSONNEL COMMITTING CORRUPTION-RELATED CRIMES (USING THE EXAMPLE OF THE FAR EAST OF THE RUSSIAN FEDERATION)

- PUBLICATION DATA** Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 53–57. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.53-57
Submission date: 28.06.2014
- ABSTRACT** The paper is devoted to describing the personal characteristics of military personnel committing corruption-related crimes; it is based on criminological research in the Far East of the Russian Federation. The author examines the social and demographic characteristics of such persons; their position in the military (conscript or serving on contract, military rank); criminal law characteristics; moral-psychological type and motivation for committing a corruption-related crime.
- KEYWORDS** Corruption; Armed Forces of the Russian Federation; military personnel; personality of a criminal.
- REFERENCE TO ARTICLE** Volkov A. A. Personal characteristics of military personnel committing corruption-related crimes (using the example of the Far East of the Russian Federation). *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 53–57. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.53-57.

В настоящее время коррупция является одной из основных угроз национальной безопасности России. Коррупция поразила все государственные институты. Не является исключением и военная организация государства со своими специфическими целями и задачами. При этом коррупция среди военнослужащих особенно опасна в силу закрытости военной организации государства и ее непосредственной связи с национальной безопасностью.

Эффективное противодействие коррупции среди военнослужащих невозможно без изучения личности тех, кто совершает такие преступления. Как показывают многочисленные исследования, современное состояние правосознания военнослужащих отличается доминированием негативных, деструктивных аспектов, вызывающих деформацию его структуры, раздробленность содержания и неустойчивость тенденций функционирования [5].

Личность преступника военнослужащего как типизированное явление весьма специфична. Она существенно отличается от различных типов правонарушителей из числа гражданских лиц, значительно богаче по содержанию, ибо включает в себя многие криминогенные качества, типичные для других видов преступников, а также весьма специфические черты, характерные только лишь для военнослужащих [3, с. 75–76]. При этом реальная возможность совершения преступления лицом, а следовательно, и его общественная опасность, определяются главным образом особенностями человеческой личности.

В зависимости от объективных и субъективных показателей криминологи выделяют ситуативную и личностную установки на преступную деятельность.

Ситуативная установка на преступную деятельность представляет собой антиобщественную форму реагирования личности на ситуацию. Доминирующим элементом установки на преступную деятельность является в этих случаях эмоциональное состояние готовности реагировать противоправным образом на сложившиеся обстоятельства. Несмотря на то, что преступления в данном случае имеют характер ситуативной деятельности, сознательное отношение к цели, средствам и способам ее достижения при этом не исключается. Для коррупционной преступности военнослужащих такая установка обычно не свойственна, за исключением случаев совершения коррупционных преступлений лицом, временно исполняющим должностные обязанности

и использующее их для совершения хищения (обычно оружия и боеприпасов), либо совершения таких преступлений военнослужащими по призыву.

Личностная установка на преступную деятельность представляет такую готовность и предрасположенность личности к совершению преступлений, которая основывается на твердо занятой индивидом антиобщественной позиции. Социально-нравственное содержание этой позиции составляют антиобщественные взгляды, представления, убеждения, идеи, противоречащие обществу перспективы и жизненные цели, а также ценностные ориентации, вступающие в конфликт с социальными нормами. В большинстве случаев совершение военнослужащими коррупционных преступлений обусловлено именно личностной установкой на совершение преступления. Такие военнослужащие, как правило, отдают себе отчет о возможных неблагоприятных последствиях в случае избрания (увольнение со службы, уголовная ответственность и т. д.)

Следует отметить конформный тип военнослужащего коррупционера, который подстраивается под социально-психологическую обстановку, существующую в коллективе, руководствуется принятыми в ведомстве нормами коррупционного поведения, вследствие чего изначально не замысливший совершить преступление военнослужащий из-за страха быть низвергнутым или уничтоженным сложившейся в обществе системой постепенно втягивается в орбиту коррупционных взаимоотношений, признаваемых сослуживцами нормальным явлением [2, с. 34]. Говоря об установочных признаках личности военнослужащих указанной категории, следует подчеркнуть, что они характеризуются, как правило, сформировавшимся уровнем, устойчивостью, интенсивностью и действенностью направленности на совершение преступления.

При изучении криминологической типологии личности военнослужащих, совершающих коррупционные преступления, необходимо рассматривать социально-демографические признаки таких лиц (половую принадлежность, возрастную характеристику, образовательный уровень, семейное положение), служебное положение (прохождение военной службы по призыву или по контракту, составы военнослужащих), уголовно-правовые признаки (характер и степень общественной опасности совершенных преступлений, их количество, степень их завершенности, интенсивность преступной деятельности, степень активности и роли в

групповых преступлениях), нравственно-психологический тип и мотивационную обусловленность совершения преступлений.

Учитывая, что в Российской Федерации военнослужащими в основном являются мужчины, ими так же чаще совершаются коррупционные преступления. Среди военнослужащих, осужденных военными судами Дальнего Востока за совершение коррупционных преступлений, 97,9 % составляют мужчины¹. Кроме того, женщины, проходящие военную службу по контракту, обычно замещают воинские должности с низким коррупционным потенциалом.

Возрастная характеристика военнослужащих свидетельствует о том, что в основном коррупционные преступления совершаются военнослужащими среднего возраста. Так, основная часть осужденных (более 42%) была в возрасте от 31 до 40 (рис. 1). Незначительное количество военнослужащих коррупционеров в возрасте до 25 лет объясняется тем, что они в указанном возрасте занимают должности с низким коррупционным потенциалом.

Рост количества осужденных в возрастных категориях до 40 лет связан с принципами иерархичности и единоначалия Вооруженных Сил РФ иных войск и воинских формирований, в которых предусмотрена военная служба, где карьерный рост во многом зависит от сроков службы, следовательно, занятие должности с существенным коррупционным потенциалом происходит в этом возрасте. В это время большинство военнослужащих коррупционеров имеют на иждивении несовершеннолетних детей, в том числе малолетних. Среди военнослужащих, осужденных военными судами Дальнего Востока за совершение коррупционных преступлений, 68,8 % были женаты (замужем), 50,1 % имели несовершеннолетних детей.

Снижение количества военнослужащих коррупционеров в возрасте старше 40 лет связано с увольнением с военной службы военнослужащих указанной возрастной категории и их выходом на пенсию, в связи с чем их доля среди военнослужащих не велика.

В ходе военной реформы проводились массовые сокращения военнослужащих, прежде всего верхней возрастной категории, в связи с чем к 2012 г. средний возраст военнослужащих, осужденных за совершение коррупционных преступлений, значи-

тельно снизился (рис. 2). В настоящее время коррупционные преступления совершаются в основном военнослужащими в возрасте от 26 до 35 лет (53,5 %).

Анализируя категории военнослужащих, совершающих коррупционные преступления, следует отметить, что популярные обывденные представления о главном расхитителе военного имущества — прапорщике, не соответствуют действительности. Коррупционные преступления совершаются в основном офицерами, причем старшими офицерами. Всего 0,5 % военнослужащих, осужденных за исследуемый период, на момент совершения преступления проходили военную службу по призыву, 2 % являлись рядовыми (матросами), сержантами, старшинами, проходящими военную службу по контракту, 11,8 % были прапорщиками (мичманами), 25,8 % — младшими офицерами (лейтенант-капитан / капитан-лейтенант), 59,3 % — старшими офицерами (майор / капитан 3 ранга — полковник / капитан 1 ранга), 0,6 % высшими офицерами (генералы, адмиралы).

В ходе военной реформы, массового сокращения военнослужащих старшего поколения, изменения штатного расписания воинских должностей, сокращения и снижения их категорий, в 2012–2013 гг. доля старших офицеров среди военнослужащих, осужденных за совершение коррупционных преступлений, сократилась до 46,9 %, доля младших офицеров выросла до 34,4 %. В среднем военнослужащий коррупционер стал моложе, но это — старший офицер, что говорит о быстром карьерном росте таких военнослужащих.

Следует отметить, что в ходе военной реформы была предпринята попытка сократить в Вооруженных Силах РФ должности прапорщиков и мичманов, однако на коррупцию среди указанной категории военнослужащих это сильного влияния не оказало, полностью сократить прапорщиков так и не получилось. Их доля среди военнослужащих Дальнего Востока, осужденных за совершение коррупционных преступлений, существенно не менялась и в 2012 г. составила 12,5 %, а в 2013 г. даже выросла до 16,7 %.

Традиционное представление о преступниках как о заведомых нарушителях воинской дисциплины, не верно для коррупционной преступности военнослужащих. Так, 92,5 % осужденных положительно характеризовались по службе, 6,2 % — удовлетворительно и только 1,3 % — отрицательно. Более того, в приговорах суда в отношении 16,4 % таких военнослужащих

¹ Исследование проведено за период 2002–2013 гг. в отношении военнослужащих, осужденных военными судами Дальневосточного федерального округа.

указано на наличие у них государственных наград, в том числе за участие в боевых действиях. Таким образом, отличные служебные и личностные характеристики не являются препятствием для коррупционных действий. Из анализа судебной практики усматривается, что 89,8 % осужденных имело высшее образование, 8,2 % – среднее, 2 % – начальное профессиональное, т. е. большинство военнослужащих коррупционеров хорошо образованы.

В соответствии с п. 2 ст. 23 ФЗ «О воинской обязанности и военной службе»¹ не допускается призыв на военную службу лиц, имеющих судимость. Кроме того, п. 5 ст. 34 указанного закона запрещает заключение контракта с гражданами, в отношении которых вынесен обвинительный приговор и назначено уголовное наказание.

Однако факт осуждения лица в период прохождения им военной службы также не является безусловным основанием для исключения преступника из военно-служебных отношений, т. е. его увольнения с военной службы. В судебной практике встречаются случаи совершения новых преступлений лицами, осужденными к наказаниям, не связанным с лишением свободы и не уволенными с военной службы. Несмотря на то, что доля таких лиц в общем числе осужденных военнослужащих невелика, они представляют значительную общественную опасность. В отношении 4,8 % таких военнослужащих в приговорах указывалось на наличие у них судимости, в том числе 2 % судимости за совершение коррупционных преступлений.

Криминологическая характеристика военнослужащих Дальнего Востока, совершающих коррупционные преступления, позволяет выявить наиболее типичные признаки, описать криминологический портрет личности преступника. В настоящее время в большинстве случаев такой преступник – это старший (реже младший) офицер в возрасте 26–30 лет, женат, зачастую имеет на иждивении малолетних детей, положительно характеризуется по службе.

Следует отметить, что в ходе проведенного в 2011–2013 гг. социологического исследования в форме анкетирования среди 572 военнослужащих различных родов и видов Вооруженных Сил РФ и гарнизонов Дальнего Востока

выявлено, что военнослужащие воспринимают коррупционеров как людей, наделенных отрицательными личностными качествами.

На вопрос «Какие, на Ваш взгляд, личностные качества военнослужащего, его психологические состояния и иные обстоятельства способствуют совершению коррупционных правонарушений?» большинство опрошенных (59,4 %) ответило «неудовлетворенность материальным обеспечением»; 36,4 % указало «наглость, эгоизм, безразличие к чужим нуждам»; 25,9 % – «корыстолюбие»; 20,3 % – «отношение к вверенному имуществу как к собственности»; 19,6 % – «презрение к закону и моральным нормам»; «чувство обиды на государство»; 18 % – «неуверенность в завтрашнем дне»; по 15 % военнослужащих выбрало «завистливость», «ложно понятые интересы службы» и «нежелание служить, отсутствие перспектив, разочарование в военной службе». Некоторые военнослужащие считают, что коррупционерам присущи положительные качества. Так, 14 % опрошенных при ответе на названный вопрос указали «деятельность, предприимчивость»; 4,2 % – ум; 3,5 % смелость [1, с. 31]. Представляется, что повышение с 2012 г. денежного довольствия военнослужащих стало весьма эффективной антикоррупционной мерой.

Кроме того, для личности корыстных преступников офицеров (в том числе коррупционеров) в большей степени характерна психология «временщика», которая ведет к необузданной наживе, алчности, чувству безответственности, разрыве элементарных внутренних социально-контрольных функций и т. д. [4, с. 90].

По мнению автора, характеристика личности преступника военнослужащего, совершающего коррупционное преступление в Дальневосточном федеральном округе в целом не отличается от характеристики личности преступника в воинских формированиях центральных регионов России, однако ряд признаков имеет и свою специфику. Это определяется, прежде всего, социально-экономическими и демографическими факторами: крайней социальной незащищенностью населения Дальневосточного региона, в том числе и военнослужащих; низкой товарообеспеченностью отдаленных районов Дальнего Востока, порождающей повышенный спрос на некоторые виды имущества (ГСМ, продукты питания, теплые вещи), в том числе военного; высокой степенью криминальной зараженности населения и т. д.

¹ О воинской обязанности и военной службе : федер. закон от 28 марта 1998 г. № 53-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс».

Знание особенностей криминологической характеристики военнослужащих, совершающих коррупционные преступления, вероятность криминального поведения которых прогнозируется как высокая, позволяет установить барьеры на пути их противоправной деятельности, комплексно и системно применять

меры индивидуального предупреждения коррупционных преступлений. Кроме того, учет особенностей личности преступника имеет значение на уровне индивидуальной пенализации, при выборе оптимального в правовом и социальном плане наказания и определении его меры.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Волков А. А. Проявление коррупции в органах военного управления // Военно-юридический журнал. — 2012. — № 9. — С. 29–31.
2. Волконская Е. К. Типология личности преступника-коррупционера // Российский следователь. — 2013. — № 14. — С. 33–34.
3. Иншаков С. М. Военная криминология. — М., 2001. — 210 с.
4. Мацкевич И. М. Преступность военнослужащих: Криминологические и социально-правовые проблемы : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.08. — М., 2000. — 357 с.
5. Мороз Р. В. О правовом инфантилизме и правовом нигилизме военнослужащих // Право в Вооруженных Силах. — 2004. — № 4. — С. 54–58.

REFERENCES

1. Volkov A. A. Corruption Cases in Military Management Departments. *Voenno-yuridicheskij zhurnal = Military Law Journal*, 2012, no. 9, pp. 29–31. (In Russian).
2. Volkonskaya E. K. Personality Typology of a Criminal Guilty of Corruption // *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2013, no. 14, pp. 33–34. (In Russian).
3. Inshakov S. M. *Voenная kрiminologiya* [Military Criminology]. Moscow, 2001. 210 p. (In Russian).
4. Matskevich I. M. *Преступность военнослужащих: Криминологические и социально-правовые проблемы. Докт. Дисс.* [Crimes Committed by the Military: Criminological and Socio-Legal Issues. Doct. Diss.]. Moscow, 2000. 357 p.
5. Moroz R. V. On Legal Infantilism and Legal Nihilism of the Military. *Pravo v Vooruzhennykh Silakh = Law in the Armed Forces*, 2004, no. 4, pp. 54–58. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Волков Артем Александрович (Владивосток) — помощник председателя. Владивостокский гарнизонный военный суд (690010, г. Владивосток, ул. Верхне-Портовая, 12а, e-mail: volkov-86@bk.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Volkov, Artyom Aleksandrovich (Vladivostok) — Deputy Chief Justice. Vladivostok Garrison Military Court (Verkhne-Portovaya st., 12 A, Vladivostok, 690010, e-mail: volkov-86@bk.ru)

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

OPERATIVE INVESTIGATIONS

УДК 343.1
ББК 67.410.212

Б. А. Спасенников
*Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Российская Федерация*

А. В. Цатуров
*Научно-исследовательский институт
Федеральной службы исполнения наказаний России,
Москва, Российская Федерация*

ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ В СРЕДЕ ОСУЖДЕННЫХ ЗА СОВЕРШЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ ЭКСТРЕМИСТСКОГО ХАРАКТЕРА

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 58–63. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.58-63
Дата поступления: 09.09.2014

АННОТАЦИЯ

Преступления экстремистского характера — угроза национальной безопасности Российской Федерации. В статье дан анализ изменений Уголовно-исполнительного кодекса России и Федерального закона «О федеральной службе безопасности». Показано, что изменение закона способствовало повышению эффективности борьбы с преступлениями экстремистского характера. Проанализированы особенности противодействия распространению экстремистской идеологии в местах лишения свободы. Представлена характеристика новых задач, возникающих в уголовно-исполнительной практике, и пути их решения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Преступления экстремистского характера; оперативно-розыскная деятельность; правовое регламентирование; экстремистская идеология; места лишения свободы; осужденный.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Спасенников Б. А., Цатуров А. В. Оперативно-розыскная деятельность в среде осужденных за совершение преступлений экстремистского характера // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2. — № 4. — С. 58–63. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.58-63.

В. А. Spasennikov
*Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service,
Moscow, the Russian Federation*

A. V. Tsaturov
*Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service,
Moscow, the Russian Federation*

OPERATIVE INVESTIGATIONS OF CRIMINALS CONVICTED FOR EXTREMIST CRIMES

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 58–63. (In Russian). ISSN: 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.58-63
Submission date: 09.09.2014

ABSTRACT

Extremist crimes are a threat to Russian national safety. The paper analyzes the amendments to the Criminal Law Enforcement Code of Russia and the Federal Law «On Federal Security Service». The authors prove that the amendments contributed to the improved efficiency of fighting extremist crimes. They analyze the specifics of counteracting the spread of extremist ideology in detention facilities and characterize new problems emerging in the criminal law enforcement practice as well as ways of solving them.

KEYWORDS

Extremist crimes; operative investigations; legal regulation; extremist ideology; detention facilities; convicted person.

REFERENCE TO ARTICLE

Spasennikov B. A., Tsaturov A. V. Operative investigations of criminals convicted for extremist crimes. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 58–63. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.58-63.

Результаты анализа работы, проводимой Федеральной службой исполнения наказаний (ФСИН России) в отношении лиц, осужденных за совершение преступлений террористического и экстремистского характера, отбывающих наказание в исправительных учреждениях (ИУ) показывают, что принимаемые меры позволили достичь определенных результатов [1, с. 43–48].

На наш взгляд, этому способствовало и внесение изменений в законодательство РФ (ст. 73 и 81 Уголовно-исполнительного кодекса РФ; ст. 13 Федерального закона «О федеральной службе безопасности» от 3 апреля 1995 г. № 40-ФЗ), направленных на повышение эффективности мер по разработке осужденных и разобщению террористических и экстремистских ячеек, формируемых осужденными, содержащимися в учреждениях, исполняющих уголовное наказание в виде лишения свободы.

В настоящее время сформированы информационные массивы о лицах, осужденных за осуществление террористической и экстремистской деятельности. Разработан и реализуется комплексный межведомственный план, предусматривающий проведение совместных мероприятий в отношении осужденных, отбывающих наказание за преступления террористического и экстремистского характера, обеспечение контроля над лицами указанной категории, освободившимися из мест лишения свободы, а также профилактическую работу, направленную на предупреждение распространения идеологии экстремизма и терроризма. Внесены коррективы в расстановку сил и средств, сформированы дополнительные позиции, способные вскрывать деятельность законспирированных террористических и экстремистских ячеек, создаваемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы [2, с. 36–40]. Это приводит к повышению эффективности проводимой работы.

Например, осужденный Ражаев отбывал наказание за разбойное нападение. В результате проведенных ФСИН России мероприятий получены и процессуально закреплены данные об его активной противоправной деятельности в составе бандформирований и участии в убийствах военнослужащих и сотрудников правоох-

ранительных органов (в 1999 г. в Дагестане лично зверски расправился с шестью военнослужащими Внутренних войск МВД России). В результате 30 января 2012 г. Верховный Суд Республики Дагестан признал Ражаева виновным в посягательстве на жизнь сотрудников правоохранительных органов и назначил ему наказание в виде пожизненного лишения свободы¹.

Внесенные в ст. 13 закона «О федеральной службе безопасности»² изменения позволяют, на наш взгляд, организовывать работу по формированию позиций в среде осужденных, способных решать задачи в интересах правоохранительных органов после освобождения. Так, в результате оперативно-розыскных мероприятий в среде осужденных с 2007 по 2013 г. получено более 120 явок с повинной, раскрыт ряд резонансных преступлений, реализована информация о 22 тайниках с оружием, боеприпасами и взрывчатыми материалами. Пресечена деятельность 24 проповеднических групп и 32 экстремистских ячеек, формируемых осужденными в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Привлечены к уголовной (18 чел.) и административной (38 чел.) ответственности, 9 чел. получили официальные предостережения о недопустимости действий, создающих условия для совершения преступлений. В предупредительно-профилактических целях осуществлено более 400 информационно-пропагандистских мероприятий [4, с. 31–37].

Вместе с тем уровень угроз безопасности в Российской Федерации остается высоким. Полагаем, что сложившаяся на сегодня система государственного регулирования этой сферы, равно как и организация в пределах компетенции мер оперативного реагирования на угрозы на рассматриваемом направлении, не вполне эффективны.

В учреждениях уголовно-исполнительной системы отбывают наказание более 1 150 чел., осужденных за террористиче-

¹ Архив Верховного Суда Республики Дагестан. – 2012.

² О федеральной службе безопасности : федер. закон от 3 апр. 1995 г. № 40-ФЗ (изм. от 5 мая 2014 г.) // Российская газета. – 1995. – 12 апр.

скую деятельность. Более 500 чел. осуждены за экстремистскую деятельность, из которых 157 приговорены к лишению свободы на срок более 10 лет, 13 чел. — пожизненно. Есть основания полагать, что ряд из них в той или иной степени причастен к деятельности международных террористических организаций [3, с. 29–32].

По нашим данным, с 2007 г. оперативно-розыскные мероприятия проводились в основном в отношении террористов, пытавшихся осуществить свои устремления на Северном Кавказе и в Поволжье, в частности, под флагом джихадизма. В настоящее же время фиксируется весь спектр мотивов экстремистской деятельности, то есть политически, социально, религиозно, национально окрашенный экстремизм.

В связи с перечисленным, следует выделить следующие негативные факторы, способствующие развитию данного явления в местах лишения свободы:

- недостаточный оперативный контроль над содержащимися в исправительных учреждениях лицами, осужденными за совершение преступлений экстремистской направленности;

- рост популярности неонацистской идеологии в криминальной среде, формирование в этой среде положительного образа «военнопленного борца с режимом»;

- наличие предпосылок для «срачивания» идей радикального ислама с идеологией национал-социализма;

- недостаточные знания сотрудников исправительных учреждений об исламе и о признаках, указывающих на исповедование осужденными его радикальных форм;

- создание и функционирование в исправительных учреждениях сплоченных экстремистских групп, координирующих свою деятельность с помощью незаконно используемых средств сотовой связи;

- недостатки в техническом оснащении, затрудняющие выявление фактов нелегального использования осужденными средств мобильной связи и выхода в сеть интернет;

- недостаточность принимаемых администрациями исправительных учреждений мер по недопущению поступления в места заключения литературы экстремистского характера, используемой для пропаганды радикальной идеологии;

- оказание помощи экстремистам отдельными представителями местных мусульманских организаций, в условиях отсутствия должного контроля над деятельностью указанных структур со стороны администраций исправительных учреждений;

- низкая активность духовно-просветительской работы среди заключенных со стороны местных епархий Русской православной церкви;

- активная деятельность различных «правозащитных» организаций, оказывающих под эгидой соблюдения прав заключенных идеологическую и финансовую поддержку осужденным радикалам.

Таким образом, в результате проводимого в рамках реформирования уголовно-исполнительной системы сокращения штатов в большинстве ИУ отмечается нехватка оперативного состава, а также сотрудников подразделений безопасности и режима, что затрудняет осуществление контроля за спецконтингентом. Ситуацию усугубляет то, что в текущем году в соответствии с Указом Президента РФ «Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы»¹ планируется дальнейшее сокращение количества сотрудников территориальных подразделений ФСИН России. При этом Концепция развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года² предполагает, что сокращение численности сотрудников будет компенсироваться внедрением на объектах ФСИН России современных комплексов инженерно-технических средств охраны и надзора, а также интегрированных систем безопасности. Между тем в настоящее время сокращение штатных должностей в ИУ проводится без внедрения технических средств контроля над осужденными по причине нехватки денежных средств.

Несовершенство действующего законодательства РФ также способствует совершению гражданами правонарушений, связанных с передачей либо попытками передачи запрещенных предметов лицам, содержащимся в учреждениях уголовно-исполнительной системы. Так, на наш взгляд, ст. 19.12 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях³ предусматривает весьма мягкую ответственность за совершен-

¹ Об установлении штатной численности работников уголовно-исполнительной системы : указ Президента РФ от 20 апр. 2013 г. № 363 // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 16, ст. 1923.

² О Концепции развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2020 года : распоряжение Правительства РФ от 14 окт. 2010 г. № 1772-р (ред. от 31 мая 2012 г.) // Архив ФСИН России. — 2012.

³ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ (изм. от 5 мая 2014 г.) // Российская газета. — 2001. — 31 дек.

ное противоправное деяние (штраф от 3 до 5 тыс. р.). При этом выплачиваемая осужденными сумма за поставку в колонию запрещенных предметов кратна выше взимаемого штрафа. Законом также не предусмотрена ответственность за неоднократность совершения правонарушений данного вида, что ухудшает оперативную обстановку в учреждениях ФСИН России.

Происходящее на этом фоне некоторое ухудшение психологической обстановки в коллективах, морально-нравственного состояния отдельных сотрудников уголовно-исполнительной системы негативно влияет на уровень профессионализма, способствует росту злоупотреблений должностных лиц ИУ, снижению охранного режима и, как следствие, возможному возникновению на объектах предпосылок к чрезвычайным ситуациям, в том числе распространение экстремистской идеологии. Особую угрозу представляют коррумпированные связи осужденных с сотрудниками уголовно-исполнительной системы, которые за материальное вознаграждение снабжают их мобильными устройствами связи. В частности, на объектах Управления ФСИН России по Астраханской области в результате проведенных мероприятий выявлены средства сотовой телефонии, незаконно используемые осужденными. Так, в ФКУ СИЗО-1 при наличии 102 помещений для содержания осужденных выявлено 134 единицы средств сотовой связи.

Ослабление контроля формирует у осужденных экстремистов чувство безнаказанности и подталкивает их к активизации попыток усилить свое влияние на спецконтингент и вовлечь в экстремистскую деятельность новых лиц. Очевидно, что это требует внесения своевременных коррективов и укрепления единой системы организации работы на рассматриваемом направлении оперативной разработки.

Актуальность и важность адекватного реагирования на новые вызовы связана с тем, что, по нашим данным, значительная часть заключенных намерена продолжить противоправную деятельность после освобождения из мест лишения свободы. Анализ ситуации свидетельствует о сохранении условий для распространения в учреждениях уголовно-исполнительной системы идеологии радикального ислама. В настоящее время среди ее носителей и распространителей помимо осужденных участников экстремистских структур фиксируется увеличение количества лиц, осужденных за общеуголовные преступления.

Несмотря на принимаемые меры по осуществлению контроля над осужденными экстремистами, пенитенциарные учреждения остаются благоприятной средой для распространения экстремистской идеологии и вербовки потенциальных террористов. Отбывая наказание в ИУ, приверженцы радикальной исламистской идеологии стремятся к объединению в экстремистские ячейки, приобретению пособнических связей в местных национальных диаспорах, мусульманских организациях и правозащитных структурах. Факты создания экстремистских ячеек в местах лишения свободы вскрыты в 20 регионах России. Для сравнения следует указать, что за 2007–2008 гг. религиозно-экстремистских ячеек вскрыто не более 5.

Лидеры таких групп активно используют ислам для укрепления своего положения в неформальной иерархии осужденных, пропаганды экстремистских взглядов среди спецконтингента и вербовки новых сторонников. В этих целях в ИУ доставляются агитационные материалы, в том числе признанные в установленном законом порядке экстремистскими. Большинство исламских печатных изданий, в том числе запрещенных к обороту на территории РФ, поступает в ИУ по легальным каналам. Массовое распространение запрещенной литературы в местах лишения свободы обусловлено отсутствием во ФСИН России ведомственных нормативно-правовых актов, регламентирующих контроль за печатными изданиями, ненадлежащим отношением ряда сотрудников ФСИН России, осуществляющих досмотр поступающей в исправительные учреждения литературы, отсутствием на местах актуальной версии федерального списка экстремистских материалов. Кроме того, в связи с регулярно проводимыми мероприятиями по изъятию экстремистской литературы, осужденными используются издания, закамуфлированные под книги, не включенные в федеральный список экстремистских материалов.

В ряде случаев отмечается сращивание экстремистских ячеек и криминальных сообществ посредством присвоения лидерам упомянутых ячеек воровских титулов.

Указанные негативные процессы происходят на фоне резкого увеличения в местах лишения свободы количества заключенных, исповедующих ислам. В учреждениях пенитенциарной системы отмечается значительный рост числа молельных комнат и мечетей, которые активно используются отдельными служителями культа для пропаганды радикальной исламской идеологии.

Как показывает практика, изолирование осужденных-вербовщиков от основной массы спецконтингента путем перевода для дальнейшего отбывания наказания в ИУ на территории других регионов России в целом проблему распространения экстремистской идеологии не решает.

Расширение ресурсной базы террористических структур происходит также вследствие распространения радикальных форм ислама среди осужденных, не принадлежащих к этносам, традиционно исповедующим ислам (так называемые неофиты). Их идеологическую обработку религиозные экстремисты считают одной из приоритетных задач. В большинстве случаев неофиты подбираются из числа лиц молодого или среднего возраста, зачастую неоднократно судимых и не имеющих семьи, слабовольных, занимающих низшие позиции в уголовной иерархии, рассматривающих радикальный ислам как вариант личностного развития, легко поддающихся влиянию, наркозависимых, которых в последующем можно использовать в качестве террористов-смертников или рядовых боевиков. Подобные тенденции наблюдаются во всех регионах России, где отбывают наказание осужденные за преступления экстремистского характера.

Процесс психологической обработки осужденных славян начинается со знакомства с отдельными положениями Корана, трактуемыми приверженцами радикального ислама в выгодном им ключе, и принятия исламской веры. В дальнейшем обработка проводится с использованием литературы экстремистской направленности. Потенциальным неофитам оказывается всесторонняя помощь, при этом акцентируется внимание на том, что «мусульмане с воли» в отличие от представителей других вероисповеданий всячески поддерживают находящегося в заключении единоверцев. Формированию у осужденного мотива стать членом экстремистской ячейки благоприятствуют также высокая сплоченность заключенных из числа приверженцев ислама и их готовность отстаивать интересы своих «братьев по вере» в различных конфликтных ситуациях между осужденными.

К настоящему времени установлено свыше 300 лиц, принявших ислам в местах лишения свободы. Большая их часть сделала это под влиянием носителей религиозно-экстремистской идеологии. Восприняв радикальные идеологические установки, новообращенные и после отбывания наказания, как правило, продолжают поддерживать с ними контакты. Сотрудниками ФСИН Рос-

сии систематически вскрываются факты, когда после освобождения неофиты присоединяются к незаконным вооруженным формированиям, либо пытаются сформировать автономные террористические ячейки в местах своего проживания. По нашему мнению, в ближайшей перспективе масштабы распространения идеологии радикального ислама в исправительных учреждениях будут возрастать. Об этом, в частности, свидетельствует тенденция увеличения числа осужденных за преступления террористического и экстремистского характера. Наличие средств связи позволяет осужденным контактировать с радикальными исламистами других регионов РФ и находящимися за рубежом, получать информационно-методические материалы экстремистского содержания, координировать свои действия по тактике защиты, проведению родственниками протестных акций на свободе, осуществлять пропагандистскую деятельность на различных сайтах как экстремистских, так и правозащитных организаций.

Следует отметить, что принимаемые меры по изъятию запрещенных предметов из оборота вызывают недовольство со стороны спецконтингента. На наш взгляд, можно говорить о наличии сговора между осужденными за экстремизм и общеуголовные преступления, направленные на умышленное привлечение к себе внимания госорганов и общественности, попыток манипулирования администрацией исправительных учреждений для извлечения собственных выгод, идущих вразрез с нормами федерального законодательства и внутриведомственными нормативно-правовыми актами ФСИН России. При этом отмечается тенденция вовлечения осужденных в экстремистскую деятельность под идеей необходимости общего противостояния сотрудникам ФСИН России независимо от криминальной направленности.

Полагаем, что попытки дезорганизации деятельности учреждений уголовно-исполнительной системы, в том числе с использованием религиозно-экстремистских факторов, предпринимаются главарями экстремистских ячеек при поддержке международных и российских правозащитных организаций. При этом отмечается усиление активности различных правозащитных структур по распространению тенденциозной информации о, якобы, допускаемых нарушениях прав человека в отношении лиц, задержанных, подсудимых и осужденных по обвинению в причастности и содействии экстремистской деятельности.

Решение проблем в обозначенной сфере является задачей не только правоохранительных органов. Считаем, что пока не выработано единого подхода со стороны заинтересованных ведомств по организации работы в среде осужденных и освободившихся из мест лишения свободы, то основным критерием оценки эффективности проводимых мероприятий должно стать количество бывших экстремистов, вернувшихся к законопослушной жизни, и сокращение рецидива совершения аналогичных преступлений. Для устранения имеющихся проблем, совершенствования деятельности по разработке осужденных и освободившихся из мест лишения свободы необходимо в дальнейшем укреплять взаимодействие всех заинтересованных ве-

домств, проводить активные мероприятия по оперативной разработке таких лиц, т. е. реализуемый комплекс мер должен быть направлен на пресечение попыток создания в местах лишения свободы террористических и экстремистских ячеек; получение сведений о местонахождении, планах и намерениях лидеров бандформирований, экстремистских группирований и международных террористических организаций, а также раскрытие резонансных преступлений. Таким образом, решение видится в разработке механизма более тесного взаимодействия ФСИН России в сфере оперативно-розыскной деятельности в среде осужденных за совершение преступлений экстремистского характера с иными правоохранительными органами России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Спасенников Б. А., Цатуров А. В. Оптимизация правового регулирования оперативно-розыскной деятельности в учреждениях ФСИН России // Актуальные вопросы образования и науки. — 2014. — № 3-4 (43-44). — С. 43-48.
2. Спасенников Б. А., Цатуров А. В. Проблемы правового регламентирования оперативно-розыскной деятельности в местах лишения свободы // Вестник института: преступление, наказание, исправление. — 2014. — № 2 (26). — С. 36-40.
3. Спасенников Б. А., Цатуров А. В. Проблемы противодействия распространению религиозно-экстремистской идеологии в местах лишения свободы // Человек: преступление и наказание. — 2014. — № 2 (85). — С. 29-32.
4. Спасенников Б. А., Цатуров А. В. Противодействие распространению религиозной и экстремистской идеологии в учреждениях ФСИН России // Вестник международного Института управления. — 2014. — № 3-4 (127-128). — С. 31-37.

REFERENCES

1. Spasennikov B. A., Tsaturov A. V. Optimizing the Legal Regulation of Operative Investigations in the Institutions of Russian Federal Penitentiary Service. *Aktual'nye voprosy obrazovaniya i nauki = Topical Issues of Education and Research*. 2014, no.3-4 (43-44), pp. 43-48. (In Russian).
2. Spasennikov B. A., Tsaturov A. V. Issues of Legal Regulation of Operative Investigations in Detention Facilities. *Vestnik instituta: prestuplenie, nakazanie, ispravlenie = Institute's Bulletin: Crime, Punishment, Correction*. 2014, no. 2 (26), pp. 36-40. (In Russian).
3. Spasennikov B. A., Tsaturov A. V. Issues of Counteracting the Spread of Religious Extremist Ideology in Detention Facilities. *Chelovek: prestuplenie i nakazanie = Human : Crime and Punishment*. 2014, no. 2 (85), pp. 29-32. (In Russian).
4. Spasennikov B. A., Tsaturov A. V. Counteracting the Spread of Religious and Extremism Ideology in the Institutions of Russian Federal Penitentiary Service. *Vestnik mezhdunarodnogo Instituta upravleniya = Bulletin of International Institute of Management*. 2014, no. 3-4 (127-128), pp. 31-37. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Спасенников Борис Аристархович (Москва) — доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник. ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru)

Цатуров Арманд Владиславович (Москва) — соискатель. ФКУ «Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России» (125130, г. Москва, ул. Нарвская, 15а, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Spasennikov, Boris Aristarkhovich (Moscow) — Doctor of Law, Professor, Chief Researcher. Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Narvskaya st., 15a, Moscow, 125130, e-mail: borisspasennikov@yandex.ru)

Tsaturov, Armand Vladislavovich (Moscow) — Ph.D. student. Research Institute of Russian Federal Penitentiary Service (Narvskaya st., 15a, Moscow, 125130, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 343.9
ББК 67.511

Е. З. Гиниятуллина
Иркутский юридический институт (филиал)
Российской правовой академии Минюста России,
Иркутск, Российская Федерация

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШАЕМЫХ ЛИЦАМИ, ПОЛУЧАЮЩИМИ ОБЩЕЕ И СРЕДНЕЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ, КАК ОБЪЕКТ КРИМИНОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

- ИНФОРМАЦИЯ
О СТАТЬЕ** Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 64–67. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.64-67
Дата поступления: 28.05.2014
- АННОТАЦИЯ** В статье рассматривается теоретическое исследование вопроса, посвященного поиску путей снижения роста преступлений среди несовершеннолетних и молодежи и повышения эффективности их профилактики. Особое внимание уделяется предупреждению преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование.
- КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА** Молодежь; обучающиеся; личность; правовая культура; криминология; предупреждение преступлений.
- БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ
ОПИСАНИЕ** Гиниятуллина Е. З. Криминологическая характеристика и предупреждение преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование, как объект криминологического исследования // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 4. — С. 64–67. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.64-67.

Ye. Z. Giniyatullina
Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy
of the Ministry of Justice of the Russian Federation,
Irkutsk, the Russian Federation

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTIC AND PREVENTION OF CRIMES COMMITTED BY STUDENTS OF SECONDARY AND SECONDARY VOCATIONAL SCHOOLS AS AN OBJECT OF A CRIMINOLOGICAL STUDY

- PUBLICATION DATA** Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 3, pp. 64–67. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.64-67
Submission date: 28.05.2014
- ABSTRACT** The paper examines the theory of searching for the ways to reduce the growth in the number of crimes committed by minors and young adults as well as to improve the efficiency of crime prevention. The author pays special attention to preventing crimes committed by students of secondary and secondary vocational schools.
- KEYWORDS** Youth; students; person; legal culture; criminology; crime prevention.
- REFERENCE
TO ARTICLE** Giniyatullina Ye. Z. Criminological characteristic and prevention of crimes committed by students of secondary and secondary vocational schools as an object of a criminological study. *Prolog: zhurnal o prave = Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 64–67. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.64-67.

В последние годы в Российской Федерации вновь стали проявлять заинтересованность в воспитании молодого поколения, формировании личностей с активной жизненной позицией, поддержке молодых граждан, позитивно настроенных к Закону и Праву. Согласно ст. 1 Конституции РФ Россия признается демократическим правовым государством¹. В то же время данное положение, несмотря на свое конституционное закрепление, является декларативным, в массовом сознании граждан право не является безусловной ценностью и общественной нормой жизни. В настоящее время в России сложились такие экономические и социальные условия, при которых не исключено попадание детей и подростков под влияние негативных общественных факторов, влекущих за собой совершение правонарушений (в первую очередь преступлений).

Как известно, дети, подростки и молодежь в целом являются одной из самых незащищенных категорий граждан. С одной стороны, молодые, не имеющие жизненного опыта люди часто подвергаются насилию, нарушаются их права, не реализуются предусмотренные законодательством свободы. С другой стороны, молодежь огромную часть времени предоставлена сама себе, родителям и законным представителям молодого поколения часто просто физически некогда заниматься воспитанием своих детей. В результате перечисленного, а также воздействия иных немаловажных социальных факторов появляется такое общественное явление, как повальное употребление психотропных и психоактивных веществ, алкоголизм, табакокурение, нежелание учиться и работать, жестокость и агрессия, провоцирующие совершение преступлений и правонарушений [3].

В этой связи поиск путей снижения роста преступлений среди молодежи и повышение эффективности их профилактики являются одной из самых актуальных и социально значимых задач, которые стоят перед современным обществом. Особую роль в этой сфере играет предупреждение преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование. В силу возрастных особенностей, отсутствия знаний, опыта по противодействию криминальным угрозам и рискам эта социальная группа является одной из наиболее уязвимых, поэтому государство стремится найти специальные подходы к решению указанных

задач. Работа по профилактике преступлений и правонарушений среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование, правоохранительными органами предполагает целый комплекс социально-профилактических мер, направленных на индивидуальную коррекцию личности несовершеннолетних, а также формирование правовой культуры и повышение правовой грамотности обучающихся.

Следует отметить, что в современный период развития преступность среди молодежи, в том числе и среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование, по-прежнему имеет место. Это связано с различными проблемами, существующими в современном обществе: социальными, экономическими, правовыми и т. п. В свою очередь, государство стремится к снижению роста названного вида преступности, тем или иным образом разрешая проблемы общества. Посвящая научные исследования изучению преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование, ученые в определенной мере помогают предотвратить совершение названных видов преступлений.

Принято считать, что молодое поколение является будущим любой страны, от их привычного поведения, образа жизни, личностных качеств зависит судьба общества и государства в целом. В этой связи становится неудивительным, что подростково-молодежной преступности уделяется огромное внимание в отечественной и зарубежной литературе: криминологической, социологической, психологической, педагогической и др. [4]. Подростки и молодежь характеризуются повышенной криминальной активностью.

При этом нельзя не отметить, что обозначенная социальная проблема – преступность среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование, – является не столь простой и однозначной, как может показаться на первый взгляд.

Во-первых, негативная оценка взрослого поведения детей, подростков, молодежи наблюдается на протяжении всей истории человечества. И это неудивительно: конфликт поколений присущ не только новой истории, старшие всегда недовольны младшими, а последние отвечают взаимностью [1, с. 34–35].

Во-вторых, подросткам, молодежи закономерно присуща повышенная активность, проявляющаяся как в негативной (относительно высокая криминализация,

¹ Конституция Российской Федерации : принята всенар. голосованием 12 дек. 1993 г. // Российская газета. – 1993. – 25 дек.

наркотизация, сексуальные девиации), так и в позитивной (художественное, техническое, научное творчество) форме девиантности [2]. Дети, подростки, молодые люди часто обладают юношеским максимализмом, стремлением сделать что-то новое, попробовать ранее неизведанное, самоутвердиться в инновационной деятельности. Однако поиск молодыми людьми своего пути нередко приводит как к творческим достижениям, так и к негативным девиациям, в том числе к преступности.

В-третьих, взрослые, предъявляя повышенные требования к подрастающему поколению, сами нередко показывают своим поведением и поступками далеко не лучший пример. Справедливо осуждая тяжкие преступления, совершаемые подростками, часто не обращают внимания на детскую безнадзорность, заброшенность, прямое насилие над детьми и подростками со стороны взрослых, включая их родителей, родственников и учителей.

Стоит отметить, что существенный вклад в разработку концептуальных положений криминологической характеристики и предупреждения молодежной преступности (и в частности, предупреждения преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование) внесли исследования целого ряда авторов: Г. А. Аванесов, Ю. М. Антонян, М. М. Бабаев, С. А. Беличева, Н. И. Ветров, Г. С. Гаверов, А. И. Долгова, В. Д. Ермаков, К. Е. Игошев, Г. И. Забрянский, Г. Л. Касторский, В. М. Кормициков, М. С. Крутер, Н. Ф. Кузнецова, А. И. Лебедева, В. В. Лунеев, Г. М. Миньковский, Г. Г. Мошак, О. В. Пристанская, С. Л. Сибиряков, В. С. Харламов, Д. А. Шестаков и др. Исследованиями схожих научных тем занимались и многие зарубежные криминологи-правоведы, такие как Э. Фромм, Ж. Дюпрель, И. Егер, Р. Кларк, Т. Селлин, Г. Тард и др. К исследованию данной научной темы обращались и многие другие ученые-юристы. Правоведы занимались и занимаются изучением проблем преступности среди молодежи, в том числе среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование. Это обусловлено тем, что молодежная преступность, независимо от того, в какой стране мира она имеет место, нередко обусловлена схожими для различных государств факторами: неблагоприятной социальной средой, личностными факторами, экономическими проблемами государства и т. д. Все это способствует особой заинтересованности отечественных

и зарубежных ученых-юристов заниматься исследованием молодежной преступности.

Вместе с тем многие проблемы в этой области решены еще в недостаточной степени. В контексте современных политических и экономических реалий назрела необходимость провести исследование, посвященное криминологической характеристике и предупреждению преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование. На наш взгляд, подобное научное исследование будет способствовать повышению эффективности профилактических мер, дальнейшему их совершенствованию как на законодательном, так и на правоприменительном уровнях.

Стоит заметить, что в России уже осуществлен переход от плановой экономики к рыночной, когда происходят и вводятся на практике изменения в такой важной сфере общественной жизни, как образование. При этом характерной особенностью является то, что отечественная образовательная система подвергается постоянным изменениям и совершенствованию. Нас уже не удивляет, например, обязательная сдача обучающимися единых государственных экзаменов (а когда-то такая форма сдачи выпускных экзаменов школьниками была лишь «пилотным проектом» и реализовывалась только в отдельных регионах России). Кроме того, мы начинаем привыкать к новой системе высшего профессионального образования, при которой обычный для советского времени специалитет, предполагающий пятилетнее обучение в высшем учебном заведении, заменен бакалавриатом и магистратурой¹.

Эти и другие немаловажные обстоятельства современной жизни тем или иным образом влияют на такое социальное явление, как молодежная преступность, и в частности преступность среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование.

При теоретическом исследовании указанной общественной проблемы необходимо не только исследовать, рассматривать и анализировать криминологические и уголовно-правовые аспекты предупреждения преступлений названной категории лиц, но и выдвигать на их основе предложения, направленные на совершенствование законодательства, посвященного профилак-

¹ Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29 дек. 2012 г. № 273-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 53, ч. 1, ст. 7598.

ке и предупреждению преступности среди обучающихся. Для этого необходимо:

- выявить и обозначить основные противоречия, существующие в системе общего и среднего профессионального образования, способствующие формированию противоправного поведения обучающихся (правовые, социальные, экономические и иные);
- раскрыть значение и роль правовых механизмов и других инструментов преодоления противоречий, существующих в системе общего и среднего профессионального образования и способствующих формированию противоправного поведения обучающихся;
- дать криминологическую характеристику преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование, причины и условия их совершения;
- исследовать с криминологической точки зрения личность лиц, получающих общее или среднее профессиональное образование и совершившего преступление;
- раскрыть причины и условия преступлений, совершаемых обучающимися лицами;

- проанализировать виктимологический аспект преступлений, которые совершаются обучающимися;

- исследовать особенности предупреждения преступных посягательств, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование (общесоциальная и специально-криминологическая профилактика);

- разработать и обосновать выводы и предложения по совершенствованию профилактики преступлений, совершаемых лицами, получающими общее и среднее профессиональное образование.

Подводя итог, отметим следующее: чтобы сократить рост молодежной преступности в целом, необходимо уделить особое внимание проблемам преступности среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование. Для этого необходимо обосновать систему детерминант названного вида молодежной преступности и сформулировать предложения по совершенствованию системы мер профилактики преступности среди лиц, получающих общее и среднее профессиональное образование.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Гилинский Я. И. Девиантология: социология преступности, наркотизма, проституции, самоубийств и других «отклонений». — СПб., 2004. — 520 с.
2. Девиантное (отклоняющееся) поведение подростков: многообразие, опыт, трудности, поиск альтернатив : материалы Регионального научно-практического семинара / под общ. ред. проф. Ю. А. Клейберга. — Тверь, 2000. — С. 10-12.
3. Плахтий А. Профилактика преступности среди учащихся // Керченский рабочий. — 2013. — 21 мая.
4. Понятовская О. Ребенок имеет право // Социальная защита. — 1999. — № 6. — С. 7-8.

REFERENCES

1. Gilinskiy Ya. I. *Deviantologiya: sotsiologiya prestupnosti, narkotizma, prostitutsii, samoubijstvo i drugikh «otkloneniij»* [Deviantology: Sociology of Crime, Drug Addiction, Prostitution, Suicide and other «Deviations»]. Saint-Petersburg, 2004. 520 p.
2. Klejberg Yu. A. (ed.) *Deviantnoe (otklonyayushcheesya) povedenie podrostkov: mnogoobrazie, opyt, trudnosti, poisk al'ternativ: materialy Regional'nogo nauchno-prakticheskogo seminarina* [Deviant Behavior of Teenagers: Diversity, Experience, Difficulties, Search for Alternatives. Materials of Regional Research Workshop]. Tver, 2000, pp. 10-12. (In Russian).
3. Plakhtij A. Crime Prevention among Pupils. *Kerchenskij rabochij = Kerch Workman*. May 21, 2013. (In Russian).
4. Ponyatovskaya O. A Child has a Right. *Sotsial'naya zashchita = Social Protection*, 1999, no. 6, pp. 7-8. (In Russian).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Гиниятуллина Екатерина Закариевна (Иркутск) — аспирант кафедры уголовного права и криминологии. Иркутский юридический институт (филиал) ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации» (664011, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4, e-mail: rpa38@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Giniyatullina, Yekarina Zakariyevna (Irkutsk) — Ph.D. student, Chair of Criminal Law and Criminology. Irkutsk Law Institute (Affiliate) of the Russian Law Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation (Nekrasova st., 4, Irkutsk, 664011, e-mail: rpa38@mail.ru)

УДК 347.132
ББК 67.404.0

Е. В. Титов
Байкальский государственный университет экономики и права,
Иркутск, Российская Федерация

ЮРИДИЧЕСКИЕ ДЕЙСТВИЯ, КВАЛИФИЦИРУЕМЫЕ В КАЧЕСТВЕ ЮРИДИЧЕСКИХ ПОСТУПКОВ

ИНФОРМАЦИЯ О СТАТЬЕ

Пролог: журнал о праве. 2014. Т. 2, № 4. С. 68–72. ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.68-72
Дата поступления: 01.06.2014

АННОТАЦИЯ

Существует множество разновидностей юридических действий, место которых до настоящего момента в системе юридических фактов четко не определено. В статье с целью установления правовой природы отдельных видов юридических действий подвергаются анализу российское гражданское законодательство, доктрина и судебная практика, критически оцениваются признаки юридических поступков. На основе проделанного анализа делается вывод о необходимости более широкого подхода к пониманию юридических поступков и необходимости корректировки существующего определения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

Юридический поступок; юридический факт; юридическое действие; результативное действие.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ

Титов Е.В. Юридические действия, квалифицируемые в качестве юридических поступков // Пролог: журнал о праве. — 2014. — Т. 2, № 4. — С. 68–72. — DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.68-72.

Ye.V. Titov
Baikal State University of Economics and Law,
Irkutsk, the Russian Federation

LEGAL ACTIONS CLASSIFIED AS LEGAL DEEDS

PUBLICATION DATA

Journal about Law, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 68–72. (In Russian). ISSN 2306-7136
DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.68-72
Submission date: 01.06.2014

ABSTRACT

There are many types of legal actions whose place in the system of legal facts has not been specified yet. The author aims to determine the legal nature of specific legal actions through the analysis of Russian civil legislation, doctrine and court practice, he also offers a critical appraisal of legal deeds' attributes. The author then uses this analysis to conclude that there is a need for a broader approach to legal deeds and for adjusting their current definition.

KEYWORDS

Legal deed; legal fact; legal action; effective action.

REFERENCE TO ARTICLE

Titov Ye.V. Legal actions classified as legal deeds. *Prolog: zhurnal o prave* = *Journal about Law*, 2014, vol. 2, no. 4, pp. 68–72. (In Russian). DOI: 10.15727/2313-6715.2014.2.4.68-72.

На существование юридических действий, не являющихся правонарушениями, обращалось внимание еще в дореволюционной литературе [13]. Начиная с XIX в. принимаются попытки квалификации отдельных юридических действий в качестве юридических поступков в отечественной и иностранной литературе. Аренс, Бернгейт, Васьковский, Виндшейд, Дербург,

Дормидонтов, Годэмэ, Гримм, Колер, Мейер, Меркель, Савиньи, Синайский и другие ученые так или иначе затрагивали определения юридических действий, которые в настоящее время принято квалифицировать в качестве юридических поступков (само понятие юридического поступка было введено позже, как принято считать, М. М. Агарковым).

Исследования в дореволюционный период и первую половину XX в. проводились, как правило, с целью определения правовой природы отдельного юридического факта или решения конкретной юридической задачи. Всестороннего исследования в данной области не производилось. В советский период в связи со спецификой экономических отношений в СССР, а также отсутствием практической надобности юридические действия в виде юридических поступков не получили большого распространения.

С развитием рыночных отношений и усложнением экономического оборота появляется необходимость квалификации большого разнообразия действий, не удостоенных достаточным вниманием в дореволюционной и советской литературе. Некоторые из таких действий обладают определенной спецификой по отношению к уже существующим разновидностям юридических фактов (например, решение собраний или юридически значимые сообщения, правовая природа которых в настоящее время вызывает немало споров). Необходимость правовой квалификации новых видов юридических фактов приводит к попыткам «встраивания» их в уже существующую строгую систему.

Новые явления реальной действительности либо нарушают «идеальную дихотомию» юридических действий (юридические акты и поступки), либо вписываются в нее, расширяя признаки одного понятия и, соответственно, сужая признаки другого, что оказывает влияние как на всю теорию юридических фактов, так и на каждый вид юридических фактов в отдельности.

Целью настоящей работы является анализ отдельных юридических действий с целью установления их правовой природы.

Определение юридического поступка, сформулированное О. А. Красавчиковым в 1958 г., стало аксиомой и используется большинством авторов, в том числе и современных [5, с. 107; 7, с. 35]. Юридический поступок определяется как «действие, влекущее юридические последствия, независимо от того, были ли направлены эти действия на последствия, ими (в силу норм права) называемые, или нет» [10, с. 114]. Таким образом, понятие юридического поступка складывается из следующих признаков:

- правомерность;
- юридический эффект, достигаемый вне зависимости от направленности на него воли.

Единообразное понимание и отсутствие споров, казалось бы, должны свидетельство-

вать об идеальности конструкции, непротиворечивости, однако, такие противоречия выявляются. При необходимости охарактеризовать правовую природу конкретного обстоятельства реальной действительности, исследователи зачастую сталкиваются с затруднениями, нередко приводящими в итоге к противоречивым выводам.

Классическими видами юридических поступков являются — создание художественного произведения, находка, обнаружение клада [5, с. 107]. Этот перечень, конечно, не охватывает всех разновидностей юридических поступков, однако, сформирован не случайно. Наступление правовых последствий указанных действий, не направленных, как принято считать, на создание таких последствий (поэтому являющихся юридическими поступками), предусмотрены в ГК РФ¹. По всей видимости, именно с наличием прямого указания законодателя на правовые последствия этих действий, связано и наиболее частое их упоминание в доктрине в качестве примера юридических поступков (так называемый, законодательный «пример», который именно поэтому и бесспорный).

Гражданское законодательство содержит целый ряд юридически значимых действий, которые по своим формальным признакам подходят под определение юридического поступка. Например, создание вещи (ст. 219, 222 ГК РФ); переработка (ст. 220 ГК РФ); присвоение (ст. 221 ГК РФ); удержание вещи (ст. 359, 360 ГК РФ); исполнение должником обязанности (ст. 36, 144, 206, 408 ГК РФ), в том числе передача, оказание услуги и выполнение работы; отказ (от права, от исполнения — ст. 236, п. 3 ст. 450 ГК РФ); выход из состава, прекращение членства (ст. 77, 94, 111 ГК РФ); заявления, уведомления, извещения, требования (ст. 165.1, 410, 477 ГК РФ); оферта и акцепт (ст. 435–443 ГК РФ); предъявление претензии или иска (ст. 797 ГК РФ); перемещение товаров (ст. 150–152 Таможенного кодекса Таможенного союза²).

Встречаются в литературе и другие виды действий, называемые авторами «юридическими поступками». Так, на-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации : федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 2 нояб. 2013 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1994. — № 32. — Ч. 1, ст. 3301.

² Таможенный кодекс Таможенного союза : прил. к договору о Таможенном кодексе Таможенного союза от 27 нояб. 2009 г. № 17 // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 50, ст. 6615.

пример, А. В. Маркосян относит к юридическим поступкам «действия лица по фактическому содержанию и воспитанию ребенка» [12, с. 69]; Е. Ю. Бакирова — «выезд нанимателя на другое постоянное местожительство» [2, с. 49]; В. В. Ярков — «произведение ремонта жилого помещения» [14, с. 23]; А. В. Кручинин — «отказ работника от продолжения работы» [11, с. 45]; Е. М. Денисевич — «поддержание наследником дома в надлежащем состоянии» [6, с. 32]; М. М. Агарков — признание фактов и уведомление о фактах [1, с. 51]; С. Н. Касаткин — создание, переработку, уничтожение вещи, обращение в собственность общедоступных для сбора вещей [8, с. 150]; В. А. Белов — переработку, отделение плодов от вещи, оккупацию, задержание и содержание безнадзорных животных, обоснованный односторонний отказ от исполнения обязательства, действие в чужом интересе без поручения, спасение имущества или людей [3, с. 523]. Это далеко не исчерпывающий перечень юридических действий, которые, по мнению исследователей, необходимо относить к юридическим поступкам. Перечень юридических поступков чрезвычайно широк.

К юридическим поступкам по оставшемуся признаку нередко относят все те юридические факты, которые не подходят под определение юридического акта (сделки). Такой подход является неверным и приводит к объединению в одну группу огромного числа разнородных действий с различными признаками. Юридические действия, квалифицируемые в качестве юридических поступков, весьма различные, поэтому юридические поступки могут быть классифицированы. Многие из перечисленных действий обладают сходными признаками с «бесспорными» юридическими поступками — находкой, отысканием клада, созданием художественного произведения (создание вещи, присвоение, передача, переработка и др.), а значит перечень действий — юридических поступков более широкий, чем принято считать. Напротив, некоторые из перечисленных примеров ближе подходят к категории юридических актов (например, признания, уведомления, требования; прекращение членства и выход из состава участников; акцепт и оферта и др.). Этим осложняется квалификация и правильное определение их места в системе юридических фактов. Например, исполнение должником лежащей на нем обязанности рассматривается и как юридический поступок [3, с. 523, 530], и как сделка (одно-

сторонняя и двусторонняя), как результативное действие, как особый юридический факт [4, с. 122–131].

Определение места конкретного обстоятельства реальной действительности в существующей классификации юридических фактов не должно быть самоцелью. Целью определения правовой природы юридического факта является выявление возможности распространения на данный факт соответствующего правового режима. Так, если юридический факт есть сделка, то он должен соответствовать требованиям, предъявляемым законодательством к сделкам, если поступок, то, соответственно, к поступкам.

Как представляется, все перечисленные разновидности юридически значимых действий регулируются неодинаково. Такие действия имеют различную форму выражения: одни действия формальны — совершаются путем произнесения определенных слов (устно или письменно), это и юридически значимые сообщения, и претензии, и оферта с акцептом, и признания, и отказы; другие действия «материальны»¹, т. е. оказывают влияние на материальный мир (в отличие от первых, воздействующих на волю адресата, к которому направлены) — это создание вещи, переработка, присвоение, передача (совершаются не «словом», а «делом»).

Некоторые действия ограничиваются наличием одного только волеизъявления для достижения юридического эффекта (сообщения). Другие, помимо акта выражения воли, содержат также физическое (или материальное) движение. Так, например, для передачи вещи необходимо ее вручение, для обращения в собственность общедоступных для сбора вещей — их «захват» и т. п. Для юридической значимости одних действий требуются определенные характеристики субъекта (дееспособность), для совершения других не требуется.

Таким образом, действия, относимые к юридическим поступкам, различаются и по форме совершения, и по содержанию. Направленность воли на правовые последствия в них, как принято считать, может присутствовать или отсутствовать, главное, чтобы право не придавало такой направленности обязательного значения. Такой критерий выделения юридических поступков еще больше размывает границы между

¹ О. А. Красавчиков выделял соответственно «материальные» и «нематериальные» юридические поступки [10, с. 158].

ними и остальными разновидностями юридических действий. Обязательна ли направленность воли, скажем, в отказе от исполнения договора? Или в передаче вещи? Мнения ученых по этому поводу, как отмечалось, существенно отличаются.

Необоснованное объединение всех «не актов» и причисление их к юридическим поступкам приводит к объединению в данной категории не только действий, не являющихся юридическими поступками, но и тех, которые вообще не являются юридическими фактами-основаниями, поэтому вовсе не могут быть включены в классификацию юридических действий, например, «поддержание наследником дома в надлежащем состоянии», «действия лица по фактическому содержанию и воспитанию ребенка» и др.

Попытки сгруппировать разнородные юридические действия, не являющиеся актами, привели к образованию еще одной разновидности юридических действий, называемых «результативными» [9, с. 176]. Это не решило проблему в полной мере, и не добавило ясности в конструкцию юридического поступка — скорее наоборот. Нередко результативные действия понимаются как разновидность юридических поступков [1, с. 153–156], либо эти понятия смешиваются и отождествляются [7, с. 35; 11, с. 45–46; 12, с. 69–70].

В современной литературе все чаще можно встретить точку зрения, согласно которой юридическими поступками могут являться не только правомерные, но и неправомерные действия [3, с. 474, 522, 631, 875–876]. Этот вопрос заслуживает определенного внимания и не может игнорироваться исследователями.

Таким образом, существующее традиционное представление, ставшее аксиомой, обладает следующими недостатками:

1. Слишком узкое понимание конструкции юридических поступков и отнесение к ним только действий, прямо предусмотренных законом, а именно создание худо-

жественного произведения, отыскание клада и находки.

2. Необоснованное причисление к юридическим поступкам всех действий, не являющихся юридическими актами, без выяснения признаков.

3. Отсутствие четких признаков юридического поступка, что вызывает, как следствие, размытость границ между отдельными разновидностями юридических действий.

Как и любое другое явление, юридические поступки обладают совокупностью собственных признаков, из которых и должно быть построено определение данного понятия. Только в таком случае можно ставить вопрос об отнесении конкретных юридических фактов к соответствующей группе.

Существующий взгляд на юридические поступки, ограничивающийся только находкой, обнаружением клада и созданием художественного произведения является слишком узким и ограниченным. Содержание категории «юридический поступок» требует соответствующего уточнения, а определение и признаки юридического поступка нуждаются в переработке.

Конструкция юридических поступков прочно вошла в гражданский оборот. Термин «юридический поступок» активно используется не только в науке, но и на практике¹. Тот факт, что юристы, уделяя определенное внимание различным юридическим поступкам, фактически не вдаются в суть самого понятия, совсем не означает, что сама проблема не значима для права. Напротив, правильное понимание природы отдельных юридических действий, в том числе юридических поступков, влияет на правоприменительную практику и, как следствие, на совершенствование законодательства.

¹ Решение Арбитражного суда Красноярского края от 1 нояб. 2011 г. по делу № А33-11746/2010 // СПС «Гарант».

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агарков М. М.* Понятие сделки по советскому гражданскому праву // Советское государство и право. — 1946. — № 3–4. — С. 41–55.
2. *Бакирова Е. Ю.* Юридические факты в жилищных правоотношениях : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Белгород, 2003. — 206 с.
3. *Белов В. А.* Гражданское право. Общая часть : учеб. : в 2 т. — М., 2011. — Т. 2 : Лица, блага, факты. — 1093 с.
4. *Васильев Г. С.* Переход права собственности на движимые вещи по договору : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — СПб., 2006. — 237 с.
5. *Гражданское право : учеб. : в 3 т. / В. В. Байбак, Н. Д. Егоров, И. В. Елисеев ; под ред. Ю. К. Толстого.* — 7-е изд., перераб. и доп. — М., 2011. — Т. 1. — 784 с.

6. Денисевич Е. М. Односторонние сделки в гражданском праве Российской Федерации: понятие, виды и значение : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03. — Екатеринбург, 2004. — 173 с.
7. Долова А. З. Юридические факты в трудовом праве : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.05. — М., 2009. — 381 с.
8. Касаткин С. Н. Понятие поступка в гражданском праве РФ // Закон и правоприменительная практика : материалы II междунар. науч.-практ. конф. (Нижегород, 30 июня 2013 г.). — Н. Новгород, 2013. — С. 148–152.
9. Кечекьян С. Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. — М., 1958. — 187 с.
10. Красавчиков О. А. Юридические факты в советском гражданском праве. — М., 1958. — 183 с.
11. Кручинин А. В. Юридические факты и их составы, обуславливающие возникновение индивидуальных трудовых правоотношений : дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.05. — Пермь, 2003. — 171 с.
12. Маркосян А. В. Юридические поступки и результативные действия в семейном праве // Семейное право. — 2009. — № 8. — С. 68–70.
13. Титов Е. В. История становления и развития представлений о юридических поступках // Известия Иркутской государственной экономической академии (Байкальский государственный университет экономики и права) (электронный журнал). — 2014. — № 2. — URL : <http://eizvestia.isea.ru/pdf.aspx?id=19030>.
14. Ярков В. В. Юридические факты в механизме реализации норм гражданского процессуального права : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.03. — Екатеринбург, 1992. — 523 с.

REFERENCES

1. Agarkov M. M. The Concept of Transaction in Soviet Civil Law. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1946, no. 3–4, pp. 41–55. (In Russian).
2. Bakirova E. Yu. *Yuridicheskie fakty v zhilishchnykh pravootnosheniyakh. Kand. Diss.* [Legal Facts in Housing Legal Relationships. Cand. Diss.]. Belgorod, 2003. 206 p.
3. Belov V. A. *Grazhdanskoe pravo. Obshchaya chast' [Civil Law. General Part]*. Moscow, 2011. Vol. 2. 1093 p.
4. Vasil'ev G. S. *Perekhod prava sobstvennosti na dvizhimye veshchi po dogovoru. Kand. Diss. Thesis* [Contractual Transfer of Title for Movable Property. Cand. Diss.]. Saint-Petersburg, 2006. 237 p.
5. Tolstoy Yu. K. (ed.) *Grazhdanskoe pravo [Civil Law]*. Moscow, 2011. Vol. 1. 784 p.
6. Denisevich E. M. *Odnostoronnie sdelki v grazhdanskom prave Rossijskoj Phederatsii: ponyatie, vidy i znachenie Kand. Diss.* [Unilateral Transactions in the Civil Law of the Russian Federation: Concept, Types and Meaning. Cand. Diss.]. Yekaterinburg, 2004. 173 p.
7. Dolova A. Z. *Yuridicheskie fakty v trudovom prave. Doct. Diss.* [Legal Facts in Labor Law. Doct. Diss.]. Moscow, 2009. 381 p.
8. Kasatkin S. N. The Concepy of Action in the Civil Law of the Russian Federation. *Zakon i pravoprimenitel'naya praktika: materialy II mezhdunar. nauch.-prakt. konph. (Nizhniy Novgorod, 30 iyunya 2013 g.)* [Law and Law Enforcement: Materials of the 2nd Research Conference (Nizhniy Novgorod, June 30, 2013)]. Nizhniy Novgorod, 2013, pp. 148–152. (In Russian).
9. Kechek'yan S. Ph. *Pravootnosheniya v sotsialisticheskom obshchestve* [Legal Relations in the Socialist Society]. Moscow, 1958. 187 p.
10. Krasavchikov O. A. *Yuridicheskie fakty v sovetskom grazhdanskom prave* [Legal Facts in Soviet Civil Law]. Moscow, 1958. 183 p.
11. Kruchinin A. V. *Yuridicheskie fakty i ikh sostavy, obuslovlivayushchie vozniknovenie individual'nykh trudovykh pravootnoshenij Kand. Diss.* [Legal Facts and their Contents Determining the Emergence of Individual Labor Relationships. Cand. Diss.]. Perm, 2003. 171 p.
12. Markosyan A. V. Legal Deeds and Effective Actions in Family Law. *Semejnoe pravo = Family Law*, 2009, no. 8, pp. 68–70. (In Russian).
13. Titov Ye. V. The History of the Emergence and Development of Ideas regarding Legal Deeds. *Izvestiya Irkutskoy gosudarstvennoy ekonomicheskoy akademii (Baykalskiy gosudarstvennyy universitet ekonomiki i prava) (elektronnyy zhurnal) = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy (Baikal State University of Economics and Law) (online journal)*, 2014, no. 2. (In Russian). Available at: <http://eizvestia.isea.ru/pdf.aspx?id=19030>.
14. Yarkov V. V. *Yuridicheskie fakty v mekhanizme realizatsii norm grazhdanskogo protsessual'nogo prava. Doct. Diss.* [Legal Facts in the Implementation Mechanism for the Norms of Civil Procedural Law. Doct. Diss.]. Ekaterinburg, 1992. 523 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Титов Евгений Валерьевич (Иркутск) — аспирант кафедры гражданского права и процесса. ФГБОУ ВПО «Байкальский государственный университет экономики и права» (664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: bumbala@mail.ru)

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Titov, Yevgeniy Valeryevich (Irkutsk) — Ph.D. student, Chair of Civil Law and Process. Baikal State University of Economics and Law (Lenin st., 11, Irkutsk, 664003, e-mail: bumbala@mail.ru)

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

I. ТРЕБОВАНИЯ К СТАТЬЯМ, ПУБЛИКУЕМЫМ В ЖУРНАЛЕ

1. Условия опубликования статьи:

- представляемая для публикации статья должна быть актуальной, обладать новизной, содержать постановку задач (проблем), описание основных результатов исследования, полученных автором, выводы;
- соответствовать правилам оформления;
- плата с аспирантов за публикацию рукописей в журнале не взимается.

2. Правила оформления статьи:

- статья направляется в редакцию журнала только по электронному адресу prolog-gra@mail.ru;
- при компьютерном наборе материалов необходимо учитывать следующее: объем статьи — до 0,5 п.л. для соискателей ученой степени и аспирантов, до 1,0 п.л. для лиц, имеющих ученую степень и/или ученое звание, формат страницы А4, текстовый редактор Microsoft Word for Windows; шрифт — Times New Roman, размер — 14, интервал — 1,5; абзацный отступ — 10 мм; все поля — 20 мм;
- материалы сопровождаются аннотацией (не менее 500 символов) и ключевыми словами (3–4 слова или словосочетания);
- текст должен быть тщательно вычитан автором, который несет ответственность за научно-теоретический уровень публикуемого материала и правильность оформления заимствований;
- нумерация страниц проставляется внизу по центру;
- в конце материалов помещается список использованной литературы (источники располагаются по алфавиту), оформленный в соответствии с ГОСТ 7.1-2003. Библиографическая запись. Библиографи-

ческое описание. Общие требования и правила составления;

- использованная литература (без повторов) оформляется в конце текста под названием «Список использованной литературы». В тексте сноски обозначаются квадратными скобками с указанием в них порядкового номера источника по списку и через запятую номер страницы (страниц), например: [5, с. 115]. Другой способ оформления литературы не допускается;
- ссылки на нормативно-правовые акты размещаются постранично и в список использованной литературы не дублируются;
- после списка литературы размещаются сведения об авторе(ах): ФИО (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, организация (в именительном падеже), адрес организации, электронный адрес автора(ов).

3. Сопроводительные документы к статье:

- для всех авторов заявка на имя главного редактора журнала о публикации статьи;
- для аспирантов и соискателей ученой степени кандидата наук рекомендация о возможности публикации статьи в научном журнале, подписанная научным руководителем и заверенная печатью учреждения. В рекомендации отражается актуальность раскрываемой проблемы, оценивается научный уровень и дается рекомендация об опубликовании статьи в журнале «Пролог»;
- сведения об авторе(ах): фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, ученое звание, должность, место работы (место учебы или соискательство), контактные телефоны, факс, e-mail, почтовый индекс и адрес.

II. ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ РУКОПИСЕЙ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Научные статьи, поступившие в редакцию, проходят через институт рецензирования.

2. Формы рецензирования статей:

- внутренняя (рецензирование рукописей статей членами редакционной коллегии);
- внешняя (направление на рецензирование рукописей статей ведущим специалистам в соответствующей отрасли права).

3. Ответственный редактор определяет соответствие статьи профилю журнала,

требованиям к оформлению и передает ее в редакционный совет, который направляет рукопись на рецензирование специалисту, доктору или кандидату наук, имеющему наиболее близкую к теме статьи научную специализацию.

4. Сроки рецензирования в каждом отдельном случае определяются ответственным редактором с учетом создания условий для максимально оперативной публикации статьи.

5. В рецензии должны быть освещены следующие вопросы:

а) соответствует ли содержание статьи заявленной в названии теме;

б) насколько статья соответствует современным достижениям научно-теоретической мысли;

в) доступна ли статья читателям, на которых она рассчитана, с точки зрения языка, стиля, расположения материала, наглядности таблиц, диаграмм, рисунков и пр.;

г) целесообразна ли публикация статьи с учетом ранее выпущенной по данному вопросу литературы;

д) в чем конкретно заключаются положительные стороны, а также недостатки статьи, какие исправления и дополнения должны быть внесены автором;

е) вывод о возможности опубликования данной рукописи в журнале: «рекомендуется», «рекомендуется с учетом исправления отмеченных рецензентом недостатков» или «не рекомендуется».

6. Рецензии заверяются в порядке, установленном в учреждении, где работает рецензент.

7. В случае отклонения статьи от публикации ответственный редактор направляет автору мотивированный отказ.

8. Статья, не рекомендованная рецензентом к публикации, к повторному рассмотрению не принимается. Текст отрицательной рецензии направляется автору по электронной почте, факсом или обычной почтой.

9. Наличие положительной рецензии не является достаточным основанием для публикации статьи. Окончательное решение о целесообразности публикации принимается редакционным советом.

10. После принятия редакционным советом решения о допуске статьи к публикации ответственный редактор информирует об этом автора и указывает сроки публикации.

11. Оригиналы рецензий хранятся в редакции журнала «Пролог».

III. ПОРЯДОК РАССМОТРЕНИЯ СТАТЕЙ, ПОСТУПИВШИХ В РЕДАКЦИЮ

1. Статьи принимаются по установленному графику:

- в № 1 (март) — до 15 января текущего года;

- в № 2 (июнь) — до 1 апреля текущего года;

- в № 3 (сентябрь) — до 1 июля текущего года;

- в № 4 (декабрь) — до 1 октября текущего года;

В исключительных случаях, по согласованию с редакцией журнала, срок приема статьи в ближайший номер может быть продлен, но не более чем на две недели.

2. Поступившие статьи рассматриваются редакционным советом в течение месяца.

3. Редакционный совет правомочен осуществлять научное и литературное редак-

тирование поступивших материалов, при необходимости сокращать их по согласованию с автором, либо, если тематика статьи представляет интерес для журнала, направлять статью на доработку автору.

4. Редакционный совет и редакционная коллегия оставляет за собой право отклонить статью, не отвечающую установленным требованиям или тематике журнала.

5. Авторы в течение 7 дней получают уведомление о поступившей статье. Через месяц после регистрации статьи ответственный редактор сообщает авторам о результатах рецензирования и о плане публикации статьи.

6. Автору предоставляется бесплатный экземпляр журнала, содержащий опубликованную статью.

Подписано в печать 05.12.2014. Формат 60x90 1/8. Гарнитура Book Antiqua. Печать офсетная. Бумага офсетная. Усл. печ. л. 9,3. Тираж 1000 экз. Заказ №

Иркутский юридический институт (филиал)
ФГБОУ ВПО «Российская правовая академия Министерства юстиции Российской Федерации»
664011, Россия, Иркутская область, г. Иркутск, ул. Некрасова, 4

Отпечатано в ООО Оперативная типография «На Чехова»,
г. Иркутск, ул. Чехова, 10, тел.: (3952) 209-355, 209-056
E-mail: info@print.irk.ru www.print.irk.ru